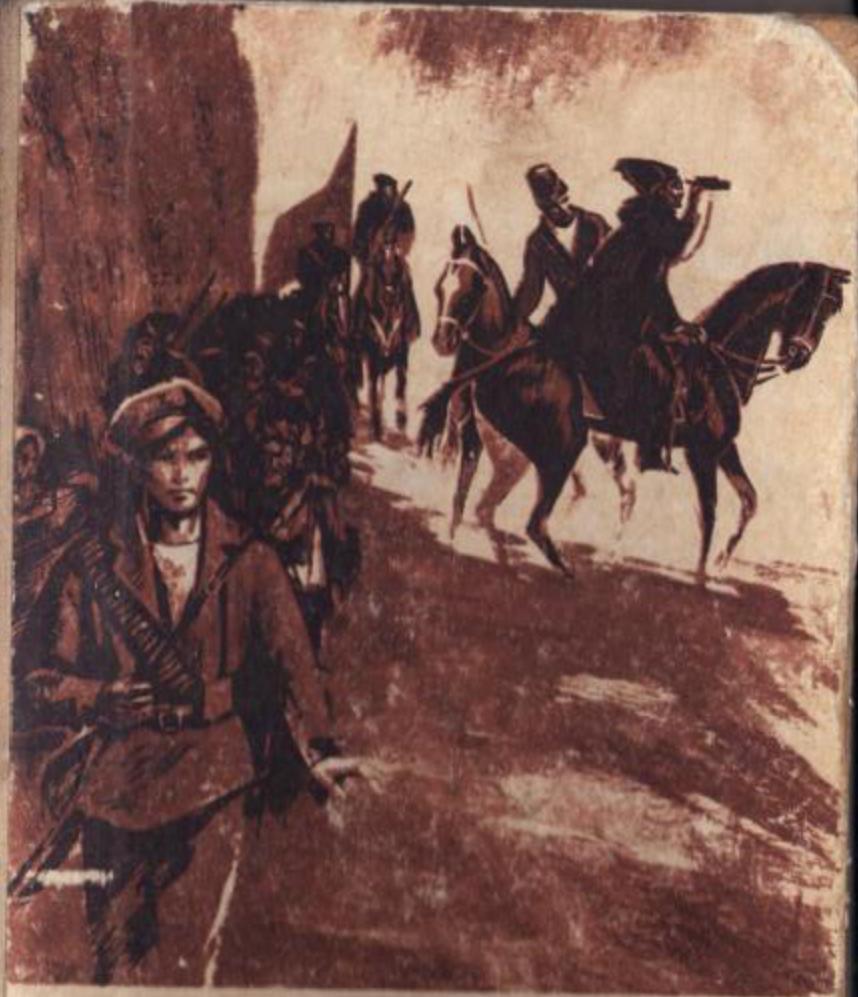


Денка 41 коп.

Г. Н. ПОПОВ ПАРТИЗАНЫ ЗАМАНЬЯ



Г. Н. ПОПОВ

ПАРТИЗАНЫ
ЗАМАНЬЯ

Г. Н. ПОЛОВ

ПАРТИЗАНЫ
ЗАМАНЬЯ



ВОСПОМИНАНИЯ
ПОЛИТРАБОТНИКА
ПАРТИЗАНСКОЙ
АРМИИ
А. Д. КРАВЧЕНКО
и П. Е. ЩЕТИНКИНА

Красноярское книжное издательство
1974

От автора

МЕМУАРЫ Г. Н. ПОПОВА
«ПАРТИЗАНЫ ЗАМАНЬЯ»
ИНТЕРЕСНЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРДЬ ТЕМ,
ЧТО ОНИ НАПИСАНЫ
НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ УЧАСТНИКОМ
БОЕВЫХ ПОХОДОВ
ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ
А. Д. КРАВЧЕНКО И П. Е. ЩЕТИНКИНА,
КОТОРАЯ ВНЕСЛА ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД
В РАЗГРОМ КОЛЧАКОВЩИНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ.
НО ЭТО
НЕ ТОЛЬКО ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА.
ПО ДОКУМЕНТАМ И ПО РАССКАЗАМ
СВОИХ БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ
АВТОР ВОССОЗДАЕТ
ДОВОЛЬНО ПОЛНУЮ КАРТИНУ
ТЕХ ГЕРОИЧЕСКИХ ДНЕЙ,
ЖЕСТОКОЙ И БЕСКОМПROMИССНОЙ
БОРЬБЫ С КОЛЧАКОВЦАМИ
ЗА ПОЛНУЮ ПОБЕДУ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В НАШЕМ КРАЕ.
КНИГА РАССЧИТАНА
НА ШИРОКИЙ КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Литературная обработка
В. Зыкова

П 0164—043
М147(03)—74 03—74

© Красноярское книжное издательство, 1974 г.

Лето 1918 года принесло рабочему классу и трудовому крестьянству Сибири тяжелые испытания. Контрреволюция при поддержке белочехов захватила власть в свои руки, расчистив дорогу черносотенному царскому адмиралу Колчаку.

Началась мобилизация в белую армию. С крестьян потребовали подати за все годы войны. Карапельные отряды жестоко расправлялись с теми, кто пытался протестовать.

В ответ на репрессии трудовое население Сибири под руководством подпольных большевистских организаций поднималось на вооруженную борьбу.

Первыми в бывшей Енисейской губернии в ноябре 1918 года выступили крестьяне южных волостей Минусинского уезда. Восстание было жестоко подавлено, но это не остановило дальнейшего развития движения трудовых масс за Советы. Против белого террора выступили подпольные организации Заманья и южной части Кансского уезда. Началось формирование партизанских отрядов под общим командованием А. Д. Кравченко. В конце декабря этого же года образовалась подпольная Тасеевская организация под руководством В. Г. Яковенко. В начале января 1919 года сформировался партизанский отряд П. Е. Щетинкина в северной части Ачинского уезда. Восстание в Енисейске закончилось формированием партизанского отряда Ф. Я. Бабкина. На юге Ачинского уезда возник отряд М. Х. Переялова. Появились небольшие партизанские отряды в Большой Мурте и в Боготоле и довольно крупный — в районе

Знаменского стекольного завода под командованием большевика Н. М. Копылова.

Партизанам приходилось нелегко. Не хватало оружия, боеприпасов. Мало было опытных командиров, организаторов. Красноярская подпольная организация направила в отряды большевиков Е. Т. Марутко, В. А. Уланова, Н. П. Курченко, С. К. Сургуладзе, А. Шмидта и других, посыпала партизанам винтовки, взрывчатку, медикаменты и т. д.

Партизанское движение лишало контрреволюцию живой силы и материальных ресурсов, отвлекало крупные воинские силы колчаковской армии и западного фронта. Организованное и руководимое большевиками, оно разрушало аполитичность крестьянства, способствовало победе Советской власти.

Вся Сибирь поднялась против Колчака. «Мы бесконечно сильными стали потому, — писал В. И. Ленин, — что миллионы научились понимать, что такое Колчак... не из наших проповедей и учений, а из собственного опыта» *.

Народ понял, что «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской...» **.

В борьбе с колчаковщиной сибирские партизаны уничтожили десятки тысяч белогвардейских солдат и офицеров, освободили от белых огромнейшую территорию, оказав существенную помощь освободительнице Сибири — 5-й армии. В нашем kraе все города, за исключением Ачинска, были освобождены от белогвардейцев силами партизан и повстанцев.

Более полувека прошло с тех пор. Но события героических дней не забываются. О них написано много статей и книг. И с каждым годом выходят все новые и новые. В

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 42.

** Там же, стр. 397.

1969 году в Красноярском книжном издательстве вышли воспоминания партизана Тасеевского фронта Г. М. Иванова «Тасеевская республика 1918—1920 гг.» Переизданы воспоминания руководителя этого фронта В. Г. Яковенко. В 1970 году опубликованы сразу две книги о тех годах: «Петр Щетинкин» Ф. Н. Пешкина (Красноярск) и «Енисейские партизаны» Я. С. Замураева (Новосибирск). В 1971 году издательство «Советская Россия» выпустило в свет «Повесть о сибирском Чапаеве» П. Кащуктина — книгу о П. Е. Щетинкине.

И все же, несмотря на кажущееся обилие литературы, партизанское движение в Енисейской губернии освещено еще недостаточно. Взявшиеся за подготовку мемуаров о борьбе с колчаковщиной партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина, в рядах которой находился с первых до последних дней, я вначале писал лишь о событиях, участником или свидетелем которых был сам. Но невольно рамки повествования несколько расширились: товарищи просили меня рассказать и о том, что знали они, о том, что сохранилось в документах. Разумеется, я не претендую на полноту охвата всех событий, происходивших в партизанской армии, а пишу только о том, в чем достаточно уверен.

Я глубоко благодарен всем товарищам, которые помогли мне создать эту книгу: О. С. Стильве, В. И. Алкснису, Э. Г. Горштейну, Т. А. Кравченко, Я. Ф. Ксендзову, Т. К. Барашковой, С. Л. Карасеву, В. С. Юмашеву, В. В. Твердых, И. С. Саломатову, П. И. Ковалевой, П. С. Лопатскому, А. Н. Котовой, М. В. и П. И. Толстыхиным, Е. С. Сургуладзе, Ф. Г. Кузовцову, А. Е. Селезневу, А. А. Терещенко, Ф. В. Грызлову, С. П. Потылицыну, Е. К. Александрову, И. М. Пристрельскому, С. Ф. Белоконь, С. Г. Шлагину, В. Г. Шлагину, П. А. Анциферовой, Ф. К. Александрову, Н. Г. Антонкину, П. И. Гути-

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

кову, Е. М. Дудареву, А. Т. Криволуцкому, М. А. Саломатовой, А. С. Чупиковой и другим.

Большую помощь в работе мне оказали сотрудники Красноярского и Новосибирского партийных архивов, Красноярского госархива, Красноярского государственного музея и Красноярской краевой библиотеки, Минусинского музея имени Н. М. Мартынова.

Благодарю также за ценные советы и замечания при подготовке рукописи доктора исторических наук профессора В. П. Сафонова, кандидатов исторических наук доцентов В. К. Логвинова, П. Н. Мешалкина, Ю. В. Журова, В. А. Дубровского и К. Г. Копкова.

Г. Попов



БАДЖЕЙСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

УХОДИМ В ПОДПОЛЬЕ

На много километров протянулся с запада на восток заросший густым лесом горный хребет. По обеим сторонам его текут на восток две небольшие речки — Рыбная и Ноек. У слияния этих речек, на лысом увале, еще в начале прошлого столетия возникла заимка, а затем небольшая деревушка Перово, превратившаяся с годами в крупное волостное село Перовское*. Село делилось на две части: старожилов и переселенцев. Зажиточные старики, хранители старых традиций, стремились ревностно поддерживать их в людях, но беднота не обращала на это внимания. Постолинная борьба с кулаками за пашни и сенокосы сближала людей. Они дружили, род-

* Иные с. Партизанское.

нились, вместе боролись с нуждой. Революция окончательно поломала разделяющие их перегородки.

В 1918 году первовцы встречали первую «невоенную» весну. Демобилизованные солдаты, истосковавшиеся по простой мужицкой работе, с радостью шли за плугом, прикидывали, какого нынче можно ждать урожая.

Но недолго им пришлось наслаждаться мирной жизнью. Уже 30 мая до Перовского дошли тревожные слухи о восстании против Советской власти белочехов и о захвате ими Канска. Вечером фронтовики собрались на квартире члена ЦИК Советов Сибири — Центросибири П. П. Петрова. Только что вернувшийся со станции Клюквенной Н. И. Исаков рассказал об арестах в Канске, о расправах с советскими работниками. Красная гвардия, отступив, образовала фронт около Клюквенной. Но сил было мало, и положение оставалось тяжелым.

Исаков зачитал воззвание Канского Совета. Оно кончалось словами: «К оружию! Все на защиту власти трудового народа!» Затем было прочитано обращение губисполкома. «Мариинск, Канск, Нижнеудинск,— сообщалось там,— в руках белочехов. Их мятеж грозит захватом всей дороги, гибелью всей Советской власти в Сибири».

После долгого обсуждения решили: надо идти на помощь Клюквенскому фронту. А для этого провести сельский митинг и организовать отряд Красной гвардии.

На митинг пришли все мужчины села. И даже женщины. После выступлений организаторов митинга, четко обрисовавших создавшуюся обстановку, никто не хотел брать слова.

— Что ж, товарищи, так и будем молчать? — не выдержал, наконец, председательствующий, бывший ссыльно-политический А. Т. Иванов.

— А что говорить? Язык не поворачивается, — хмуро ответил один из мужиков. — Воевали, воевали, не успели фронтовую грязь отмыть да опять воевать...

— Не дело говоришь, Иван, — возразил плотник Василий Крупitsкий, бывший член Петроградского Совета солдатских депутатов. — Воевали долго, что и гово-

рить. А чем кончили? Революцией, Советской властью. А если бы не было Советской власти, так что, думаешь, были бы мы сейчас дома? Так бы и сидели в окопах. Советская власть — наша власть. Мы ее создали, мы ее и охранять должны.

Затем выступил фронтовик Василий Саломатов.

— Все видели, каким я пришел с фронта. Без костей и шагу ступить не мог. Но посыпать кого-то за себя защищать Советскую власть не собираюсь. Сам пойду. У меня давнишние счеты с офицерами и со всей контрреволюционной сволочью...

И, словно очнувшись, зашумела толпа:

— Хватит разговаривать! Ставь, председатель, на голосование.

Снова взял слово Крупitsкий.

— Чтобы твердо знать, кто за что голосует, предлагаю: кто «за», пусть отойдет влево, а кто «против» — вправо.

Зашумели, задвигались люди. И ни с места. Страшно сделал первый шаг. Но вот большая группа решительно шагнула влево, за ней еще и еще. И, наконец, на месте остался один богатый лавочник Иван Елисеев. Оказавшись на виду, он растерянно оглянулся, пробормотал: «Ну и я с вами, ребята», поспешил шагнул влево и спрятался за спины людей.

— Вот теперь все ясно, — сказал А. Т. Иванов. — Значит единогласно решили идти на помощь Красной гвардии. Командиром отряда предлагаю избрать большевика, бывшего фельдфебеля Михаила Власовича Александрова.

Для привлечения добровольцев других деревень и сел решили провести волостной митинг.

С раннего утра потянулись в Перовское подводы. Площадь между церковью и волисполкомом быстро заполнилась. Кое-где сразу же вспыхивали жаркие споры. По всему чувствовалось, что единодушия здесь ожидать не приходилось.

— Пора начинать! Чего тянешь, председатель? — крикнул кто-то.

На трибуну поднялся А. Т. Иванов. Окинув взглядом бурлящую двухтысячную толпу, громко крикнул:

— Митинг объявляется открытым. Слово представляется члену Центросибири товарищу Петрову.

Петр Поликарпович подробно рассказал о создавшейся обстановке, о том, что дала трудовому народу Советская власть.

— Контрреволюция не раз пыталась силой оружия свергнуть Советскую власть,— сказал он,— но каждый раз получала отпор со стороны рабочего класса и крестьянства. И вот сейчас она снова подняла голову. Советская власть обращается к вам с призывом, товарищи: идите на тех, кто покушается на ваши права.

Один за другим выступали с горячими призывами фронтовики М. В. Александров, М. Колесников, В. Саломатов, В. Крупинский. В самый разгар митинга приехал член штаба Клюквенского фронта Беляев.

— Товарищи! — крикнул он, вскочив на трибуну.— В Клюквенной идет бой. Красная гвардия напрягает последние силы, сдерживая натиск врагов. Ей нужна немедленная помощь. Довольно митинговать.

Наступил решительный момент. И тут сказалась предварительная провокаторская работа кулаков. И сейчас они провокационными репликами пытались сбить с толку людей.

— А как с оружием? — подал голос стойбинский кулак Павленко.

— Оружие получите на Клюквенной, — ответил Беляев.

Противники помощи Красной гвардии подняли шум.

— Дураков ищите, — кричали они. — Кто же пойдет без оружия? Не пойдем. Дадите оружие — другое дело!

— Дело добровольное. Кто хочет, пусть идет, а мы не согласны.

Шум нарастал. Восстановить порядок было уже невозможно.

— По домам! — крикнул кто-то. Все бросились к лошадям. Через несколько минут подводы загромыхали по дорогам. На площади осталось около сотни человек, в основном из отряда М. В. Александрова.

— Что будем делать? — спросил командир.

Порешили ехать с утра. Сейчас трудно было собрать лошадей. Они паслись за рекой.

Но утро принесло ошеломляющую весть: Клюквенный фронт пал. Оставшиеся в живых красногвардейцы

расходились по таежным деревням. Красноярск захватили белые. Контрреволюция праздновала победу.

12 июля стало известно, что Советы пали по всей Сибири. Белогвардейцы дошли до Волги. И каждый из первозванцев, кто пытался представить себе развитие дальнейших событий, неизбежно приходил к решению о вооруженном восстании. Общее мнение подытожил П. П. Петров.

— Другого выхода нет, — сказал он. — Лучше умереть в бою, чем жить в рабстве.

Наметили план подготовки восстания. За каждым из членов созданной подпольной организации закрепили определенные населенные пункты для проведения там пропагандистской работы. Т. Перовой поручили деревню Агашул соседней Унерской волости, где она учительствовала. В. Саломатову — Новониколаевку, С. Васильченко — Стойбу, В. Убиенных — Иннокентьевку, мне — Запасной Имбеж, П. Саломатовой — Рыбинское, П. Петрову — Агинскую волость. Н. Исаков должен был осуществлять связь с Канском.

Когда все собрались в следующий раз, мы уже могли доложить обстановку в закрепленных за нами селах. Там возникли большие подпольные группы, руководителями которых были: в Запасном Имбеже — А. Цауне, Э. Плум, Я. Спелит, в Новониколаевке — А. Алексеев, Г. Максимов, в Ное — Ф. Кузовцов, К. Лысенко, в Унере — С. Белоконь, А. Марченко, в Агинском — И. Чистов и А. Белолипецкий, в Рыбинском — И. Гусаров, И. Колесников.

Сопротивление белым властям нарастало с каждым днем. Повсюду сельские сходы решали: податей не платить, молодежь в армию не посыпать. Напрасно белогвардейцы надеялись зверскими расправами парализовать сопротивление инакомыслящих. На смену погибшим боям поднимались новые.

В Красноярске был создан подпольный комитет во главе со старым большевиком В. Ф. Матушевским. Уже 26 июня 1918 года, через неделю после захвата власти белогвардейцами, в Красноярске появилась

листовка, в которой разъяснялась сущность переворота. Она заканчивалась словами: «Не теряйте ни одной минуты, организуйтесь снова для борьбы с контрреволюцией...»¹

Через месяц вышла другая прокламация. «При царском самодержавии,— говорилось в ней,— и мучали, и убивали людей, но таких чудовищно-гнусных преступлений, какие творятся сейчас на наших глазах, еще не видела история...» Рассказав о мученической смерти схваченных белыми большевиков, Красноярский подпольный комитет заявил: «Но недолго продлится торжество буржуазии и ее прихвостней. За море крови, за все пытки и муки они ответят сторицей перед судом рабочих и крестьян очень скоро, гораздо скорее, чем они могут ожидать. Проклятие убийцам! Долой правительство палячей!»²

Прокламация эта распространялась по деревням, селам и городам, наполняя гневом сердца людей, поднимая их на борьбу с контрреволюцией.

Красноярские большевики делали серьезную ставку на деревню в борьбе с белой властью. Они понимали, какие неисчерпаемые силы там таятся, не сомневались в солидарности с рабочим классом бедняцко-середняцкой части крестьянства.

Одним из первых большевиков-красноярцев, отправившихся в районы на связь с сельскими коммунистами, стал Порфирий Ларионович Лунеко, бывший председатель исполнкома Красноярского уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В июле 1918 года он прибыл в деревню Покосную Кияской волости к большевику Е. М. Дудареву. Лунеко помнил Дударева по второму крестьянскому съезду Красноярского уезда, на котором тот был делегатом от крестьян Шалинской волости. Вдвоем они выехали в деревню Островки к большевику, учителю-латышу Отто Андерсону. Там и состоялся разговор о том, что должны делать в настоящее время большевики в деревне.

— Главный вопрос, который никогда не снимался и не снимается с повестки дня,— говорил Порфирий Ларионович,— это подготовка и осуществление общесибирского восстания против белогвардейщины. Необходимо взять на учет все оружие, найти и сохранить те 78 винтовок, которые были выданы здесь красным дружинам

в начале этого года, учесть людей, могущих выступить против белогвардейщины с оружием в руках, и постоянно поддерживать активную оппозицию к белогвардейской власти.

Для поддержания постоянной связи с красноярскими большевиками Лунеко дал адреса Валентина Просвирина и Ивана Сачкова. По его заданию Андерсон выехал в Заманье, а Дударев — в Запасной Имбеж. В Имбеже Дударев встретился с бывшим комиссаром станции Красноярск Н. П. Курченко и подробно рассказал ему о поручении П. Л. Лунеко. Договорились, что Курченко будет поддерживать постоянную связь с заманцами и перовцами и информировать их о всех решениях Красноярского подпольного комитета.

На закрытом со всех сторон непроходимыми горами и рекой Маной участке тайги находятся вполне пригодные для обработки земельные массивы. В начале нынешнего столетия царское правительство передало эти земли в распоряжение переселенческого управления. И потекли сюда первые переселенцы, преимущественно латыши и эстонцы. Так образовалась Степно-Баджейская волость.

Нелегко было первым новоселам. Нужно было строиться, корчевать лес, распахивать целину, разводить скот. Сеяли только рожь, ячмень да овес. Другие культуры не вызревали. Своего хлеба не хватало. Выручала тайга. Трудно, зато вольно жилось здесь.

Сюда шли те, кто тяготился порядками царской России. Вот почему красногвардейцы, советские работники, большевики и сочувствующие им ушли в Заманье, когда контрреволюция захватила власть. С первых дней белогвардейской реакции к ним примкнули и местные крестьяне, скрывающиеся от мобилизации.

Как только совершился контрреволюционный переворот, население Заманья встало в открытую оппозицию к новой власти. На сельских сходах выносились постановления не платить подати, не выполнять никаких государственных повинностей, не отпускать в армию мобилизованную молодежь. Когда все же на месте была создана новая власть и появилась белогвардейская милиция, стали собираться тайно, обсуждая создавшееся положение, завязывали связи с другими деревнями, собирали оружие. По деревням Заманья нача-

ли создаваться подпольные большевистские организации. Самой крупной из них была Кирзинская, возглавляемая И. Г. Боганом. Сильные организации были также в селениях Выезжий Лог, Баджей, Зарзыбей, Орешный и других.

С первых же дней баджейские подпольщики стали искать связи с подпольными комитетами и группами Красноярска и Канска, а также крупных населенных пунктов соседних волостей. Так, постепенно расширяя связи, они углубляли работу, делали ее более конкретной. А когда появился представитель Красноярской подпольной организации и информировал о положении и предстоящих задачах, заманцы так же, как и их ближайшие соседи, стали готовиться к восстанию.

В начале августа в Перовское приехал Н. П. Курченко. Он рассказал о положении на фронтах, о белогвардейском терроре, о подготовке к общесибирскому восстанию и передал возвзвание Красноярской подпольной организации. Перовские подпольщики с энтузиазмом приветствовали установление постоянной связи с Красноярским комитетом. Теперь мы знали, что по всем городам и селам Сибири большевики готовятся к решительной схватке с врагом. И сразу исчезли сомнения. Все почувствовали себя сильными, готовыми хоть сейчас вступить в бой.

Наступила осень. В некоторых деревнях были уже готовые к действию отряды. Между тем активнее стали действовать и белогвардейцы. Почти во всех волостях юга Канского уезда побывали каратели, плетями и шомполами вымогая недоимки военных лет. Но в Перовское они не заехали. Видимо, побоялись. И не без основания. Перовцы ждали их и подготовились дать карателям решительный отпор.

Связи между подпольщиками крепли. Вскоре в Перовское приехал представитель Заманской подпольной организации Александр Ян-Павль. Он рассказал о деятельности заманцев. Договорились о взаимной поддержке в борьбе с беляками.

Не поколебало общей решимости и сообщение, доставленное из Красноярска первовскими связными Н. Исаковым и Т. Перовой: 10 ноября Красноярский

подпольный комитет был разгромлен, большинство его членов арестованы и председатель В. Ф. Матушевский убит.

Однако слухи о жестоких расправах поползли от дома к дому. Кто-то засобирался уйти в тайгу, укрыться у родственников или знакомых в Заманье. Подпольщики понимали: нужно что-то сделать, чтобы поднять дух народа.

В первой декаде декабря в Перовском был престольный праздник — Иннокентьев день. Им-то мы и воспользовались для устройства большого концерта. На праздник, как обычно, в Перовское приехали гости из других сел и деревень. Зал волостной земской управы был переполнен до предела. В первых рядах восседали богатеи и попы со своими женами и гостями. Впереди, на полу — дети, а сзади сплошной массой — мужики. У стенки, в единственном боковом проходе, тянулись на носки, чтобы хоть что-нибудь увидеть, женщины. Двери плотно забиты теми, кто не смог протиснуться в зал.

Шла пьеса А. Н. Островского «Бедность не порок». Деревенские артисты играли с большим воодушевлением. После небольшого антракта начался концерт. Первым выступил струнный оркестр. Исполняли русские песни и танцы: «Светят месяцы», «Коробочка», «Выйду ль я на реченьку» и т. д. Дружными аплодисментами зрители встретили имбежских музыкантов, исполнявших латышские и русские мелодии под аккомпанемент звонких гуслей.

И, наконец, декламация. Молодежь с нетерпением ждала этого момента. Зазвучали стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова. Голоса декламаторов, сначала неуверенные, становились все тверже. Даже стихотворение Надсона «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат, кто б ты ни был, не падай душой» прозвучало бодро. А слова:

Огнянись — зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!

были брошены в зал, как призыв к борьбе.

С декламацией выступил и член подпольной организации Василий Саломатов. Он прочел стихотворение Гольц-Миллера «Слу-шай».

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя почка черна...

В этот вечер знакомые всем строки казались особенно выразительными. Последние слова умирающего узника: «Прощай, жизнь, свобода, прощай»— Василий произнес с наибольшей страстью. Дружными аплодисментами отозвался зал на это стихотворение.

Вслед за Саломатовым на сцену со стихами Некрасова вышла учительница Таня Перова.

Душно! без счастья и воли,
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

И как бы отвечая ей, вслед за Таней я кинул в зал слова «буревестника революции» А. М. Горького:

Буря! Скоро грянет буря!

Зал ответил бурей аплодисментов и криками одобрения. А возмущенные купцы, кулаки, попы и их гости поднялись и демонстративно покинули зал. Их проводили издевательскими возгласами и свистом.

На сцену вышел бывший ссыльно-политический, тоже член подпольной организации А. Т. Иванов. Неторопливо разгладив большие пышные усы, он глухим басом начал читать свое собственное стихотворение. Помню его концовку:

Время новое настало,
Счастье видят и дурак.
Над Сибирью воцарился
Божьей милостью Колчак.

Слушатели поняли иронию и наградили декламатора дружными аплодисментами и криками: «Долой Колчака! Да здравствует Советская власть!»

Присутствовавший в зале председатель волостной земской управы Павел Богатырев сначала растерялся, услышав противоправительственные лозунги, а затем запротестовал и заявил, что об этом, де, он обязан довести до сведения властей. Тогда к нему подошел П. П. Петров и другие члены подпольной организации.

— Ты свой человек,— сказали они Богатыреву,— и скориться с нами тебе невыгодно. А с доносом ты, скопе всего, опоздал. Его и без тебя отправят люди, которые постоянно этим занимаются.

Богатырев замолчал и больше не вмешивался в ход концерта. Вечер продолжался. Вот на сцене появился бывший ссыльно-политический А. И. Дзеканский, польский революционер, прошедший через все ужасы царской каторжной тюрьмы, откуда он вышел смертельно больным. Дзеканский пользовался глубоким уважением всего населения Петровского.

— Меня очень взволновало то хорошее, боевое настроение, которое создалось здесь, — сказал Антон Иванович. — Всем нам больно сознавать, что враги революции обманом и предательством свергли Советскую власть в Сибири. Что из этого получилось, мы видим и чувствуем каждый день.

Дзеканский рассказал о нескольких случаях расправ колчаковцев с рабочими Красноярска и Канска, о свирепствующих по деревням карательных отрядах белых.

— Нет! — громко крикнул он.— Лучше умереть с оружием в руках, чем жить в постоянной тревоге и ждать, когда пьяные каратели изрубят или повесят тебя на первых попавшихся воротах.

Речь Дзеканского была встречена бурными аплодисментами и криками:

— Правильно, Антон Иванович! Правильно!
— «Варшавянку»! — крикнул кто-то, и сильный молодой голос запел: «Вихри враждебные веют над нами...»



А. И. Дзеканский — начальник штаба
Канского полка

Песню подхватил весь зал.

В этот вечер всем стало ясно: война объявлена, назад дороги нет.

А утром, задолго до рассвета, купеческие и кулацкие гости торопливо уезжали из мятежного села. За ними, собрав пожитки, бежали колчаковские милиционеры.

На заседании подпольной организации разгорелся спор, что делать дальше. Наиболее горячие головы настаивали на немедленном выступлении. Все же решили ждать общего сигнала из Красноярска, а пока еще раз проверить распределение оружия, ввести патрульные дежурства, установить для каждого свое место в случае появления противника. Командиром дружины утвердили М. В. Александрова.

Вскоре из Заманья приехали В. Рутковский и Ф. Боган. Договорились о совместных действиях, после чего Боган уехал в Баджей, а Рутковский с Петровым обхажали несколько деревень, проверив готовность отрядов к вооруженному восстанию. Результаты проверки оказались удовлетворительными. На общем собрании организации решили: можно начинать. Для окончательного определения срока восстания назначили 25 декабря созвать съезд представителей подпольных организаций всех волостей южной части Канско-Баджейской волости. Для лучшей конспирации и охраны делегатов договорились провести его на одном из хуторов латышского крестьянского участка, в 6 километрах от Перовского.

Боевое крещение

Бунтарское поведение заманцев, категорически отказывающихся выполнять колчаковские распоряжения, давно вызывало у белогвардейцев серьезную тревогу. И вот, наконец, начальник участка милиции прaporщик Баженов, в ведение которого входила и Степно-Баджейская волость, собрав около двух десятков подчиненных ему милиционеров, решился примерно наказать «слушников».

Рано утром 1 декабря караулы прибыли в Нарву — ворота Заманья. Сразу же Баженов приказал никого не

выпускать из села. Он боялся, чтобы кто-нибудь не предупредил баджейцев о карательной экспедиции.

Вскоре к прaporщику привели почтальона Власова. Его задержали при выезде из Нарвы. Баженов безуспешно выслушал сбивчивые слова почтальона о «срочности почты», о том, что иначе ему и затем не попасть в Баджей. И неожиданно распорядился — пропустить. Конечно, не срочность почты повлияла на решение начальника милиции, а тощая лошаденка почтальона, на которой действительно можно было добратся до мятежного села разве что к вечеру.

Это было его ошибкой. Пока главный караульный спрашивал своих агентов о положении в волости, почтальон успел уехать довольно далеко. Изо всех сил настегивая свою клячу, он сумел прибыть в Баджей на несколько минут раньше милиции. И предупредил подпольщиков о Баженове. Задержать «смутьянов» караулем не удалось. Распаленный неудачей прaporщик рвал и метал. Немного успокоившись, он решил наметить новый план действий. Баджейский милиционер Панчук и председатель волостной управы Кабаненко прямо заявили ему:

— Главное гнездо большевиков — Грязная Кирза. Оттуда все идет. Там собрался всякий сброд: матроны, красногвардейцы, красноярские большевики. Там и бывший начальник канской милиции красных Карл Гарстинь, там и известный большевик Николай Клявиль. Почти вся деревня и прилегающие к ней хутора населены латышами. Некоторые из них служили в Петрограде в латышских частях и охраняли самого Ленина.

— Значит с Кирзы и надо начинать, — решил Баженов. — Сейчас же поедем туда и арестуем всех большевиков.

— Все это правильно, господин прaporщик, только ехать туда сейчас нельзя, — возразил Кабаненко. — Вы знаете, какая там сила? Человек пятьдесят, а то и больше. Многие вооружены боевыми винтовками, а остальные охотничими ружьями. Рядом с ними Выезжий Лог, где десятки вооруженных большевиков. А с другой стороны Зарзыбей. Да этих латышей только задень, они со всех сторон налетят. С такими силами, как у вас, их лучше не трогать. По кирзинской дороге много лю-

дей убежало. Теперь у них там тревога, они вот-вот сядут здесь будут.

Напуганный этим сообщением Баженов не решился дальше задерживаться в Баджее и бежал со своими карательями обратно в Нарву. И вовремя. От хутора к хутору по всем баджейским дорогам скакали верховые, разносили вести о карательной экспедиции и призывая к восстанию. Члены Кирзинской подпольной организации разбились на десятки и заняли заранее намеченные позиции, готовые к бою. Связные поскакали в Выезжий Лог, на Крольские и Зарзыбейские хутора и т. д. По дороге в Потанино подпольщики устроили карательям засаду.

Утром разведчики сообщили о бегстве из Баджея баженовского отряда. В тот же день, 2 декабря, кирзинские большевики под руководством Ивана Григорьевича Богана, бывшего матроса Балтийского военного флота, заняли Баджейскую волостную управу, арестовали милиционера и восстановили в селе Советскую власть. Председателем волостного революционного комитета избрали старого большевика Вацлава Феликсовича Рутковского, секретарем — бывшего ссыльного, члена польской рабочей партии с 1898 года Франца Францевича Грабовского. Сразу же ревком обратился к населению с воззванием прибыть на следующий день в Баджей на волостной митинг.

О событиях в Баджее подпольщики в тот же день сообщили А. Д. Кравченко, который жил у себя на хуторе, на берегу Маны, десятью километрами ниже Нарвы.

Население Заманья хорошо знало Александра Диомидовича. С 1907 года он работал лесным кондуктором в Манском лесничестве. Многие слышали о его революционном прошлом. Еще в 1902 году А. Д. Кравченко, будучи студентом Мариинского землемельческого училища Саратовского уезда, был арестован за революционную деятельность, два года просидел в царизинской тюрьме. После тюремы за ним был установлен полицейский надзор. И все же Александру Диомидовичу удалось закончить училище и получить диплом агронома.

Но работать по специальности ему не пришлось: мобилизовали на военную службу. Там он закончил школу прaporщиков и был направлен в полк. И в полку молодой офицер не прекратил революционной деятельности, работал в подпольной организации г. Тамбова. После начавшихся провалов, видя, что ему не избежать ареста, прaporщик Кравченко вышел в отставку и уехал в Сибирь. Здесь друзья посоветовали Александру Диомидовичу на время уйти подальше от «всевидящего ока» властей. Так он оказался в Заманье.

Бескрайняя тайга с ее неисчерпаемым богатством, красавица Мана поразили воображение Кравченко. Здесь, на берегу этой таежной реки, он и поселился со своей семьей. От самой его хаты вдоль берега протянулась курья, в которую заходила манская рыба. Достаточно было вытащить из воды поставленную заранее морду — и вот вам не менее полведра хариусов и ленков. Утки и рябчики гнездились у самого хутора. Кравченко был хорошим рыбаком и охотником, и его семья никогда не нуждалась ни в мясе, ни в рыбе. На хуторе всегда было полно гостей.

Александр Диомидович скоро стал в Заманье своим чловеком. И хотя в 1911 году ему пришлось выехать отсюда, но связи со своими новыми земляками он не терял.

Перед германской войной А. Д. Кравченко года три работал агрономом Минусинского уездного земства на Шушенском агроучастке. А когда началась война, был призван в армию и проходил службу в Ачинске в качестве начальника продовольственного пункта и комендантства станции. В первые дни Февральской революции в 1917 году на площадях города можно было встретить высокого стройного офицера, произносящего на митингах горячие речи. Это был А. Д. Кравченко. В то время он принял активное участие в организации Совета солдатских депутатов в 13-м Сибирском стрелковом полку.

Предательская политика Керенского с каждым днем все ярче раскрывала контрреволюционную сущность Временного правительства. Поняв это, А. Д. Кравченко стал активно выступать против «временников», за что подвергся нападкам и шельмованию зсеровской печати. Тогда он бросил службу и уехал в Заманье,



А. Д. Кравченко — командующий партизанской армией

был мобилизован в белую армию и зачислен в Енисейский полк.

В полку Александр Диомидович пробыл четыре дня. Здесь оказалось много знакомых по прежней службе офицеров. Были добровольцы, но было немало и мобилизованных, не имевших твердых политических убеждений и пока не определивших своего отношения к происходящим событиям.

Для передачи прокатного пункта и устройства домашних дел Кравченко предоставили двухнедельный отпуск. Перед самым отъездом офицеры пригласили его на дружескую пирушку. Он не отказался. На вечере Александр Диомидович молча слушал споры, стараясь не вмешиваться в разговоры о политике. Но его все же попросили высказаться.

— Я прожил в городе всего четыре дня, — начал Кравченко. — Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы составить представление о происходящих здесь событиях. Я помню, когда началась революция в фев-

приняв на себя заботование Нарвinskим прокатным пунктом сельскохозяйственных машин, организованным переселенческим управлением. На этой работе Александр Диомидович оставался и после Октябрьской революции, и после белочешского мятежа.

В августе 1918 года Кравченко выехал по своим хозяйственным делам в Красноярск. Его появление в губернском центре не осталось незамеченным. Как офицер он

рале прошлого года, армия отказалась выступить против рабочих, а «усердие» некоторых контрреволюционных офицеров не спасло монархии. А что же происходит сейчас? Армия превратилась в полицию и используется для борьбы против местного населения. Нет, господа офицеры, вы знаете, что я не большевик, но и жандармом никогда не был и не буду. Прошу меня извинить за откровенность...

Круто повернувшись и ни с кем не попрощавшись, он быстро вышел. Кто-то из офицеров предложил вернуть Кравченко и потребовать объяснений. Другие оправдывали его высказывания. Завязался спор. А Кравченко между тем не стал дожидаться утра и сразу уехал к себе в Заманье. В Красноярск он, конечно, не вернулся.

Через день после занятия кирзинскими большевиками Степного Баджая представители всех деревень Заманья съехались на волостной митинг. Народу было столько, что ни одно помещение не могло вместить всех. С трудом разместились в огромном складе сельскохозяйственных машин переселенческого управления.

Митинг открыл председатель созданного накануне ревкома В. Ф. Рутковский. Подробно информировав собравшихся о произошедших событиях, он предложил всем обменяться мнениями, что делать дальше. Говорили осторожно, взвешивая все «за» и «против». Кто-то предлагал обождать, получше присмотреться к новой власти. Иван Богдан, Эдуард Горштейн, Роман Франк и другие подпольщики выступили за расширение восстания и организацию крупного партизанского отряда. Их поддерживало большинство митингующих.

Уже в конце заседания, когда казалось, что вопрос о восстании решен положительно, слово попросил представитель Нижней Синеры Савельев. Его мало кто знал: появился он в Заманье недавно, о себе не распространялся.

Савельев начал выступление с заявления о своем полном согласии с товарищами, которые рассказывали о зверствах карательных отрядов правительства.

— Но давайте разберемся спокойно, — сказал он. — Любая власть имеет армию, полицию, содержит школы,

больницы и другие учреждения. Все это стоит больших денег. А где их взять? У населения. Значит, какая бы власть ни была, подать платить надо. Или взять армию. Без армии не сможет существовать ни одно государство. А ведь людей-то в армию дает народ. Значит, надо идти служить, кому положено. Ну, а если некоторые отказываются? Что должна делать власть? Вот то же.

— Другая сторона дела,— продолжал он,— это силы. У белых одних чехов больше ста тысяч, да итальянцы, сербы, румыны, поляки, а за Байкалом японцы, китайцы, американцы. А белая армия? Казаки, офицеры, унтер-офицеры, мобилизованные... Вот какая сила! А оружие? И пушки, и пулеметы, и винтовки, и всякое другое вооружение, все новенькое, из-за границы. А снаряжение? Патроны, снаряды, обмундирование да вообще все вплоть до конфет и шоколада. А у нас что? Ничего. С чем же пойдем воевать? Помирать-то ведь никому неохота. Подумать надо, мужики, чтобы не ошибиться. Может, лучше в самом начале потушить пожар да и жить спокойно.

Его выступление внесло замешательство в среду колеблющихся. Тогда взял слово старый большевик В. Ф. Рутковский.

— Вы, товарищи, прослушали типичное выступление эсера. Он, видите ли, не против восстания, он только предлагает «подумать, чтобы не ошибиться». Неправда! Он против восстания. Именно по дорожке таких «предложений» пришли к власти кровавые генералы Корнилов, Юденич, Деникин, Колчак...

Затем выступил Кравченко.

— Правильно сказал здесь товарищ Рутковский. И напрасно Савельев старается запугать нас грозной силой врагов. В истории народов еще не было такого случая, чтобы отряды восставших революционеров были больше армий тиранов. Но революция побеждала потому, что первоначальный маленький отряд боролся за интересы своего класса, пользовался его поддержкой, а силы рабочего класса и трудового крестьянства неисчерпаемы. Сегодня нас мало, завтра будет больше. А пройдет немного времени, и по нашему примеру вся Сибирь поднимется на борьбу с колчаковщиной. Да и обсуждать сейчас вопрос о том, начинать или не начи-



И. Г. Богдан (слева), Ф. Ф. Грабовский, Н. Т. Толстой

нать восстание, поздно. Восстание уже началось. Остановить его невозможно. Это угрожало бы смертью всем собравшимся на съезде. Успех начатого дела теперь будет зависеть от того, насколько дружно поддержит его все население, насколько мужественно все мы будем бороться с врагом и на фронте, и в тылу.

Съезд единодушно одобрил постановление ревкома о восстании. Избрали волостной Совет во главе с Н. Т. Толстым (председатель) и Ф. Ф. Грабовским (секретарь). Рутковский перешел работать в военный штаб. На А. Д. Кравченко возложили общее военное руководство партизанским движением в Заманье.

Со всех заманских деревень в Баджей прибыли добровольцы. Приходили они, как правило, небольшими группами, со своими командирами, уставами и планами ведения военных действий. Нужно было немедленно создавать общую военную организацию и единый устав со строгой военной дисциплиной. На собрании всех военных групп избрали штаб во главе с Иваном Богданом. Утвердили и первые воинские законы: не трусить,

беспрекословно выполнять распоряжения своего коман-дира, не щадя жизни бороться за Советскую власть.

После реорганизации отряд сразу же выступил к Нарве. За десять километров до нее, в Орешном, остановились. Выслали разведку для выяснения обстановки. Разведчики доложили, что отряд Баженова, испугавшись появления партизан (партизанская разведка была замечена и обстреляна карателями), отступил в Кияй. Ворота в Заманье для белых захлопнулись. Повстанцы заняли Нарву.

Ворота на замке! Но став у ворот Заманья, партизаны оказались как в осажденной крепости с минимальным запасом продовольствия, вооружения, снаряжения и людских ресурсов. По предложению А. Д. Кравченко целая группа агитаторов во главе с В. Ф. Рутковским выехала в соседние волости Канско-го уезда для расширения «сферы влияния» и для вовлечения новых повстанцев в свои ряды.

В большом волостном селе Вершино-Рыбном агитаторов Николая Клявина и Александра Ян-Павля встретили крайне недружелюбно. Председатель волостной управы даже пригрозил арестом. Но проживающие в селе большевики кузнец Петр Русакевич и учительница В. А. Малышева организовали людей на митинг, активно поддержавший заманцев.

В Солонечно-Талой митинговали подольщие. В. Ф. Рутковскому и Ф. Г. Богану пришлось потратить немало сил, чтобы убедить колеблющихся. Помогли приехавшие вершинорыбинцы, сообщившие о своем решении поддержать восстание. Тогда и тальцы проголосовали «за». Агитаторы двинулись дальше, в Первовскую волость.

Армия повстанцев росла с каждым днем. Партизаны готовились к боям. Для необученной молодежи организовали краткосрочные военные курсы. Ждали скорых боев.

Не дремали и враги. После неудачного похода пра-порщика Баженова руководство карателями по усмирению Заманья взял на себя начальник красноярской уездной милиции Кульченко. Получив сведения о выступившем отряде белых, партизаны решили встретить

его в четырех километрах от Нарвы, у устья впадаю-щей в Ману небольшой речки Барзаночки. Укрывшись в кустах противоположного берега, они взяли на мушку дорогу, прижатую тяжелыми скалами почти к самой реке. Время приближалось к полуночи, когда со стороны Тюлюпа послышался шум приближающегося обоза. Из-за темноты и морозного тумана подводы были еле видны. Вот голова колонны достигла Барзаночки. Командир группы медленно нажал на спусковой крючок. И сразу повсюду затрещали частые выстрелы.

Белые не ожидали нападения и совершенно растерялись. Где там сопротивляться — унести бы ноги! Да и попробуй сопротивляться на этих позициях! Выход один: успеть проскочить до Барзаночки, укрыться в ее долине. Каратели бросились вперед. Бесполезно. За несколько минут от семидесяти колчаковских «штыков» не осталось никого, кроме убитых и раненых на снегу. Убит был и Кульченко.

Стремясь хоть как-то оправдаться, белые сообщили командованию, что у красных более пятисот хорошо вооруженных фронтовиков и потребовали подкрепле-ния. Как раз в это время на станцию Камарчага прибыл эшелон сербов. Белогвардейцы обратились к ним с просьбой помочь ликвидировать «шайки разбойников, грабящих местное население». Начальник эшелона вы-делил 32 человека с двумя станковыми пулеметами «для этой небольшой акции». Командир отряда, серб-ский капитан, заявил, что он одним ударом разгромит разбойников и повесит их атамана Кравченко. К сербам примкнули и русские белогвардейцы во главе с тем же прaporщиком Баженовым.

В субботу 21 декабря сводный отряд карателей вы-ехал на «усмирение разбойников». Не успели они доехать до Кияя, как партизаны уже знали в подробнос-тях о силе противника и, чтобы не «затруднить» кара-телей, сами вышли им навстречу, заняв позицию в 8 километрах от Нарвы, перед деревней Тюлюп. Пра-вый фланг партизанских цепей расположился с правой стороны дороги, в густом лесу, а левый вдоль поскоти-ны, образовав таким образом открытый тупой угол. Ме-сто каждого бойца было заранее определено. Основные силы сгруппировались на правом фланге.

Тем временем каратели, переночевав в Кияе, бес-

печно, без всякого охранения и даже без разведки двинулись дальше. Укутавшись в тулупы и дохи, сербы сидели в санях, не подозревая о близкой опасности. Капитан был уверен, что, узнав о грозной силе отряда, «разбойники» разбежались по лесу, и думал только о том, как не просто будет переловить их в этих дебрях. Было холодно. Хотелось поскорее попасть в теплую хату и у пылающей жаром печки согреть коченеющие руки.

Поднялись на гору. Впереди показались занесенные снегом постройки Тюлюпа. В домах топились печи. Клубы дыма лениво расплывались по небу, образуя почти неподвижные грязно-серые облака.

Капитан сошел с саней, достал бинокль и стал рассматривать деревню. Лошади громко фыркали, стараясь освободиться от заполнивших ноздри льдинок. Ничего подозрительного, кругом тишина. Деревня словно вымерла, и только столбы дыма напоминали о жизни, манили теплом.

Напряжение партизан достигло предела. Все смотрели на Кравченко. Перед боем он обошел всех бойцов и каждого строго предупредил: без команды не стрелять. И сейчас командующий медлил, ждал. Но вот обоз белых вышел на расчетный рубеж. Александр Диомидович поднял винтовку. Огонь!

Если бы в этот тихий морозный день вдруг грянул гром, беляки, вероятно, не были бы так поражены, как этим залпом партизанских винтовок. Капитан выскочил из саней, что-то закричал и тут же, схватившись за живот, со стоном повалился на снег. Белые открыли беспорядочную стрельбу, кидались кто куда, пытаясь укрыться от метких партизанских пуль. Пулеметчики пытались пустить в дело пулеметы. Бесполезно. Густая смазка замерзла, и пулеметы не работали. Заработали они через несколько минут, но... уже против белых. Партизаны бросились в атаку, захватили пулеметы, наскоро проторили их и начали косить мечущиеся в панике фигуры.

Все попытки как-то противостоять партизанскому напору оказались напрасными. Бой закончился полным разгромом карателей. Немногие уцелевшие в беспорядке бежали обратно.

Партизаны захватили два хороших станковых пу-

лемета с запасными стволами и большим количеством пулеметных лент, много винтовок и патронов. Наши потери: четверо убитых (в том числе член кирзинской организации Яков Триллерис) и несколько раненых.

Этот бой имел большое значение для дальнейшего развития партизанского движения. Он поднял дух партизан. Теперь даже сомневающиеся убедились, что с белыми воевать можно. Можно побеждать их, отнимать у них оружие и бить их потом этим же оружием.

Едва отгремели последние выстрелы у Тюлюпа, как на помощь партизанам прибыл отряд добровольцев из Солонечно-Талой и Умбажа. В отряде было человек тридцать и среди них — замечательный пулеметчик Афоня Калякин. Ему и вручили трофейный пулемет.

Баджайцев поддерживают первовцы

А зона партизанского движения все ширилась и ширилась. Партизаны заняли село Кияй. Здесь к ним примкнуло еще двенадцать добровольцев с оружием.

На следующий день, 23 декабря, из Красноярска прибыл В. Ф. Рутковский. Он рассказал о создании нового Красноярского подпольного комитета, о восстании крестьян Минусинского уезда и его жестоком разгроме, о своей поездке в Перовское, Рыбинское и в Канск.

— Первовцы готовы к восстанию, рыбинцы тоже, — говорил он. — Ждут только сигнала из Красноярска. Вновь созданный в Красноярске подпольный комитет продолжает подготовку к общесибирскому восстанию. Она должна быть закончена в ближайшее время. Заманцам обещают помогать всем, чем могут, хотя эти возможности и очень ограничены.

Кравченко заинтересованно расспрашивал Рутковского о дела в Красноярске. Порадовался сообщению о том, что комитет направил в Ачинский уезд В. А. Уланова и Е. Т. Марутко для организации там партизанского движения. Поинтересовался, какие вести о партизанах поступают из других районов. Затем приступил к обсуждению перспектив так удачно начавшегося восстания в Заманье.

— Если нас не поддержит население Канского уез-

да,— сказал Александр Диомидович,— мы долго не продержимся. Ведь у нас, по существу, одна небольшая волость. Людские резервы ограничены, запасов хлеба нет, доставить боеприпасы трудно. А у канцев есть все: огромнейшие массы населения, неисчерпаемые запасы продовольствия, неограниченные возможности для связи с городами всей Сибири. Восстание канцев и будет той помощью, в которой мы сейчас крайне нуждаемся. Они ждут сигнала. Ты, Николай Павлович,— обратился он к Курченко,— и подашь этот сигнал.

На том и договорились. Сразу же после обеда Н. П. Курченко выехал в Запасной Имбеж к Яну Спеллиту. Там он объяснил сложившуюся ситуацию и передал записку для Перовского подпольного комитета имбежским подпольщикам Яну Дарзенку и Карлу Бубботу. Те не мешкая двинулись в путь.

Бесконечны долгие зимние вечера. Людям не сидится дома. Их тянет друг к другу.

В тот памятный вечер 23 декабря 1918 года первовские подпольщики собрались у своего руководителя П. П. Петрова. Пришли Федя и Вася Саломатовы, Степан Безотчества. Заглянули на огонек М. В. Александров, И. И. Исаков, Д. М. Потылицын и еще кто-то. Всех волновал вопрос, когда же будет получен сигнал о восстании? Когда можно будет действовать?

Было десять часов вечера, когда кто-то запоздало стукнул воротами, затопал валенками в сениах. Все подумали: кто-то из своих задержался дольше времени. Но дверь распахнулась, и в густых клубах белого пара показались двое мужчин с винтовками. От неожиданности кто-то из первовцев тоже схватился за оружие. Но тревога оказалась напрасной. Едва рассеялся пар, как все узнали прибывших: Яна Дарзенка и Карла Буббота из Запасного Имбежа. Парни передали Петрову записку. Тот молча прочел ее и поднял просветлевшие глаза:

— Восстание! Началось...

Никто не усомнился в подлинности полученного сигнала. Сообщение встретили с восторгом. Вестники сообщили, что по пути они заезжали к нойским товарищам и те уже выставили караулы.

Через несколько минут подпольщики были уже в волостной земской управе. Сторож беспрекословно открыл дверь.

Несмотря на поздний час, весть о захвате волостной управы быстро разнеслась по селу. Вскоре вокруг нее уже была толпа. В первую очередь прибежали, конечно, члены подпольной организации, многие с оружием. Из прибывающих сразу же формировался отряд. Командование им принял на себя Михаил Власович Александров. Сразу же выставил, где нужно, часовых, выделил группу для патрулирования. Председателю земской управы Богатыреву предложили сдать имеющееся в его распоряжении оружие. Богатырев передал Александрову шесть винтовок, несколько револьверов, патроны и сам вступил в формируемый партизанский отряд.

Мне с группой товарищей поручили забрать оружие на почте (там оно было положено по роду службы), а также у торговцев и кулаков. Хорошо знакомый мне начальник почты Алексей Васильевич Калашников сначала не понял смысла нашего требования, затем не поверил в его серьезность. А когда убедился, что с ним не шутят, вынес и торжественно передал нам две винтовки и старый жандармский револьвер системы Смит-Бессон.

Затем мы пошли по домам кулаков и торговцев. Бледные и растерянные, открывали они двери. Оружие и боеприпасы отдавали беспрекословно, как будто даже сочувствуя и понимая естественность наших требований.

Александров принимал собранное оружие и тут же раздавал его добровольцам. Степан Безотчества носился на коне по селу, выполняя срочные распоряжения командира. Кузнецам Матвею Халевину и Александру Иванову было дано распоряжение ремонтировать оружие. П. П. Петров писал обращение к населению волости с призывом поддержать восстание и 25 декабря прибыть на волостной митинг. А. Т. Иванов печатал на машинке извещения сельским подпольным группам о восстании и требовал немедленного прибытия с оружием в Перовское.

Утром собрался сельский сход. Сход единодушно поддержал восстание и постановил объявить мобилизацию фронтовиков.

А на следующий день открылся волостной митинг. Прошло ровно полгода с того памятного дня, когда восстали белочехи и перовцы решали вопрос о помощи Красной гвардии на Клюквенском фронте. Тогда не удалось сформировать отряда. Мужики пассивно отнеслись к призывам большевиков. Сказалась и кулацкая контрагитация. Но сейчас у народа было совсем другое настроение. Крестьянство испытывало колчаковщину на своей шкуре и сделало выбор. Кулаки боялись выступать в защиту белых. У них был единственный аргумент: трудности борьбы с огромной колчаковской армией, но и с этим аргументом они выступали осторожно — люди не хотели считаться ни с какими трудностями.

Митинг, как и прежде, открыл А. Т. Иванов. Выступивший первым П. П. Петров рассказал о положении нашей страны, о борьбе Красной Армии с интервентами и белогвардейцами и о повстанческом движении масс против колчаковщины по всей Сибири.

— Колчаковские карательные отряды,— закончил он свое выступление,— это стаи бешеных зверей, и бороться с ними можно только силой оружия. Мы призываем вас встать на путь борьбы, взяться за оружие и защищать от бешеной своры своих детей, жен, матерей, свое добро и свою жизнь.

Мнение собравшихся было единодушным: поддержать начавшееся восстание, считать это общенародным делом и объявить мобилизацию молодежи. Здесь же провели запись добровольцев. Командиром отряда утвердили М. В. Александрова, его помощником бывшего унтер-офицера К. Лысенко. Создали штаб восстания во главе с П. П. Петровым и А. Т. Ивановым. Отряд назвали по имени уезда, на территории которого он организовался,— Канским, в отличие от Манского, организованного в Заманье.

Когда закончилась запись, Лысенко выстроил добровольцев. Их оказалось 160 человек. Отряд разбили на две роты и, соответственно, на взводы и отделения. Ротными командирами избрали Демьяна Потылицына и Никиту Банковского, а командиром конной разведки — Ивана Пристрельского³.

Разведать обстановку на станцию Клюквенскую направили Н. И. Исакова.

Вечером 25 декабря командиры и члены подпольной организации собирались на совещание. Первым заслушали представителя рыбинской подпольной организации Ивана Колесникова. Это был молодой человек лет семнадцати, сын ссыльного революционера, гимназист. Не без мальчишеского хвастовства нарисовал он картину полной готовности организации к восстанию и к встрече с карательями. Но когда стали задавать ему вопросы о людях, об оружии и боеприпасах, смешался и растерянно замолчал. Стало ясно, что работы по подготовке к восстанию у них еще много. Колесникова отправили обратно. Вместе с ним в помощь рыбинцам направили Василия Саломатова и Федора Патрушева.

Едва закончилось обсуждение первого вопроса, как в комнату влетел возбужденный Степан Безотчетца и восторженно сообщил, что приехал Кравченко с отрядом тальцов и умбажцев — человек тридцать с пулеметом. Среди прибывших оказалось много наших знакомых: Степан Сабаев, Семен Семищев, Бревновы и другие. Все вскочили и уже хотели бежать на улицу, как в комнату вошел Кравченко. Он был в борчатке (теплой овчинной шубе). На боку висел маузер в массивной деревянной кобуре. В руках винтовка. Командующий вошел как в давно знакомый дом, приветливо поздоровался, улыбнулся и — ли в шутку, то ли всерьез спросил:

— Нема ли горилки с морозу?

И все сразу заулыбались, зашумели, заговорили просто, свободно, словно возобновили только что прерванный разговор. Кравченко рассказал о восстании в Заманье, о первых боях и о планах расширения восстания за счет волостей Канского уезда. Говорил он просто, доходчиво и всем понравился.

П. П. Петров информировал командующего о нашей деятельности, о последних событиях, о положении в соседних волостях. Все остальные разговоры перенесли на завтра.

Заседание перовского штаба проходило бурно. Что делать? Все были согласны, что назад хода нет и что нужно всемерно расширять восстание, вовлекая в него другие волости. Но как этого добиваться? Здесь мнения



П. П. Петров — председатель Объединенного Совета Балхайской республики

занавешенными окнами. Сегодня полья, а те, кто выслеживал нас, под нашим караулом. Мы взяли оружие для того, чтобы воевать, а не прятаться. Назад хода нет. Наш путь вперед. Тогда за нами пойдет народ. Если же мы пойдем назад, то можем потерять и тех, кто сегодня с нами. Предлагаю идти к железной дороге и вступить с врагом в открытый бой, — сказал он.

— А с чем ты собираешься идти в открытый бой, Михаил Власович? — спросил не без ехидства один из приехавших с Кравченко заманцев.

— Как это с чем? В отряде сейчас более ста человек, вооруженных винтовками. Каждый день прибывают добровольцы, и скоро отряд вырастет до двухсот и более бойцов.

— А как с патронами?

— Патронов маловато, но есть гильзы. А мы ведь охотники, знаем, как с ними обращаться. Нальем пуль,

резко разошлись. И самое первое, что вызвало горячий спор — куда идти: вперед, к железной дороге, или назад, в Заманье?

Спор шел уже много часов. Выступления прерывались едкими остrosами и злыми репликами. Председательствующий П. П. Петров охрип, стараясь перекричать и успокоить не в меру горячих участников совещания. Наконец, слово взял М. В. Александров.

— Прошло то время, когда мы прятались в лесу, проводили собрания с

мы вышли из под арестованы и сидят под нашим караулом. Мы взяли оружие для того, чтобы воевать, а не прятаться. Назад хода нет. Наш путь вперед. Тогда за нами пойдет народ. Если же мы пойдем назад, то можем потерять и тех, кто сегодня с нами. Предлагаю идти к железной дороге и вступить с врагом в открытый бой, — сказал он.

— А с чем ты собираешься идти в открытый бой, Михаил Власович? — спросил не без ехидства один из приехавших с Кравченко заманцев.

— Как это с чем? В отряде сейчас более ста человек, вооруженных винтовками. Каждый день прибывают добровольцы, и скоро отряд вырастет до двухсот и более бойцов.

— А как с патронами?

— Патронов маловато, но есть гильзы. А мы ведь

охотники, знаем, как с ними обращаться. Нальем пуль, зарядим — вот вам и патроны. Хуже казенных? Правильно. Но если мы бьем такими пулями зверя, будем бить и белого гада.

Кравченко не принимал участия в общем споре. Он молча наблюдал за происходящим, обращаясь иногда с короткими вопросами к Петрову, сидевшему рядом с ним. Когда же страсти стали ослабевать, командующий попросил слова.

— Товарищи! — начал он. — Мы обсуждаем очень важный вопрос, от которого зависит наша жизнь и жизнь сотен людей, связавших с нами свою судьбу. И если мы примем сейчас правильное решение, мы победим. Допустим ошибку — погибнем. Недавно нам стало известно о поражении Минусинского восстания. Причины его прежде всего в слабой организованности восставших, недостаточном военном руководстве. И эта плохо организованная масса пошла на штурм Минусинска, в чем не было никакой необходимости. Мы не можем повторить подобные ошибки и идти сейчас на генеральное сражение. Ведь у нас пока нет никакой армии. А ваш отряд не был в бою, не слышал ни выстрела, и мы пока не знаем, как он поведет себя в боевой обстановке. Как же можно пойти с ним в наступление? Я считаю наступление на Клюквенную преждевременным и опасным. Оно может привести не к расширению, а к ликвидации восстания⁴.

— А что же вы предлагаете? Сидеть у моря и ждать погоды?

— Нет, я предлагаю отряду отойти сейчас за Ману, соединиться с Манским отрядом и вместе с ним сражаться с белыми.

— А как же Манский отряд? — задал вопрос Александров. — Ведь заманцы после своего выступления не побежали в тайгу прятаться, а, наоборот, пошли вперед, вышли из Заманья и уже два раза в схватках разбили белых и отняли у них не только винтовки и патроны, но даже пулеметы. Вы что же думаете, мы хуже заманцев будем драться?

— Нет, этого я не думаю, — спокойно ответил Кравченко. — Но заманцы хотя и вышли из тайги, но не наступали на противника. Наступали белые, а партизаны напали на них врасплох, с закрытых позиций и поэтому разбили их без всякого урона со своей стороны.

Спор разгорался. Перовцы считали невозможным уходить в тайгу без боя. Манцы и талцы поддерживали Кравченко. Они считали необходимым сконцентрировать все вооруженные силы в Заманье, а Канский уезд использовать лишь как базу, которая даст оружие и продовольствие. Бой вести на выгодных позициях Заманья и прилегающих к нему деревень, расположенных среди гор и тайги.

Порядок совещания нарушился. Все шумели, кричали, жестами выражали мнение. Шум стих, едва слово попросил А. Т. Иванов. Арсения Трофимовича знала вся волость. С его мнением считались.

— Я согласен с вами, Александр Диомидович, — сказал Иванов. — Надо быть умным, осторожным, расчетливым. Но нельзя бояться врага и убегать при первом его приближении. А мы еще и врага-то не видали. Вы говорите, в Заманье хорошие позиции. Не спорю. Но у нас тоже есть и горы, и леса, а стало быть и хорошие позиции.

Собрание гулом одобрило подтверждено свое согласие с этими словами. А Иванов продолжал:

— При этом вы забыли главное, зачем приехали к нам в Канский уезд: ради вовлечения в восстание всего населения южной части Канского уезда. Выполнена эта задача? Нет, не выполнена. Так как же можно уезжать отсюда в Заманье, когда впереди нас Рыбинская волость, куда мы только что направили наших товарищей для организации восстания? Рядом Уярская, Семеновская, Толстухинская, Переяславская, Унерская и Межковская волости. Сзади, у тайги, Вершино-Рыбинская, Агинская, Ирбейская, Тальская. Мы имеем с ними постоянную связь, там работают наши товарищи. Они тоже организуют отряды. Как же мы можем бросить их на произвол судьбы и бежать в Заманье? Я не настаиваю на походе на Клюквенную, но мы должны оставаться на месте, готовиться к бою и помогать нашим соседям в захвате власти и формировании отрядов.

Он немного помолчал, подумал и затем продолжал:

— В наступление можно не идти. Можно встретить врага здесь, как встречали его заманцы: без риска и без потерь. А вот против совместных действий заманцев, против военной и материальной помощи друг другу, я думаю, никто возражать не будет.

Предложение Иванова было одобрено всеми участниками совещания. Согласился с ним и Кравченко.

Утром 28 декабря мы получили сообщение от Василия Саломатова о восстании в селе Рыбинском. Вероятно, в это же самое время начальник канской милиции сообщал прокурору Красноярского окружного суда:

«В селе Рыбинском восстание началось при следующих обстоятельствах: ночью на 28 декабря местные хулиганы, под руководством прибывших большевиков из Перово и Вершино-Рыбинского, захватили волостную земскую управу и затем звоном в набат собрали жителей и объявили, что правительенная власть пала, снова восстановлены Советы, приступили к розыскам у жителей оружия, реквизиции теплых вещей и продуктов продовольствия для красных. Участковый начальник милиции Курылев предварительно был обезоружен и затем утром на следующий день арестован...»⁵

Саломатов писал, что создан отряд, но удержать им Рыбинское, находящееся в 25 верстах от станций Клюквенной и Заозерной, невозможно и просил срочно прибыть на помощь.

По этому поводу было созвано заседание штаба, на котором с новой силой вспыхнула дискуссия. Кравченко энергично возражал против похода, считая, что такой рейд связан с большим риском.

— Рыбинское находится в открытой степи, — говорил он, — и если белые захотят нас там встретить или атаковать, они разобьют нас небольшими силами и без потерь. Там нет позиций, на которых можно было бы защищаться. Нельзя так рисковать. Рыбинское мы все равно не удержим, значит надо просто дать команду рыбинскому отряду немедленно прибыть в Перовское со всеми трофеями.

Перовцы не согласились с ним. Они знали, что удержаться в Рыбинском невозможно, и не собирались удерживать его, а тем более вступать там в бой с белыми. Но они считали необходимым подойти как можно ближе к железной дороге, чтобы показать людям свою силу и готовность к борьбе.

Кравченко хотя и возражал против этого, но не оставил отряда, а поехал вместе со всеми.

Поехали не по рыбинской дороге, а по клюквенской, через Новониколаевку и Толстихино. В обеих деревнях нас встречали радушно, особенно в Новониколаевке, где в отряд вступило много добровольцев.

Погода стояла не морозная, но сильный ветер пронизывал до костей. Впереди ехали разведчики: Степан Безотчества и Александр Мезис. Мы с М. В. Александровым разместились на задней подводе. При формировании отряда подпольный комитет поручил мне, как бывшему учителю, вести агитационно-политическую работу и все дела штаба. Поэтому мы с Михаилом Власовичем были всегда вместе.

Я хорошо знал Александрова и всю его семью: жену Наталью Гавриловну, сына Мишу и маленькую дочку Шуру. С молодых лет он батрачил, и как работника его ценили.

Затем военная служба, бессмысленная муштра. После Февральской революции там же, в армии, вступил в партию большевиков. Из армии Михаил Власович привнес глубокую ненависть к офицерам и всему офицерскому и сразу же почувствовал неприязнь к А. Д. Кравченко, как только узнал, что тот раньше был прапорщиком. И сейчас он еще не мог успокоиться после споров на заседании первовского штаба.

— Вишь, чего выдумал,— возмущался Александров,— идите в Баджей и защищайте их хутора, а свои семьи бросайте на произвол судьбы. Не-ет, господин прапорщик, воевать-то вы нас не учите, мы ученыe. Спасибо за науку, поучили — хватит.

Он замолчал, свернул папироску, закурил и, глубоко затянувшись, продолжал, обращаясь ко мне:

— Ты на военной службе и на войне не был, а потому можешь не понять, о чем спор, и занять неправильную линию. Чтобы этого не случилось, ты меня слушай и всегда поддерживай. А Кравченко слушать нечего. Золотопогонник. Знаем мы их. Они у меня в печенках сидят, эти офицеры.

— Да ведь офицеры-то тоже разные: одни против революции, а другие за революцию,— не согласился я.

— Все они одинаковые, что офицеры, что казаки, одним миром мазаны: все контрреволюционеры, все против нашего брата. За это им и золотые погоны на плечи навешивают, и деньги платят.

— Вот ты и договорился, Михаил Власович. За какие же золотые погоны борется сейчас Кравченко? У нас в губернии многие офицеры встали на сторону революции: Сергей Лазо, Роберт Эйдеман, наш Кравченко... Вот тебе и офицеры. Колчак хотел снова надеть офицерам золотые погоны, а ведь они не пошли к нему, а пошли защищать Советскую власть.

Но нелегко было убедить Александрова. Не сразу поверил он в Кравченко. Да и то поначалу поверил главным образом потому, что тот «выбился в люди» из крестьян. И все же даже после этого, подчиняясь командующему, Михаил Власович долго относился к его указаниям настороженно, стараясь сохранить за собой самостоятельность в решении оперативно-тактических вопросов...

В Рыбинском вместе с руководителями местной подпольной организации братьями Гусаровыми, Иваном Колесниковым и другими наметили план действий на завтра. Выяснилось, что захваченный колчаковцами бывший председатель Канского уездного Совета и член Центросибири Николай Иванович Коростелев приговорен к смертной казни и на днях должен быть перевезен из Канска в Красноярск.

Н. И. Коростелев — старый большевик. Прибыл в ссылку под фамилией Кретова вместе с Е. Стасовой и С. Спандаряном и долгое время жил в Перовском, где все его знали и любили. Решение освободить его было единодушным. В тот же день Василий Саломатов и двое рыбинцев, Федор Ташин и Иннокентий Сорокин, выехали в разведку. Но, к сожалению, разведчиков постигла неудача: они попали в руки белых. Ташина и Сорокина расстреляли на месте, только Саломатову с большим трудом удалось вырваться из рук карателей. Босиком, без шапки, почти раздетым примчался он в Рыбинское. Позднее мы узнали, что, опасаясь готовящегося в Канске восстания, белые вывезли Коростелева в Красноярск несколько раньше нашего вступления в Рыбинское. В марте 1919 года по требованию колчаковского плача атамана Красильникова его вернули в Канск. Здесь Н. И. Коростелева подвергли ужасным пыткам и в ночь на 28 марта 1919 года повесили на центральной площади города. Сейчас эта площадь называется его именем.

Утром партизаны провели в Рыбинском митинг, на

котором А. Д. Кравченко рассказал собравшимся о положении в Сибири, о восстании в Заманье, о боях с карателями и призвал всех поддержать повстанцев, вступать в партизанский отряд. Тут же происходила запись добровольцев. Наши силы увеличивались.

Готовясь к предстоящим боям и лишениям, мы конфисковали в аптекарском магазине медикаменты, хирургические инструменты и перевязочные средства, а у купцов — кожевенные товары, сбрую, обувь, мануфактуру, одежду и другие товары.

В обратный путь поехали через крупное волостное село Переяславское. Там остановились и провели митинг. Митинги проводились и в других деревнях и селах по пути нашего следования. При этом почти везде к нам прымкали добровольцы. Росли наши запасы оружия и боеприпасов.

Вскоре после нашего ухода из Рыбинского туда ворвались белогвардейцы. Каратели собрали во двор кулачка Соловьева крестьян, подозреваемых в сочувствии партизанам, и начали расправу. Около 30 человек были забиты насмерть или расстреляны, десятки подверглись жестоким истязаниям. Так дорого заплатили за свои колебания те, кто поверил кулацкой агитации и не нашел в себе мужества вступить на путь вооруженной борьбы с врагами.

Отступаем непобежденными

Через день после нашего возвращения в Перовское разведка сообщила, что отряд белых вышел со станции Клюквино по направлению к селу Семеновскому. Мы решили выйти навстречу карателям и дать им бой. Но оказалось, что белые уже в Барашкове. Началась погоня. В Барашкове колчаковцев мы тоже не застали. Они были там днем, многих избили шомполами и нагайками, нескольких человек расстреляли, одного повесили и ушли в Толстухино, чтобы утром двинуться оттуда на Новониколаевку и дальше в Перовское.

Собрали совещание штаба. Под впечатлением зверств, учиненных карателями в Барашкове, некоторые предлагали сейчас же двинуться на Толстухино.

Трезвый ум Кравченко предостерег горячие головы от этого рискованного шага. Александр Диомидович убедил членов штаба, что самым правильным будет выйти на новониколаевскую дорогу, по которой пойдут белые, и там врасплох напасть на них. От населения узнали, что вечером в Новониколаевку приезжали белогвардейские разведчики. Значит утром можно было ожидать весь отряд.

Ночь прошла спокойно. Это была не обычная, а новогодняя ночь. Наступил 1919 год, год тяжелого ратного труда, тысячекилометровых боевых походов партизанской армии, год поражений и побед над ненавистным врагом.

Едва рассветало, как на толстухинской дороге показался обоз. Белые, разведав накануне обстановку, были уверены, что путь свободен, и ехали совершенно открыто. Впереди маячили верховые: офицер и казак с пикой, на которой развевался вымпел с надписью «С нами бог!» У партизан была договоренность пропустить этих верховых без выстрелов, но у кого-то не хватило выдержки, и... началась беспорядочная стрельба. Белые в недоумении остановились. Затем от обоза отделились еще два верховых и галопом помчались к деревне. Прямо под партизанские пули.

Так начался первый бой Канского партизанского отряда. Вначале белые старались подавить нас плотностью огня. Их пулеметы работали на полные ленты. Не жалела патронов и пехота. Но белогвардейские пули пролетали над нашими головами, не причиняя никакого вреда. Наша же стрельба была гораздо эффективнее. И хотя к карателям на помощь пришел кавалерийский дивизион ротмистра Сумарокова, их положение не улучшалось. Командовавший боем полковник Петухов дал Сумарокову приказ атаковать партизан с фланга. Но мы заметили этот маневр и встретили белогвардейцев пулеметным огнем. Конница, понесшая большие потери, вынуждена была отступить.

А в это время крестьяне соседней деревни Ной, услышав о сражении в Новониколаевке, вооружились кто чем мог и примчались к нам на помощь. Их появление усилило панику, и белогвардейцы стали поспешно отступать, оставляя убитых и раненых. Канцы выиграли свой первый бой, захватив богатые трофеи.

Прошло два дня. Враг не собирался мириться с поражением. З линвари сводный белогвардейский отряд ротмистра Плюцинского, отряды капитана Пальчикова, поручика Смирнова и ротмистра Сумарокова под общим командованием полковника Петухова повели наступление на Перовское. Каратели имели пять пулеметов и одно трехдюймовое орудие.

Бой начался обстрелом села из трехдюймовки, установленной на уярской дороге. Отсюда же на Перовское двинулась пехота и кавалерия. Под прикрытием густого леса беляки смогли подойти к селу почти вплотную. Но партизаны знали свое уязвимое место и именно здесь сосредоточили свои основные силы. Несколько раз белые пытались атаковать село, но меткие выстрелы загоняли их обратно в лес.

Испугавшись перестрелки, две женщины (жена партизана Ивана Петрова с грудным ребенком на руках и ее мать) решили уехать на пашню. Ни у кого ни о чем не спросив, они неожиданно выехали на дорогу и что есть мочи погнали лошадь. И хотя было видно, что едут женщины и можно было их остановить и проворить, казаки открыли стрельбу. Первая же пуля пробила голову ребенка и ранила мать. Затем была убита и бабушка.

Бой затягивался. Казачья атака сорвалась, а артиллерийский обстрел не наносил партизанам никакого урона. Лобовые атаки тоже не приносили успеха, да и трудно было поднять снова обмороженных солдат. Партизаны, конечно, тоже мерзли, но у них рядом были дома, и они грелись по очереди. Командир отряда Александров все время находился среди бойцов. Отдавал распоряжения, поддерживал тех, кому было трудно или кто начинал сомневаться в победе. На площади возле штаба ходил Кравченко. Он руководил обороной северо-западной части села.

Здорово послужил партизанам в этом бою привезенный командующим пулемет. Афоня Калякин успевал побывать с ним всюду: отбил первую атаку белых, а затем загнал в лес атакующих казаков Сумарокова. Услышав, что белые накапливают силы на берегах реки Ноек и Рыбная, пулеметчик через несколько минут с парой лошадей оказался там и загнал врага в кусты. Белые потом ни за что не хотели поверить, что у нас

здесь был всего-навсего один пулемет, а не пять или шесть.

Появились раненые. Наши девушки Малаша Макаренко, Таня Петрова, Паша Саломатова и Аня Аршанская устроили на мельнице перевязочный пункт. В больнице находиться было опасно. Сюда же не долетали ни пули, ни снаряды.

Наступал вечер, а белые все еще не продвинулись ни на шаг. Тогда они попытали успеха с юга. С группой партизан и пулеметчиком Афоней Калякиным Александров бросился туда. Нарочно громко, чтобы его услышали белые, командир подал команду:

— Первый батальон продвинуться до мельницы, второй влево до устья Ноек. Пулемет, огонь!

Пули веером ударили по кустам. Опасаясь быть отрезанными, атакующие бросились обратно. А в это время партизанская кавалерия прорвалась в тыл белых и навела там панику. Убедившись в полной безнадежности операции, полковник Петухов приказал отступать. Партизаны кинулись преследовать отступающего врага, но оказалось, что преследовать не с чем: патроны были на исходе.

На совещании командиры обсудили создавшееся положение и решили, что оставаться в Перовском дальше нельзя. Через день-два белые несомненно придут снова. И с подкреплением. А без патронов с ними много не навоюешь. Решили уходить в Агинское.

Через день после того, как мы покинули Перовское, туда ворвались белые и отомстили, как могли, мятежному селу. Они начисто спалили дома П. П. Петрова, братьев Саломатовых, А. Терещенко, А. Аршанского. Погиб в пламени и самый большой и красивый в селе дом волостной земской управы, ставший штабом Канского отряда.

Агинское — старинное богатое село. Вокруг на черноземных землях урожайные пашни, сенокосы, луга. А рядом бесконечные леса. У самого села рыбная речка Анжа, а чуть дальше другие таежные реки Кан и Кирель. И летом, и зимой агинцы всегда готовы угостить своих гостей и вкусным рыбным пирогом, и ухой из красноперых окуней, свежего налима, щуки и даже из хариуса, ленка и тайменя.

Почти все население Агинской волости наравне с сельским хозяйством занималось таежным промыслом. Тайга не давала пропасть бедным, а богатых делала еще богаче.

К белочешскому мятежу агинские зажиточные крестьяне поначалу отнеслись выжидательно. Даже когда в соседних волостях начались восстания, по-прежнему выжидали, сохраняя нейтралитет.

Совершенно иное настроение было у переселенцев и бедноты старожильческих селений, которые, несмотря на строгие предписания, не выполняли никаких распоряжений колчаковского правительства и не хотели слушать никаких уговоров его ходатаев.

Прибыв в Агинское, партизаны решили ни с кем не обострять отношений. Разъясняли обстановку, беседовали как с бедняками, так и с зажиточными крестьянами. А вечером собрали митинг. Говорили горячо и страстно, но... безрезультатно. Агинцы сочувствовали, поддакивали агитаторам, а от вступления в отряд отказывались.

Безрезультатным оказался и сбор оружия. Охотники придерживали боевые винтовки и несли старые четырехлинейные берданы и даже дробовики. Так ничем и закончились наши хлопоты. Решили продолжать работу на следующий день, но ночью получили сообщение из Баджей от Кравченко: со станции Камарчага крупный отряд белых готовился выступить для похода в Заманье. Александр Диомидович просил срочно выехать на помощь.

В Вершино-Рыбное отряд прибыл после обеда. Требовалось сменить усталых лошадей и немедленно ехать дальше. Мы с командиром несколько задержались с отъездом, а когда садились на подводу, заметили бегущую к нам женщину:

— Товарищ командир! Товарищ командир! — кричала она. — Там в больнице два ваших раненых остались.

— А где фельдшер? — спросил Александров.

— Фельдшер сбежал, и в больнице, кроме раненых, никого нет.

— Останься, — сказал мне Михаил Власович, — договоришь нас с ранеными в Кою. Мы поедем тихо.

В больнице были Иван Галузя и Юлиус Путнис. Я

недоумевал, как они оказались в Вершино-Рыбном, ведь после первовского боя мы всех раненых отправили в Степной Баджей. Но постепенно все мои недоумения разрешились. Иван Галузя попал в партизанский госпиталь в день первовского боя. Но в бою он не участвовал. Случайно оказавшись на клюквенской дороге, он первым увидел движавшийся на Первое карательный отряд белых и, спеша предупредить партизан об опасности, потерял рукавицы и обморозил руки.

Юлиус Путнис попал к белым в Семеновке вместе со своим другом Володей Цеплисом. Их обоих вывели за околицу и расстреляли. Володя был сражен наповал. Раны же Юлиуса оказались несмертельными. Обмороженного, истекающего кровью, его подобрали местные крестьяне, оказали ему первую помощь и доставили в Первое. Когда начался первовский бой, Путниса вместе с Иваном Галузой отправили в Баджей, но подводчик довез их только до Вершино-Рыбного.

С уходом отряда в селе наступила тяжелая, гнетущая тишина. Население со страхом ожидало карателей. Представители местной власти постарались скрыться, и мне пришлось немало походить по дворам в поисках подвод.

Было уже совсем темно, когда мы, наконец, выехали. Подводчик согласился довести нас только до Аргазы, последней таежной деревни, от которой до Кои еще километров двадцать пять.

В Аргазу приехали часов в десять вечера. Пока сельский староста хлопотал насчет подвод, мы отогревались в его доме около железной печки. На столе горел жировик. Налитое в блюдце сало шипело и трещало. Наконец, жировик погас, и в избе стало совсем темно. Ночная тишина и тепло, приятно разлившееся по всему телу, постепенно сделали свое дело: мы растянулись на полу и крепко уснули.

Разбудил нас хозяин.

— Лошади у ворот, — сказал он. — Собирайтесь и скорее уезжайте. Да не по улице: сверните в переулок налево, а как выедете за огорода, поверните направо. Да посматривайте в оба. Когда выедете на койскую дорогу, гоните быстрее до самого леса. А в тайге можно ехать спокойнее.

Староста говорил торопливым полушепотом, всмат-

риваясь в туманную ночную даль улицы. Мы не поняли, чем вызван сей строгий и странный наказ, но распрашивать не стали. Проехав несколько домов, повернули в переулок и сразу наткнулись на толпу людей, которые везли на себе сани. На санях лежал человек.

— В чем дело? — спросил я.

— Да вот белые человека убили. Заскочили в избу, схватили, а он вырвался и бежать. Так они догнали и убили.

— А где они?

— Да в улице...

Оказывается, соседнюю деревню Солонечно-Талую, находившуюся всего в километре от Аргазы, заняли белые. Несколько казаков сразу же выехали сюда для расправы и выяснения обстановки. Только теперь до нас дошел смысл строгого наказа старосты. Мы объехали толпу, выбралисся на койскую дорогу и быстро покатили к лесу. Сзади нас раздалось несколько выстрелов. Это белые продолжали расправляться с населением. Заметив нас, казаки бросились в погоню и, выскочив на край села, стали стрелять. Я сделал несколько ответных выстрелов. Но тут мы въехали в тайгу, и стрельба прекратилась.

Проехав около километра, мы остановились, прислушались и, убедившись, что погони нет, поехали шагом. Снег был настолько глубоким, что дорога шла как в глубоком желобе. Свернуть с нее было невозможно. Обогнать нас не могли, других дорог тут не было. Погоня же вслед не страшила: с карабином и полсотней патронов можно было постоять за себя.

На тяжелом крутом подъеме полозья громко скрипели. Под такой скрип обычно приятно дремлет. Но в эту ночь спать не хотелось. Я попросил Юлиуса рассказать подробнее, как ему удалось спастись. Он начал не сразу. Воспоминания кошмарной ночи, которую ему пришлось провести в руках карателей, все еще мучили его. Но постепенно он разговорился.

Когда партизанский отряд выехал вечером из Семеновки в Барашково, ребята оказались последними в обозе. Дул сильный пронизывающий ветер. Они легли в сани, укутались, прижавшись друг к другу, и заснули. Лошадь отстала от обоза и повернула обратно в

Семеновку, которую в это время заняли белые. Их схватили сонных, обезоружили и привели в штаб.

Начался допрос, вернее, избиение. Сначала допрашивали в доме. Били кулаками, плетями, прикладами. Затем увезли в баню и снова били. Когда они теряли сознание, их обливали водой и били, били, били. Партизаны молчали. Взвешенный их стойкостью ротмистр Сумароков отдал приказ расстрелять парней.

Их вывели за огород, раздели до белья, поставили рядом и дали залп. Они упали. Кровь заливала лицо Юлиуса, но он еще видел, как к ним подошли с наганами два офицера. После выстрелов он потерял сознание. Прошло, как видно, порядочно времени, когда Юлиус очнулся. Ветер гнал поземку, и их уже сильно занесло снегом. Путник приподнялся, протянул руку к Володе. Тот уже закоченел. Тогда Юлиус в испуге вскочил и бросился бежать. Встреченные им крестьяне помогли ему и доставили в Перовское. Раны оказались нетяжелыми: одна пуля скользнула по виску, вторая прошла сквозь шею, не задев жизненных центров.

Пока Юлиус рассказывал все это, мы уже спустились с Аргазинского хребта и выехали на Ману. Много пришлось поработать буйной реке, чтобы через исполнинские громады Восточного Саяна пробить себе путь к Енисею. Даже зимой, когда рождественский мороз сковал все реки крепким льдом, она прорывалась наружу, дышала многочисленными полыньями. Только одна дорога — по льду Маны — вела из Канско-Бородинского уезда в Кой и дальше к партизанам Заманья. И ее держали прочно, закрыв карателям вход в мягкий Баджей. Мы ехали молча, любуясь красотой ночного зимнего пейзажа, как вдруг тишину нарушили какие-то звуки. Сзади нас показались всадники. Оттуда могли появиться только враги. Я схватил карабин и подготовился к бою.

— Стой! — раздалось в морозной тишине, и я сразу опустил дуло, узнав наших разведчиков Степана Безотчества и Александра Мезиса.

— Как же вы оказались сзади нас? Ведь здесь одна дорога и никаких отворотов в сторону я не видел.

— Твоя правда, санных отворотов нет, а тропинки возле горы ты не заметил, — ответил на мой вопрос Степан. — Там в избушке старика-рыбака мы и грелись.

— Наш отряд в Кое?

— Нет, уже в Баджее. Александров оставил нас здесь на охране дороги. Сторожим ворота, чтобы кто-нибудь случайно не проскочил в Заманье.

Я рассказал о захвате белыми Солонечно-Талой и о наших приключениях в Аргазе. Поговорив еще минут пять и пообещав предупредить посты о нашем приближении, разведчики поскакали вперед, сразу растаяв в туманной мгле. И снова наступила тишина, нарушающая только монотонным скрипом полозьев да плеском воды в полыньях. Неторопливо бежали лошади, и с каждой минутой все ближе становился Степной Баджей — столица партизанского края.

Ворота на замке

Генерал Афанасьев, назначенный вместо Петухова командующим по подавлению крестьянских восстаний в Енисейской губернии, сразу понял, насколько серьезно его положение. Пожар восстаний разгорался с каждым днем. Не успели каратели добиться хоть какого-нибудь успеха в борьбе с партизанами Заманья, как вспыхнуло восстание в районе села Тасеево. Там сформировался крупный партизанский отряд под командованием В. Г. Яковенко. Почти одновременно с этим взялись за оружие крестьяне Ачинского уезда. Их возглавил бывший штабс-капитан П. Е. Щетинкин.

Для ликвидации «банды» Афанасьев собрал, что мог: учебные команды Иркутского и Нижнеудинского полков, две роты Нижнеудинского стрелкового полка, части Ачинского и Красноярского железнодорожных полков, отряд ротмистра Сумарокова (пешие и конные) и сотню есаула Трофимова. И все же генерал просил подкреплений и писал командующему отдельной Восточно-сибирской армией: «Восстанием охвачен значительный район от Ангары до Минусинска... Солдат, местных уроженцев, необходимо заменить... необходимо снаряжение теплыми вещами». Но командующий и сам не имел резервов и на всех рапортах Афанасьева накладывал неутешительные резолюции: «Читал. Генерал-майор Волков»,⁶

Наиболее опасным и угрожающим генерал Афанасьев считал восстание в Заманье и потому решил сосредоточить все свое внимание на этом участке фронта. Уход первовского отряда в Баджей он считал своим первым успехом и, полагая, что восстание в южной части Канско-Ачинского уезда благополучно ликвидировано, решил сконцентрировать свои силы на Нарвинском участке, чтобы покончить с Заманьем одним ударом.

Нарва — единственные ворота в Заманье. Несколько раз пытались белые пробиться туда из Тюлюпа, но там, в узком ущелье, партизаны всякий раз били белогвардейцев. Те, в конце концов, потеряли надежду преодолеть проклятый рубеж и решили прорваться к Нарве через деревню Унгут. И снова потерпели неудачу. У деревни Мокрая Базаиха партизанская рота под командованием смелого и опытного командира Павла Степановича Лопатского в пух и в прах разнесла неожидавших нападения карателей. От первых же выстрелов погиб белогвардейский офицер. Оставшись без командира, солдаты бросили лыжи и побежали назад. Небольшая группа партизан-лыжников под командованием Василия Гусева ударом с фланга довершила разгром.

Но Афанасьев не мог примириться с поражением. Собрав свыше 800 солдат, с двумя орудиями и десятью пулеметами, он снова устремился к Нарве. На этот раз предусматривалось вести наступление сразу по двум дорогам: прямым ударом из Тюлюпа и с юга через деревню Лейбу (Ново-Троицкую) вверх по Мане.

Партизанская разведка, используя местное население, своевременно дала исчерпывающие сведения о силах противника, вооружении и направлении ударов.

Бой начался утром 14 января с шумной демонстрацией белых на тюлюпском направлении. Однако главный удар был нанесен из Лейбы. Партизаны выдержали этот удар, разрезали фронт противника между Тюлюпом и Лейбой и, зайдя в тыл, расстроили его ряды и обратили в бегство. Глубокий снег затруднял маневрирование белых, а удачно установленный партизанский пулемет беспощадно косил баражатающихся в снегу карателей. В этом бою мы захватили два станковых пулемета, винтовки, много оружия и боеприпасов.

Почти каждый день генерал Афанасьев бросал в бой свои отряды. Однако ни один день не приносил ему по-

беды. Наоборот, каждое сражение делало партизан сильнее. Ресурс их вооружение, крепла уверенность в своих силах.

Опасность подстерегала партизан совсем с другой стороны. Уход из Канского уезда, как это можно было ожидать, поставил партизанское командование в затруднительное положение со снабжением продовольствием, особенно хлебом. В организованном при Баджейском Совете продовольственном отделе хлеба не было. Купить его здесь было не у кого и не на что. Решили обратиться за помощью к населению Заманья. Заманцы жили бедно, хлеба сеяли мало, запасов его не имели, а пользовались преимущественно привозным из близлежащих канских деревень. Мы знали об этом и поэтому не особенно рассчитывали на успешное выполнение задания.

Но население Заманья отнеслось с исключительным сочувствием к просьбе повстанцев. Не было ни одной семьи, которая бы не поделилась с нами тем, что имела. Делились последним килограммом. При этом говорили: «Мы и на картошке проживем, а их, родных наших, надо накормить. Они жизни своей не жалеют. Каждый день в боях, в холодах, в голоде». И несли последнее.

И все же, как ни щедры оказались заманцы, на их хлебе долго не проживешь. И наш канский отряд вернулся от Нарвы в Кой, чтобы снова выйти оттуда в Канский уезд.

Выход в Канский уезд

Командир канского отряда М. В. Александров несколько задержался в Баджее, и командование принял на себя начальник штаба А. Т. Иванов. Партизаны беспрепятственно прошли через тайгу, вышли в Солнечно-Талое и, не задерживаясь, проследовали далее в Вершино-Рыбное. Они не знали, что через два часа после их ухода из Солнечно-Талой туда вступил белогвардейский отряд Нижнеудинского полка под командованием штабс-капитана Ошуркова, закрыв тем самым восточные ворота в Заманье.

Нужно было во что бы то ни стало вернуть партизан,

но как вернешь, если единственная дорога оказалась в руках белых? С большим трудом М. В. Александрову удалось уговорить местного старика-охотника Егора Мезинцева отвезти распоряжение А. Т. Иванову и вывести отряд обратно в Кой по одному ему известным тайским тропам.

А Иванов тем временем продолжал действовать. В подтаежной деревне Осиновый хребет он встретил агинских партизан под командованием Артюхова и Сосновского. Объединившись, отряды почувствовали себя готовыми вступить в бой с любой вражьей силой.

Свою боеспособность партизаны решили проверить на белогвардейском отряде штабс-капитана Тимофеева, только что прибывшем в Агинское из Канска. Но по дороге узнали, что каратели уже покинули село и, направляясь к Солнечно-Талой, решили переночевать в деревне Куликниково. Поверили туда. Впереди два разведчика, в голове колонны пулемет.

Никакого плана боя не разрабатывалось. Договорились проскочить по деревне до конца улицы и тогда открыть стрельбу. К несчастью, белые обнаружили партизан раньше, и пока партизанские командиры, не ожидающие такого поворота дела, судили да рядили, что же делать дальше, каратели бежали из деревни.

В Куликниково разгорелся спор о дальнейшем маршруте. Иванов настойчиво доказывал необходимость движения на север к железной дороге. Помощник командира отряда С. Г. Семишив считал это ничем не оправданным риском и предлагал держаться ближе к тайге. Пользуясь властью старшего, Иванов повернул отряд на север. Но уже в дороге среди партизан начались разговоры об опасности и неизбежной гибели. Снова состоялось шумное совещание командиров, закончившееся новым изменением маршрута, на этот раз к тайге.

На остановке в деревне Конок среди партизан появились пьяные. Не закаленный в боях отряд, не чувствуя твердой руки командира, совершенно потерял боеспособность. Приходилось теперь думать только о том, как бы вывести его в безопасное место. Спасение пришло неожиданно. Посланец Александрова старик Мезинцев передал приказ немедленно возвращаться в Кой.

Неудача первого рейда не изменила прежних намерений партизанских командиров: выход в Канский уезд по-прежнему стоял в повестке дня.

Почти всю ночь просидел М. В. Александров со своими помощниками и разведчиками за разработкой плана первого наступательного боя на Солонечно-Талую. Задача: внезапным ошеломляющим ударом по штабу и огневым точкам внести панику и парализовать действия противника. Мелькали знакомые названия улиц, переулков, площадей. С. Г. Семищев несколько раз чертил план деревни, рассказывал, где какой дом, столб, канава, где высокий забор, а где провалившийся плетень. Разведчики показали, где помещается штаб, в какой комнате находятся офицеры, а в какой хозяева, в каком доме поселились казаки и в каком мобилизованные новобранцы, где стоят часовые и где можно пройти незамеченными.

Утром на общем собрании М. В. Александров подверг резкой критике рейд отряда по Канскому уезду. Партизаны стояли, опустив головы.

— Я не против того, что вы поехали в Агинское, — говорил командир. — Но что из этого получилось? Вы хотели отнять у белых винтовки, которые они забрали в Агинском, и не отняли. Хотели напугать их в Кулижникове и не напугали.

— Посмотрел бы ты, как они драпанули оттуда, — сказал кто-то.

— Драпанули? Это они спросонок испугались, а потом, конечно, очухались и поняли, что пугаться-то было нечего. Да и не пугать их надо, а бить и так бить, чтобы при воспоминании об этом их всю жизнь трясло. А это детская игра, а не война. Мы не дети, и не наше дело играть в кошки-мышки...

Несколько помолчав и преодолев волнение, Александров продолжал:

— А что это за пьянство в боевой обстановке? Вы что же — на свадьбу приехали или выполняли боевое задание? Пьянство в боевой обстановке — то же предательство. Это еще хуже трусости. Труса можно вернуть в бой сразу же. А что делать с пьяным? Ведь хорошо, что в этот момент вы не встретились с белыми. А если бы встретились, они растреляли бы вас, как самую паршивую банду. Погибли бы и пьяные, и трезвые...

Бойцы не смотрели друг на друга. Виноватыми чувствовали себя очень многие: и рядовые, и командиры. И возразить нечего: все правда.

— Забывать этого урока нельзя, — заключил Михаил Власович. — Сейчас перед нами задача: разгромить белых в Солонечно-Талой, выйти в Канский уезд и закрепиться там. Эту задачу начнем выполнять сегодня же. Я буду идти впереди, но буду видеть всех до замыкающего. Нам предстоит много боев, но где бы мы ни были, в какой бы переплет ни попадали, всегда должны быть мужественными и стойкими. Только так мы можем отстоять Советскую власть и завоевать свободу.

От Коя до Солонечно-Талой около 30 километров. Выехали вечером. Впереди разведчики — Степан Безотчетчика и Александр Мезис. Не доехав до Аргазы, остановились, остановили подводы и пошли в обход, проваливаясь по пояс в рыхлый снег. Дул ветер. Снежная пурга забивала глаза, лезла в уши, холодными струйками ползла за воротник. В снежной муте чуть вырисовывался силуэт идущего в двух шагах человека. Ночная тишина нарушалась только порывами ветра. Да еще где-то слева тревожно лаяли и выли собаки. Казалось неясным, где мы, куда идем, что нас окружает, какая опасность подстерегает впереди.

К двум часам ночи, обойдя белогвардейские посты,



М. В. Александров — командир
Канского полка

мы подошли к огородам в центре села. Короткими перебежками добрались до заборов и замерли в ожидании команды. Александров перелез через забор, подошел к окну дома, где размещался штаб белых, и заглянул в окно. В комнате горел свет. За столом дремал дежурный офицер. Кто-то спал на кровати. Через щель забора партизаны увидели во дворе пулемет, возле которого, переминаясь с ноги на ногу, стоял часовой. А кругом удивительная тишина. Даже собаки, вечные нарушители деревенского спокойствия, замолчали на какое-то время.

Александров достал из-за пазухи гранату, осмотрел ее, затем резким движением выдернул кольцо и с силой бросил ее в окно, прямо на стол дремавшего офицера.

Но взрыва не последовало. Граната оказалась испорченной. Перескочив через забор, за которым стояли готовые к бою бойцы, Александров скомандовал: «Огонь!»

Партизаны дали залп по штабу. И сразу пошла пальба по всей деревне. В темноте трудно было различить противника, и стреляли больше по шорохам, по вспышкам выстрелов.

Вскоре захватили первого пленного. Он оказался солдатом девятой роты Нижнеудинского полка и сообщил, что их рота состоит из мобилизованных, которые договорились при первой же возможности сдаться в плен. Двое партизан пошли вместе с ним к нижнеудинцам и — нашего полку прибыло. Партизанам достались новенькие японские винтовки, которые они тут же пустили в ход.

Бой шел уже на главной улице. Белые зажгли село. Клубы дыма, смешанные с вихрями снега, разъедали глаза. Без передышки строчил пулемет. Но вот он замолк. Опасаясь скрытой в дыму засады, мы пошли в обход, но никого не застали: белые успели удрать в деревню Асафьевку.

Партизаны вернулись обратно. У крыльца бывшего штаба белых лежал убитый пулеметчик, у ворот — труп офицера. Собравшаяся толпа хохотала над мужиком, который остервенело пинал мертвца, притвори-

вая: «Вот тебе, собака, вот... За что же ты, гад, тиранил меня, за что кровь мою пил...»

Как только кончился бой, из подпольев, погребов, стаек стали вылезать люди. Во многих домах слышался плач, стоны, ругательства. В доме напротив хозяин снимал с полатей приготовленные для шубы овчины. Все они были изорваны пулями. В одном дворе была убита лошадь, в другом ранен теленок. В доме на площади стонала раненная в ногу девочка лет одиннадцати. Женщины промывали и забинтовывали ей раны, а она стонала и смотрела на всех испуганными глазами, из которых текли обильные слезы.

— Вот тебе и праздник,— сказала одна из женщин.

— Какой праздник? — удивился я.

— Как же, крещенье сегодня,— ответила та с досадой.

Партизанские разведчики зорко следили за врагом. Вскоре они сообщили, что вечером 24 января белые в Асафьевке получили большое подкрепление и собираются наступать на Солонечно-Талую.

От Асафьевки до Солонечно-Талой пятнадцать километров. Тронувшись в путь почти в кромешной темноте, караулы двигались очень медленно, с большой осторожностью, часто останавливаясь и послыпая боковые дозоры. Они знали нашу тактику внезапных нападений в пути и старались не попасть на этот раз в партизанскую ловушку. От мороза захватывало дыхание, слипались ресницы, коченели руки и ноги. В ртутных термометрах замерзала ртуть, спиртовые показывали более пятидесяти. Морозный воздух далеко разносил скрип полозьев, ржание лошадей, команды офицеров.

Бой начался на рассвете. Перед самым началом боя командир отряда М. В. Александров обошел и осмотрел все позиции, дал необходимые советы и особо просил не горячиться, беречь патроны, подпускать противника как можно ближе и бить без промаха.

— Патроны — это наша жизнь,— говорил он.— Ведь мы ни от кого их не получаем и либо сами их делаем, либо берем в бою, а значит платим за них собственной кровью. Патроны — это наша победа, свобода, жизнь наших детей.

Бой оказался затяжным. Несколько раз белогвардейская пехота поднималась в атаку, но всякий раз безуспешно. Мороз крепчал. Сменяя друг друга, партизаны бегали греться в ближайшие избы. Карателям приходилось хуже. Офицеры пытались снова и снова поднимать окоченевших солдат в атаку, но ни брань, ни побои, ни угрозы оружием не могли заставить их подняться.

Еще до начала боя командование партизан отправило в тыл противника группу лыжников под командованием Бабичева, чтобы в критический момент ударить по врагу. Шло время, но лыжники ничем не давали о себе знать.

Александров несколько раз выходил на улицу, прислушивался, но бесполезно. Бабичев молчал.

— Да где же он там, черт возьми? Заблудился, что ли? — ругался командир. — Ведь уже давно нужно было вступить в бой, а он ждет особых распоряжений. Что за люди, не могут самостоятельно решить ни одной боевой задачи! Послать бы кого. Да как? Через фронт не прокочишь.

— Разреши, Михаил Власович, — обратился к Александрову Степан Безотчества, — надоело без дела сидеть.

— Что разрешить?

— Передать распоряжение Бабичеву.

— Да как же ты его передашь? Село-то окружено.

— Попробую, может, с божьей помощью проберусь, — засмеялся Степан.

— Ну, попробуй, только осторожно. На бога надеялся, да сам не плошай.

Степан легко вскочил на коня, круто повернулся и, с места взяв в галоп, птицей вылетел со двора. Далеко отбрасывая копытами снежные комья, конь скакал по улице, унося своего всадника на край села к Асафьевской дороге.

Белые замерли в недоумении, когда всадник на красивой серой лошади выскочил из села и во весь опор помчался к ним. Он что-то кричал и махал шапкой. Стрельба мгновенно прекратилась. Многие побежали к дороге, чтобы узнать, что случилось.

Но Степан, приблизившись, выхватил шашку и крикнул: «Прочь с дороги!» Растерявшиеся от неожиданности солдаты отскочили, а партизанский развед-

чик вихрем промчался мимо них. Только тогда каратели поняли его смелый маневр. Вслед всаднику за трещали торопливые выстрелы. Поздно! Низко пригнувшись к шее лошади, партизан мчался вперед и вскоре скрылся за поворотом, там, где ждал его Бабичев со своими бойцами.

Неожиданный удар в спину врага решил исход боя. Среди белых началась паника. Быстро уложив в сани убитых и раненых, каратели бросились бежать, откуда пришли.

Крестьяне деревни Асафьевки рассказывали позднее, как много они везли раненых и обмороженных. Белые проскочили несколько деревень и только в Карымово решили остановиться. Но едва они занесли в дома раненых, как из-за горы показалась подвода, за ней вторая, третья, четвертая...

— Красные! — раздался тревожный крик. Выскочив из домов и кое-как уложив раненых, белые кинулись дальше, к станции Клюквенной. Только потом они узнали, что тревога оказалась ложной: это местные жители везли дрова на шести подводах. Вот уж воистину у страха глаза велики.

Несмотря на всю безнадежность попыток белых прорваться в Заманье, генерал Афанасьев продолжал посыпать свои отряды в бой. И снова в белогвардейских сводках фигурировали Тюлюп, Кияй, Алексеевка, Ново-Троицкая. И снова жалобы на неудачи, просьбы о подкреплении, сетование на ненадежность солдат. Главный каратель Енисейской губернии не мог похвастать своими успехами.

А линия партизанского фронта подходила все ближе к Сибирской железной дороге. Пора было выходить на железную дорогу и заявить о себе так, чтобы все жители губернии услышали и почувствовали силу партизанского движения. Раздобыв две коробки динамита в Красноярском подпольном комитете, А. Д. Кравченко взял с собой небольшой отряд и прибыл на станцию Магансскую, находящуюся в 40 километрах от Красноярска.

Было решено взорвать железнодорожный мост через речку Березовку. Взрыв поручили партизанам-подрывникам Панкрутскому, Карпову, Свищеву, Лаврен-

тию Филимонову и Володе Данилкину. Они с честью выполнили задание. К сожалению, динамита было недостаточно и разрушения оказались не так велики, как этого хотелось. Движение остановилось всего на несколько часов. И все же последствия взрыва были весьма значительны. Партизаны сумели продемонстрировать перед всеми свою боевую дерзость, о них заговорили повсюду. Взрыв прозвучал вызовом колчаковцам — как знамение ее неизбежного конца и как призыв к борьбе с белогвардейской диктатурой.

Силы партизан росли с каждым днем. Выйдя из тайги, они двигались к железной дороге, сокрушая по пути белогвардейские части.

Именно тогда у А. Д. Кравченко и возникла мысль: силами Кансского полка разгромить крупный отряд белых под командованием полковника Сорокина, расположившийся в деревне Ной. Разгром этого отряда открывал перед партизанами возможность выхода к железной дороге на большом участке. Кравченко понимал серьезность этой операции и потому, взяв на себя руководство, приступил к детальной разработке плана. Тщательная разведка показала, что белые совершенно не ожидают нападения, уверенные в своих силах. Село почти не охранялось. Разведка беляков действовала пассивно.

План наступления на Ной разрабатывался с учетом всех мелочей и возможных осложнений. Полк разделили на несколько групп. Каждая из них имела свое оперативное задание. Кравченко тщательно следил за каждым пунктом выполнения плана. В первую ночь, выходя на боевые рубежи, командиры групп не смогли выдержать время. Наступление отменили. То же самое повторилось и на вторую ночь. Командиры сердились, втихомолку ругали Кравченко, но он был непреклонен.

А в стане врага царил покой. Белым и в голову не приходило, что партизаны уже две ночи подряд подходили почти к самой деревне. Их разведчики из деревень не выезжали. Стоящие на дорогах часовые часто заходили в избы, курили и подолгу греались там, уверенные, что их никто не потревожит. Солдаты и офицеры, не занятые в карауле, тоже спокойно спали.

И вот настала третья ночь. Обойдя белогвардейские посты, партизаны вышли на боевые рубежи и

ждали сигнала. Часа в два, наконец, раздался сигнальный выстрел. И в тот же миг караули были ошеломлены и оглушенны неожиданно разразившимся грохотом боя: разрывы гранат, стрельба из старинных крупнокалиберных дробовых ружей и винтовок, пулеметные очереди, усиленные большим количеством трещоток — все слилось воедино. Полуодетые белогвардейцы в панике метались по деревне, стараясь вырваться из колыча. Некоторые с перепугу залезали в подполья и под амбары. Офицеры же не могли рассчитывать на милость победителей и кидались прямо под пули, шли напролом, лишь бы вырваться из этого ада.

Полковник Сорокин вместе со своим адъютантом и ординарцем крепко спали, когда грохот взрывов потряс деревню. Растерянный, еще ничего не соображая со сна, он бросился в двери, не попал. Что-то упало, загремело. В доме начался настоящий переполох. Все бегали, суетились. Гремели падающие стулья. В этой суматохе Сорокин никак не мог найти одежду и костерил всех на чем свет стоит. Наконец, он понял бесполезность поисков, бросился к печке, сунул ноги в валенки, накинул полуушубок и выбежал на улицу. Там, даже не попытавшись навести порядок среди своих обезумевших от страха солдат, полковник вскочил на подведенного ординарцем коня и ускакал.

Разгром белых был полный. До самого утра ходили партизаны по избам, вытаскивая отовсюду спрятавшихся белогвардейцев и собирая богатые трофеи. Их оказалось немало: два станковых пулемета, большое количество винтовок, патронов и т. п. Плюс ко всему 180 пленных. В наши руки попал и медпункт с богатым медицинским оборудованием. Фельдшер медпункта Н. Лузин сразу же был направлен в партизанский госпиталь, где и работал до конца войны.

Потери Кансского отряда оказались минимальны: один убитый, шесть раненых.

Утром в штаб партизан пришла хозяйка квартиры Сорокина, принесла полковничью брюки, которые он не нашел впопыхах, и со слезами жаловалась, что впопыхах полковник оставил свой белый валенок, а вместо него унес хозяйкин черный. Партизаны до слез хохотали над ее бедой, а она стояла посреди комнаты в разных валенках и не знала, что делать: то ли плакать, то

ли тоже смеялись. Чтобы как-то возместить ее потери, ей оставили полковничьи брюки.

Белогвардейское командование даже и предположить не могло, что красные захватят Ной. Утром к деревне подъехали четыре казака. Партизанские часовые пропустили их так, что те даже и не заметили изменившейся обстановки. Въехав в деревню, казаки спросили, где штаб. Им указали на штаб полка. Даже войдя в дом, они не сразу догадались, что попали не туда. И только когда на их вопрос, где командир, им указали М. В. Александрова, беляки поняли, что случилось. Оружие сдали без сопротивления. И еще отдали пакет с планами белогвардейского командования. По слухам победы и за доставленные ценные сведения казаков отпустили на все четыре стороны.

Почти весь очередной номер партизанской газеты «Крестьянская правда» был посвящен нойскому бою. Художники постарались вовсю. Карикатуры довольно хлестко изображали растерянность и панику белых. Вот из подполья, где хозяин хранил зимой ульи, вылезает белогвардец с распухшим от укусов лицом. Вот полковник Сорокин в разных валенках и без брюк, вскочив на крыльце, кричит: «Кони! Кони!»

Один экземпляр этой газеты, напечатанной на гектографе, попал даже в стан врагов. И нельзя сказать, чтобы он сослужил хорошую службу полковнику.

Нойский разгром усилил растерянность и панику в стане белых. Ведь это была не единственная их неудача на «внутреннем фронте». Ширялось партизанское движение и в Ачинском, и в Канском уездах. Партизаны выходили на оперативный простор, расширяя свои границы. Постоянно действующая подрывная команда устраивала крушения на железной дороге, и только недостаток взрывчатки ограничивал ее разрушительную деятельность.

В 12 километрах от станции Камарчага находилось крупное волостное село Шало. Владея им, партизаны могли держать под контролем большой участок железной дороги, связывающей Дальний Восток с западным фронтом колчаковщины. Белые прекрасно понимали эту угрозу и стремились всеми силами именно здесь оттеснить партизан подальше от железнодорожной магистрали. Много раз Шало переходило из рук в руки.

Бои шли всю зиму и в других деревнях: в Рыбинском, в Семеновке, Нижне-Есаульской, в Кияе и т. д. 14 марта отборные белогвардейские части сделали попытку разгромить Канский полк у Ноя, но снова в жестокой схватке были разбиты наголову. Погибло более 150 белогвардейцев. Сам предводитель карателей полковник Дементьев был тяжело ранен и без сознания доставлен в Сухону. У партизан выбыло из строя всего шесть человек. Убитых не было.

В своем донесении объединенному Совету о нойском сражении А. Д. Кравченко писал: «В настоящем отряде белых участвовали офицерский батальон особого назначения, две роты учебной команды, добровольцы и другие наемники. Новобранцев не было. Несмотря на такой состав противника, наш доблестный и стойкий Канский полк выдержал генеральный бой, подобного которому еще не было за все время ведения войны. Отмечаю особенную храбрость и распорядительность командира полка Михаила Власовича Александрова.»⁷

На юго-востоке Канского уезда между бурными таежными реками Каном и Агулом расположилась Тальская волость. Разбросанные по таежным ключам и речкам мелкие поселки уходили далеко в тайгу Восточно-го Саяна. Условия жизни здесь ничем не отличались от заманских. Те же неподходящие земли, та же тайга с ее богатством и суровостью, та же глупь и бездорожье. И жила здесь такая же беднота. Царское начальство опасалось совать сюда свой нос. Не заглядывали и колчаковцы.

Когда белочехи заняли Канск и Клюквенский фронт пад, часть оставшихся в живых красногвардейцев из отряда Гитоева — командира канского отряда Красной гвардии — пробралась в Тальскую волость. Среди них был большевик, бывший матрос Балтийского флота, участник октябрьских боев в Петрограде Ф. С. Грибушин. Он развернул большую работу по организации подпольных групп и подготовке к партизанскому движению, установил постоянную связь с подпольщиками соседней Ирбейской волости, а также с Канской и Красноярской подпольными организациями.

В конце января отряд Грибушкина прибыл в Соло-

нечно-Талую и влился в партизанскую армию под официальным названием Тальского полка.

Почти в то же время в Тальской и частично в Ирбейской волостях организовался небольшой отряд под командованием К. А. Жестикова. К сожалению, болезненное честолюбие его командира помешало развитию партизанского движения в этом районе. Имея под своим началом всего несколько десятков партизан, Жестиков не хотел считаться с тем, что рядом на освобожденной от колчаковщины территории базируется целая партизанская армия, возглавляемая А. Д. Кравченко. Впоследствии, подчинившись обстоятельствам, он все-таки вошел в ее состав, но долго еще болезненное тщеславие и честолюбие мешали ему согласиться с тем скромным местом, которое отводилось там ему и его отряду.

В марте 1919 года в партизанскую армию пошли сердники. Раскачалось, наконец, и Агинское, где сформировался Агинский полк во главе с сердником Стародубцевым.

Осенью 1918 года белогвардейское командование решило пополнить свои вооруженные силы за счет пленных красноармейцев. Были вызваны добровольцы, в числе которых оказался и Василий Егоров. Коммунист Егоров был командиром Красной Армии. Попав в плен, он скрыл свое звание и партийность и числился в лагере рядовым красноармейцем. С первых же дней пребывания в белой армии он стал готовить солдат к переходу на сторону красных. Такой случай представился, и 31 января рота Егорова (60 человек) перешла на нашу сторону и влилась в Тальский полк. Егоров стал командиром батальона.

С такими силами входила партизанская армия Заманья в боевую весну 1919 года.

По результатам зимних боев колчаковское командование окончательно убедилось в том, что генерал Афанасьев не в состоянии справиться с партизанским движением в Енисейской губернии, и 18 марта 1919 года назначило начальником всех вооруженных сил Енисейской губернии и Нижнеудинского уезда Иркутской губернии наиболее жестокого колчаковского палача генерал-лейтенанта Розанова.

Получив неограниченные права «уполномоченного по охране государственного порядка и спокойствия в Енисейской губернии», Розанов решил подавить сопротивление колчаковскому режиму жестокостью и обманом. В Красноярске было создано губернское земское собрание, которое приняло демагогическое обращение ко всему населению губернии, призывая «не слушать смутьян», а спокойно «сеять хлеб».

Вслед за земцами сказало свое слово и колчаковское командование. В ультимативной форме оно потребовало от партизан в семидневный срок прекратить сопротивление и сдаться на милость победителей. В противном случае «миротворцы» обещали применить удушилые газы и истребить все население мятежных районов от двенадцатилетнего возраста.

В войну на идеологическом фронте включилось и духовенство, призывая «православных христиан» к послушанию.

Подал голос и сам генерал Розанов. 3 апреля он опубликовал в газете «Свободная Сибирь» «Объявление уполномоченного по охране государственного порядка и спокойствия в Енисейской губернии и части Иркутской». Это была настоящая программа палача и вешателя. Объявив вне закона народное антиколчаковское движение, генерал назвал заложниками содержащихся в тюрьме большевиков и приказал за каждое «преступление» партизан расстреливать от 3 до 20 человек.

Напечатанная в этом же номере «инструкция» к приказу полностью раскрывала лицо колчаковского наместника. Почти каждый ее пункт заканчивался фразой: «расстреливать без суда». Она давала возможность каждому пьяному белогвардейцу убивать кого угодно, не боясь ответственности и не задумываясь над мотивами убийства.

Наступила пора белого террора: расстрелы, аресты, погромы. По приказу о заложниках из тюрьмы каждый день выводили узников и расстреливали без суда и следствия. 10 мая 1919 года белые расстреляли в красноярской тюрьме большую группу большевиков во главе с Я. Е. Боградом и А. Г. Перенсоном.

Знаменосцы большевизма

Центральный Комитет Коммунистической партии придал большое значение работе подпольных большевистских организаций в Сибири и развивающемуся партизанскому движению. Трудности постоянной регулярной связи ЦК РКП(б) с подпольными комитетами Сибири вызвали необходимость приблизить руководство ЦК. 17 декабря 1918 года было создано Сибирское бюро ЦК. Сформированное из представителей коммунистов Сибири и Центра, оно и возглавило борьбу трудающихся с колчаковской диктатурой по всей Сибири. Находилось Сибирское бюро при реввоенсовете 5-й армии.

Чуть раньше, 23 ноября 1918 года, в Томске на Второй подпольной конференции большевиков Сибири был избран Центральный Комитет РКП(б) Сибири. Борьба с колчаковщиной разгоралась все шире, и никакие репрессии не могли ее остановить: на место выбывших товарищес становились другие.

Много сделали по организации мощного партизанского движения на территории Енисейской губернии красноярские подпольные комитеты. Не ослабляя революционной работы среди рабочих и солдат гарнизона, они руководили этим движением до конца разгрома колчаковщины.

По инициативе и при непосредственном участии членов Красноярской подпольной организации Е. Т. Марутко и В. А. Уланова был создан партизанский отряд в Ачинском уезде. Партизанским движением на западе Красноярского уезда руководил член Красноярского подпольного комитета Н. М. Копылов. Партизан Тасеевского и Енисейского фронтов возглавили большевики В. Г. Яковенко, Н. М. Буда, Ф. Я. Бабкин, И. А. Вашкорин, Т. Н. Пугачев и другие.

Большевики стояли и во главе партизан Заманья. Председателем армейского Совета был С. К. Сургуладзе, член РСДРП с 1906 года, секретарем армейского Совета — А. К. Загайный, член РСДРП с 1903 года. Большевиками с дореволюционным стажем были и многие другие руководящие работники партизанской армии: И. П. Гуливер, А. И. Телечкина-Сухорослова, В. Ф. Рут-

ковский, Ф. Ф. Грабовский, Н. Т. Толстой, А. И. Дзеканский, В. С. Щукин, В. С. Масленкин, Дм. Смоленский и другие. Большевиками были и командиры наших полков: М. Т. Савицкий, К. П. Лидин (Пуляев), М. В. Александров, В. О. Гусев, В. А. Уланов, С. Баталов, а также многие работники штаба и армейского Совета.

На различных ответственных участках партизанской армии находились члены РСДРП(б) с 1917 года И. П. Курченко, Н. Клявин, М. И. Заболоцкая, С. П. Безотчетства, Н. Темеров, В. Крупitsкий, К. Жестиков, К. Гарстынь, Э. Плум, А. Зарубин, С. Гульков, В. Егоров, А. Шмидт — посланец красноярского подполья, Ал. Цауне, Ан. Цауне, И. Боган и Ф. Боган, а также Волков, Глухих, Гапонов, Гущина, Добровольский, Магда, Боярицев, Золотайко, Коль, Комкин, Кузнецов, Пшибильский, Ромель, Труфанов и другие^{*}.

Командующий партизанской армией А. Д. Кравченко, хотя и не был в то время членом партии, твердо стоял на большевистских позициях. Подписавший ему рекомендацию для вступления в партию в 1920 году член РСДРП(б) с 1903 года Ф. К. Врублевский писал: «А. Д. Кравченко был настоящим героем массового революционного движения. Он любил массу, рвущую свои вековые цепи, и рвался к ней; он умел просто, по-товарищески делить с ней все трудности и потому пользовался большой популярностью... Формально тов. Крав-



К. П. Лидин (Пуляев) — командир пулеметного полка

чекко вступил в ряды РКП (б) после падения колчаковщины в январе 1920 года, фактически — тогда, когда он с пламенными речами и винтовкой в руках стал разъезжать по деревням Сибири и призывал трудящихся Сибири восстать и восстановить Советскую власть...»*

Несмотря на то, что в партизанской армии находилась большая группа коммунистов, партийная организация в ней не была оформлена и приема в партию закаленных и проверенных в бою партизан, стоявших на большевистских позициях, не было. Все они вступили в ряды РКП (б) в Красноярске в 1920 году. В это время почетное и ответственное право именовать себя членами большевистской партии получили Г. В. Шакlein — заместитель председателя армейского Совета, П. П. Петров — председатель Совета Баджейской республики, заведующий отделом агитации и редактор партизанской газеты «Соха и Молот», командиры полков А. М. Марченко и К. М. Логвинов и сотни других.

Я подробно остановился на этом вопросе потому, что и сейчас еще встречаются отдельные товарищи, поведавшие рассуждениям известного эсера Евгения Колосова о «крестьянской основе» партизанского движения, во главе которого якобы стояли эсеры. Наши партийные органы дали достойный отпор этим «изысканиям» аполитичных горе-историков.

Партизанская армия поддерживала постоянную связь с Красноярским подпольным комитетом. Красноярские подпольщики помогали партизанам вооружением, боеприпасами, медикаментами и, самое главное, снабжали их правдивой информацией, вдохновляющей население партизанских районов на самоотверженную героическую борьбу. Через своих агитаторов и через партизанскую газету «Крестьянская правда» мы несли слово большевистской правды трудовому народу.

Связь с красноярским подпольем поддерживали смелые и выдержаные люди. Одним из таких был Ефим Маркович Дударев, крестьянин д. Покосной Шалинской волости. Еще в июле 1918 года он выполнял задания Красноярского комитета и позднее неоднократно выезжал в Красноярск. Собирал боеприпасы, оружие, при-

* «Правда», 1923, 30 декабря.

водил в одиночку и группами добровольцев, помогал в организации и расширении партизанского движения, информировал о положении, предупреждая командование о грозящей опасности.

Трудной и опасной была работа партизанских связных. В январе 1919 года белые схватили и повесили в Кияе на воротах по скотине связного Мельниченко. Вскоре после этого колчаковская контрразведка выследила и арестовала перед самым выездом из Красноярска В. Малышеву и К. Юшкова. Юшкова казнили, а Малышеву посадили в тюрьму, откуда ее освободила только Красная Армия.

У партизанской армии было много серьезных трудностей. Не хватало пороха и пистонов. Попытки изготавливать их на месте не увенчались успехом: не было настоящих специалистов. И снова тут помог Красноярский подпольный комитет, направив в Баджей инженера-химика, венгерского коммуниста А. Шмидта. С его помощью партизаны организовали в Баджее лабораторию и стали изготавливать порох и другие взрывчатые вещества.

Бурное развитие партизанского движения в южных районах Красноярского и Канского уездов потребовало единых организационных форм и централизованного руководства. В двадцатых числах января 1919 года совещание представителей партизанских отрядов официально утвердило центральный военно-политический орган — армейский Совет. Из партизанских отрядов сформировали полки — Манский, Канский и Тальский, объединив их в партизанскую Крестьянскую армию, командующим которой стал А. Д. Кравченко. Председателем армейского Совета избрали С. К. Сургуладзе.

Сергей Константинович Сургуладзе начал свою революционную деятельность в начале девятисотых годов на Кавказе, еще когда учился в Озургетском городском училище (Кутаисская губерния). Работая с 1902 года переписчиком в сельском управлении Земохети, поддерживал постоянную связь с революционными организациями. 2 февраля 1906 года, выполняя задание по доставке оружия из-за границы, был арестован. При обыске у него обнаружили документ члена РСДРП.

В марте 1907 года в г. Кутаиси начался суд. Но лишь через полгода бесконечных проволочек, наконец, вы-



С. К. Сургуладзе — председатель армейского Совета

года снова водворили в Кежму. В амнистии, объявленной в честь трехсотлетия «дома Романовых», отка-
зали.

Февральскую революцию С. К. Сургуладзе встретил в Сушенке Уярской волости, куда его перевели в 1915 году. Многие ссыльно-политические уезжали тогда в большие города, в родные места. Сургуладзе тоже мечтал поехать в Грузию, но губком партии предложил ему остаться на некоторое время в Сибири и направил комиссаром милиции в Канск.

Во время белоческого мятежа Сергей Константинович командовал отрядом Красной гвардии на Клюквенском фронте, а после его падения укрылся от карательей в Сушенке. Как только началось восстание в Заманье, привел свой отряд к А. Д. Кравченко.

несли приговор: по-жизненная ссылка в Сибирь. В апреле 1909 года с кандалами на руках С. К. Сургуладзе прибыл в Красноярск. Отсюда его направили на поселение в поселок Кежму.

Нелегкими оказались для Сергея Константиновича годы ссылки. Бессправное положение ссыльного усугублялось непривычным суровым климатом. 15 ноября 1912 года он пытался бежать. Поймали, избили, бросили в тюрьму, а в феврале следующего

Советская власть в колчаковском тылу

На первом армейском съезде С. К. Сургуладзе подробно рассказал делегатам о поисках партизанским руководством (А. Д. Кравченко, П. П. Петровым, Н. П. Курченко и другими) форм организации гражданской власти. Это оказалось нелегким делом.

Партизанская армия Заманья и южно-канских районов — это не проходящий военный отряд. Здесь она родилась, и не было, пожалуй, в этих краях ни одной деревни или села, представители которых не сражались бы в ее рядах. Отцы, матери, жены и сестры наших бойцов всеми силами и средствами поддерживали свою родную Крестьянскую армию. Снабжали ее продуктами, обували, одевали, чем могли, посыпали к нам новых бойцов, вели неустанное наблюдение за врагом, сообщая о передвижении карательных отрядов, их численности, вооружении и планах. И никакие репрессии не могли изменить отношения населения к партизанской армии. Это было единое целое, неразрывное содружество.

Поиск форм гражданской власти привел к решению создать партизанскую республику по форме независимого советского государства. Первый армейский съезд, открывшийся в д. Умбек 1 марта 1919 года, одобрил представленные предложения. Так официально родилась Баджайская советская республика.

А через несколько дней на пленарном заседании представителей центрального органа власти республики, фактически ставшим ее первым съездом крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, был избран объединенный Совет республики. В состав президиума объединенного Совета вошли Петров, Альянов, Курченко, Величев и Говорушин. Председателем Совета избрали П. П. Петрова, его заместителем — Н. П. Курченко, секретарем — Д. Альянова.

Съезд обсудил доклады о работе отделов: продовольственного, агитационно-редакционного, финансового; заслушал заведующего мастерскими, начальника госпиталя и других руководителей организаций и предприятий республики. Утвердил Верховный трибунал и разработал положение о трибунале и волостных

судах. Дал инструкцию по организации Советов на местах. Организовал земельный отдел, отделы народного здравоохранения и социального обеспечения (признания) и другие.

Разработанные съездом законы жизни Баджейской республики, в которую вошли к весне 1919 года семнадцать волостей, полностью или частично освобожденных от колчаковщины, нужно было довести до сведения всего населения, организовать жизнь деревень в соответствии с задачами времени. Для партизанских агитаторов началась страдная пора.

Агитационный отдел был одним из ведущих в армейском Совете. В нем постоянно сотрудничали А. Низовцев, Т. Перова, Г. Попов, Т. Рогозин, И. Величев, а также многие другие коммунисты партизанской армии: С. К. Сургуладзе, Н. П. Курченко, В. Саломатов, С. Н. Васильченко, В. С. Щукин, Г. В. Шакlein, А. К. Загайный...

С неизменным успехом выступал и в узком кругу, и на многолюдных митингах А. Д. Кравченко. Его яркие убедительные речи, сдобренные сочным народным юмором, доходили до сердца каждого.

Эрудированным, серьезным пропагандистом показала себя восемнадцатилетняя учительница Таня Петрова. Образцом подражания для нее оставались такие женщины, как Елена Дмитриевна Стасова, отбывавшая ссылку в с. Рыбинском, и М. П. Вохмина (жена Н. И. Коростелева), сосланная в с. Первое. Таня лично знала этих пламенных революционерок, училась у них большевистской убежденности и стойкости в борьбе.

Несколько слов хочется сказать о Василии Саломатове. Простой деревенский парень, с трехклассным образованием сельской школы, он покорил слушателей своей глубокой искренностью и эмоциональностью. Когда Василий рассказывал о злодействе врагов и, прижимая руки к груди, говорил: «Сердце кровью обливается и нет слов в русском языке, чтобы рассказать, что там творили колчаковские палачи!», у слушателей невольно сжимались кулаки и слезы выступали на глазах.

Замечательным агитатором партизанской армии был сельский учитель из д. Стойба Семен Никандрович

Васильченко. Белые схватили его и после пыток расстреляли в канской тюрьме. Когда Васильченко выводили на расстрел, он громко крикнул: «Прощайте, товарищи! Боритесь, победа придет!»

В дни побед и в черные дни поражений агитаторы находились в гуще масс, поднимая настроение бойцов, не допуская расслабленности. Они вели работу не только среди партизан, но и среди солдат белой армии, ставшей весьма разношерстной по своему составу после того, как с июля 1918 года в нее стали мобилизовать крестьянскую молодежь. Теперь наряду с кулацкими сыниками среди мобилизованных беляков оказались и середняки, и даже бедняки. Надо было отнять их у наших врагов.

14 января в белогвардейские карательные отряды были заброшены листовки.

«Товарищи и братья, попавшие в услужение хищников, поджигателей, убийц, грабителей, наше к вам братское обращение,— говорилось там.— Товарищи! Мы, крестьяне Красноярского, Канского и Минусинского уездов организовались в стройную, боевую крестьянскую армию для завоевания себе свободы и права на самостоятельную жизнь. Мы просим вас возвратиться к нам, бросить насильников. Переходите домой, старайтесь унести и оружие с собой... Помните, товарищи, если теперь вы не вернетесь к нам, мы будем считать вас своими врагами и тяжкая кара ожидает вас наряду с нашими врагами.»⁹

Это воззвание имело успех. Уже 19 января в тальском бою взвод новобранцев Нижнеудинского полка с оружием в руках перешел на нашу сторону.

Почти одновременно Главный штаб партизанской армии обратился с другим воззванием к бывшим фронтовикам южной части Красноярского и Канского уездов. В нем говорилось о том, как ведут себя враги рабочего класса и трудового крестьянства, захватив власть:

«...Посмотрите, товарищи, что они делают. Им нужны солдаты для борьбы с нами—они берут наших сыновей и братьев. Им нужны деньги—они накладывают непосильные налоги. Им нужна одежда, чтобы обмундировать продажную шкуру иностранца, при-

шедшего служить капиталу — они раздеваются солдата, крестьянина-фронтовика. Наконец, в деревнях, где они появляются, производят бесчинства, грабят, убивают, порют стариков и насилуют женщин...»¹⁰

Воззвание призывало фронтовиков встать на защиту революционных завоеваний, вступать в ряды партизан.

500 экземпляров этой листовки подготовили работники агитационного отдела. Круглыми сутками работала единственная пишущая машинка, без устали трудились агитаторы, переписывая текст. И результаты революционного призыва не замедлили сказаться. Группами и в одиночку добровольцы-фронтовики вливались в партизансскую армию.

Хочу привести еще один характерный документ того времени. А. Д. Кравченко, узнав, что одним из карательных отрядов командует знакомый ему по прежней службе капитан Решетин, решил через него обратиться ко всем офицерам-колчаковцам.

М. Г. господин капитан Решетин!

Прошу принять к сведению следующее: вы ведете войну не с красноармейцами, а с армией восставших крестьян, борющихся за свою поруганную честь и свободу, добытую миллионами ведер человеческой крови, пролитой в войну с Германией. Неужели вы, дослужившись до чина капитана, не можете понять, что колесо истории никто не в силах остановить — оно беспощадно давит всех, попадающих под него. Когда вода прорывает плотину, она несется со страшной, неудержимой силой и все опрокидывает на своем пути; так и наше крестьянское движение — оно так же сильно и неудержимо, наша армия сильна духом и верой в свое правое, святое дело освобождения от насилия самодержавия... Мое письмо является вам предупреждением, — предлагаю вам ознакомить всех, кто не понимает, с кем воюют и за что воюют организовавшиеся десятки тысяч крестьян, с моим письмом; предлагаю вам, пока не поздно уйти с нашей дороги и увести с собой других офицеров, — своим уходом вы уменьшите проливающуюся братскую кровь. Предупреждаю, если вы отнесетесь к моему письму без должного внимания и не выполните моей просьбы, заявляю: не будет никому из вас пощады, наш

красный террор будет ответом на ваш белый террор, который вы проявляете к мирным жителям...

Главнокомандующий всеми силами Крестьянской армии Кравченко. 23. 11. 1919 года¹¹.

Суровой трудовой жизнью жил Степной Баджей — столица партизанской республики. Из Канского уезда шли сюда обозы с хлебом и мясом. Продовольственный отдел, возглавляемый Г. Низовцевым и Д. Хлебниковым, готовил муку, выпекал хлеб и отправлял его на фронт. Увеличивалось число раненых в партизанском госпитале. Здесь уже был свой хирург — бывший врач агинской больницы Семен Георгиевич Вологод-



Я. Замураев, П. Фомин, М. Васильев, Г. Попов, А. Маркитант (слева направо)

ский. Из Вершино-Рыбного прибыл хороший фельдшер, искренне преданный Советской власти, бывший военнопленный немец Юган Вильгельмович Эллингауз. Здесь же трудились медсестры: Паша Саломатова, Аня Аршанская, Таня Перова, Малаша Макаренко, Альма Буббот, Таня Барабашова, Поля Фомина, Арвида Маркитант, Дуся Выходцева, Маруся Крастынь, Маруся Перова, Малаша Саломатова и другие. Сколько бойцов вернули они к жизни и к борьбе!

Нелегко работать в этих условиях, но медики все же как-то выходили из положения. Не было бинтов — их заменяли собранные у населения тряпки. Не хватало йода. Иногда не было анестезирующих средств. Случалось, что при ампутации рук или ног приходилось действовать пилой, сделанной из полотна простой столярной пилы. До вступления в Минусинск не было спирта — пользовались самогоном.

Напряженно трудились и рабочие армейских мастерских: готовили для бойцов валенки, сапоги, одежду.

Но самым главным предприятием партизан были оружейные мастерские. Еще не начались бои, а в Баджее и в других охваченных восстанием населенных пунктах разжигались горны деревенских кузниц. Здесь ремонтировали оружие и заготовляли патроны.

Некоторые «любители экзотики» рассказывают о том, что как только создавался партизанский отряд, кузнецы начинали ковать пики и другое оружие крестьянских бунтов крепостного времени. Находятся наивные люди, которые верят этому.

Несколько раз мне приходилось видеть на стенах даже довольно солидных музеев в качестве вооружения партизан пики, старинные курковые, охотничьи ружья, вплоть до кремневых, четырехствольные пистолеты, которыми пользовались купцы и дворяне в начале прошлого столетия, и прочий бутафорский хлам. В действительности же ничего этого не было на вооружении партизан нашей армии. Трудно вообразить что-либо подобное и в других партизанских отрядах. Наши партизаны высмеивали как допотопную древность даже оружие царских жандармов — тяжелые пистолеты системы Смит-Бессона.

Нельзя забывать, что партизанские отряды Сибири — не мятежные ватаги крепостных крестьян, гро-

мящие барские усадьбы, а революционные отряды пролетариев и трудового крестьянства, которые объявили беспощадную войну контрреволюции.

Чтобы бить врага и побеждать его малой кровью, они должны были иметь самое современное оружие и пользоваться современной наукой побеждать. И они это имели: их старшими командирами были опытные офицеры царской армии, ставшие на сторону революции, а оружие добывалось в боях.

На вооружении партизан были боевые винтовки — русские, японские, австрийские, немецкие, итальянские, английские многозарядные винчестеры и все, что отвоевывали у колчаковской армии: пулеметы — «максим», «кольт», «шоша», «люис»; револьверы: наган, браунинг, парабеллум, кольт и другие. Все, чем империалисты вооружали контрреволюцию, переходило в руки партизан, и именно этим оружием и наносили партизаны сокрушительные поражения врагам. Охотничье ружья (и только центрального боя) допускались исключительно в тыловых охранах. В боевой обстановке их применяли только в наступательных боях, подобных тальскуму и нойскуму, где противники сходились на близкие дистанции.

Оружие всегда должно быть исправным, но в боевой обстановке порча его неизбежна. Оно выходило из строя не только в результате механического повреждения (прямое попадание пули или осколков гранат и снарядов, падение седока с лошади и т. д.), но и вследствие использования для стрельбы самодельных пуль без твердой оболочки. В результате этого в стволе оседали мельчайшие брызги расплавленного металла. Проходное отверстие сужалось, а трение свинцовой пули настолько увеличивалось, что она почти полностью плавилась в стволе. Винтовка начинала «плеваться», не нанося врагу никакого поражения. Естественно, что она для боя не годилась и поступала в мастерскую.

В армейской оружейной мастерской трудились замечательные умельцы. Они делали вручную любые детали ко всем маркам винтовок и пулеметов и даже к трофейным пушкам.

Возглавлял коллектив мастеров кадровый рабочий коммунист Д. Г. Смоленский.

Революционная биография Диомида Георгиевича Смоленского началась в 1905 году, когда он работал помощником машиниста депо станции Иланская. Основным очагом революционного движения в Енисейской губернии стали тогда железнодорожные мастерские и депо ст. Красноярск, рабочие которых семь дней вели в осаде вооруженную борьбу. Красноярцев поддерживали железнодорожники других станций. Начальник Сибирской железной дороги доносил правительству, что Иланская — второй революционный очаг после Красноярска. Иркутский генерал-губернатор Меллер-Закомельский, в ведении которого находилась тогда Енисейская губерния, не затруднял себя расследованиями. Он расстреливал всех подряд. 12 января 1906 года губернатор во главе карательного отряда прибыл в Иланскую.

Поводом к этому послужили следующие события. Рабочие депо станции объявили забастовку в знак солидарности с рабочими Красноярска. Разгромив «Красноярскую республику», царское правительство начало расправу и с рабочими других узлов. В Иланске арестовали и направили в канскую тюрьму 17 вожаков рабочего движения, среди них и Д. Г. Смоленского. Иланские рабочие направили делегацию с требованием освободить арестованных. Для острастки жандармы посадили в тюрьму и эту делегацию.

Тревожные гудки паровозов подняли весь рабочий поселок ст. Иланская. Со всех сторон бежали рабочие к станции. Узнав о случившемся, они кипели от возмущения.

— Поедем все в Канск и разнесем тюрьму. Силой освободим наших товарищей, — говорили на митинге сторонники решительных действий.

В поданный состав село более трехсот человек. Гнев и ярость рабочих были безграничны. Полиция Канска, не надеясь на свои силы, решила прибегнуть к коварному обману. На станцию прибыла вся администрация города и даже духовенство. Иланцев заверили, что произошло недоразумение и что из Иркутска уже выехало начальство для разбора дела. Как только оно прибудет, все арестованные будут немедленно освобождены. Рабочие поверили лживым речам и вернулись обратно.

А в это же время, когда перетрусившие «отцы города» заверяли иланцев в установлении справедливости, в Иркутск летели истерические телеграммы с просьбой подавить поднявшийся мятеж. Прибыв на станцию Иланскую, Меллер-Закомельский приказал собрать рабочих в депо, якобы для того, чтобы объявить им царский манифест о даровании народу свободы. Когда же празднично одетые рабочие с женами и детьми собрались, генерал приказал солдатам закрыть все входы и выходы и по беззащитным людям без всякого предупреждения был открыт ураганный огонь.

Убивали всех без разбора: мужчин, женщин, детей. Окровавленные люди ползали по полу, прятались за станками, но всюду их настигали солдатские пули. Машинист парового котла догадался открыть пар. Клубы пара заполнили помещение и как-то скрыли людей. Но стрельба продолжалась.

В этот день в депо было убито и искалечено свыше 150 человек¹². Виновник этого злодеяния Меллер-Закомельский написал царю соответствующее объяснение и не понес никакого наказания. Наоборот, наказаны были оставшиеся в живых рабочие. Д. Г. Смоленского судили вместе с другими. Он вышел из царской тюрьмы почти через восемь лет — в конце 1913 года.

В дальнейшем Диомид Георгиевич принимал активное участие в Октябрьской революции, а когда против Советов выступили чехи, сражался в рядах Красной гвардии на Клюквенском фронте. После падения фронта скрывался в подтаежных деревнях и как только услышал о возникновении партизанских отрядов в Заманье, пришел в Баджей.

Вместе с Д. Г. Смоленским в мастерских трудились замечательные мастера-оружейники: коммунист М. Макушин, А. Аксенов, А. Шмидт, питерские рабочие Петр Маркитант и его сын Генрих, рабочий станции Боготол коммунист В. С. Масленкин, рабочий депо станции Клюквенской С. Л. Каравеев, рабочий оружейных заводов Р. О. Писменный и многие другие.

Без их золотых рук партизанская республика не продержалась бы и месяца.

Партизаны готовились к второму армейскому съезду. В объединенном Совете размножали воззвания, печатали очередной номер газеты «Крестьянская правда». Всю ночь горел огонь в квартире А. Д. Кравченко, где Зинаида Викторовна Кравченко и сестры партизанского госпиталя готовили знамя Канского полка с рисунками Александра Белолипецкого: рабочий с молотом на плече пожимает руку крестьянину с винтовкой — символ нерушимой дружбы рабочего класса и крестьянства и их солидарности в борьбе с контрреволюцией.

Второй армейский съезд открылся в Степном Баджее 30 марта 1919 года. Перед делегатами отчитался командующий армией А. Д. Кравченко. С докладом о деятельности объединенного Совета выступил заместитель председателя Н. П. Курченко. По предложению командующего съезд избрал Главный штаб. Начальником штаба стал С. Яковлев. В состав штаба, наряду с командирами полков, вошли А. Д. Кравченко и его помощник И. Г. Боган.

Съезд утвердил положение об армейском Совете как о высшем органе власти партизанской армии. Ему подчинились все отделы, учреждения и предприятия армии, а также и сам командующий. Была утверждена выборность командного состава — от командира отделения до командующего.

На съезде возник спор о нумерации полков. Манский полк совершенно законно претендовал именоваться первым, потому что восстание в Заманье началось раньше, чем в Канском уезде, и заманцы первыми начали боевые действия. Канский полк претендовал быть первым потому, что наиболее широкое развитие партизанское движение получило в Канском уезде и потому, что Канский полк был старшим братом родившихся на территории Канского уезда Тальского и Агинского полков и отрядов Савицкого и Жестикова.

Чтобы не спорить по-пустому, съезд постановил: считать названия согласно знамен — Первый Манский, Первый Канский и Второй Тальский.

Съезд утвердил тексты воззваний к гражданам Красноярска и Канска и железнодорожным рабочим.

Для окончательного утверждения и придания си-

лы закона разработанным положениям по обложению населения поставками продовольствия, решению финансовых и других вопросов законодательства договорились провести в апреле 1919 года крестьянский съезд республики.

Бои шли всю зиму. Партизаны прижимали белых все ближе к железной дороге. Управляющий губернией Троицкий доносил департаменту милиции колчаковского правительства: «...Красные в течение февраля несколько раз прорывались на железнную дорогу. Раз взорвали мост близ Свищевой, в другой раз срезали 19 телеграфных столбов, в третий раз разгромили разъезд Таежный, остановили поезд, спустили под откос паровоз и, наконец, 28 февраля перерезали все провода правительенного и железнодорожного телеграфа, вновь прервав таким путем сообщение с Востоком. В настоящее время фронт этот настолько окреп, что для его ликвидации потребуется от трех до четырех тысяч регулярных войск и энергичное командование».

В заключение он пишет: «Возможно, что правительство и войска ограничатся охраной и удержанием в своих руках одной железной дороги, оставив в руках бандитов как север, так и юг губернии».

Далее Троицкий предупреждает, что красные давят своей численностью, создают напряженную атмосферу, могут захватить города, открыть тюрьмы и тогда «правительство будет вынуждено завоевывать губернию вновь, пядь за пядью»¹².

Прогноз Троицкого был близок к реальности. Фронт партизанской армии протянулся вдоль линии железной дороги от Маганского на восток на несколько сот километров мимо станций Камарчага, Балай, Клюквенная, а далее поворачивал на юго-восток через Переяславку, Елисеевку, Александровку, через реку Кан до реки Агул и уходил вверх по Агулу в тайгу Восточного Саяна, захватив всю Тальскую волость.

О захвате железной дороги от Красноярска до Канска думало командование и партизанской армии Заманья, и Тасеевского фронта. Для согласования действий тасеевцы направили к нам своего представителя

тов, Кудимова. На лыжах, пешком и на подводах он добрался до с. Толстухино, где находился штаб Канского полка.

Для встречи с тасеевским представителем сюда приехали Кравченко, Сургуладзе и Лидин (Пуляев), командовавший в то время правым флангом армии. Кудимов подробно информировал их о положении Тасеевского фронта и передал предложение своего командования захватить объединенными силами железную дорогу и город Канск. Кравченко ответил, что партизанские полки готовы в любое время захватить станции Клюквенная, Балай и Камарчага и все находящиеся между ними разъезды при условии, если тасеевцы примут участие в этой операции и захватят Канск.

Совещание затянулось далеко за полночь. А утром, вскоре после того как Кудимов вместе с представителем партизанской армии направился в Тасеево, из Баджая пришло сообщение, что из тайги вышла группа вооруженных лыжников, называющих себя разведкой идущего следом партизанского отряда Щетинкина.

ЩЕТИНКИНЫ

Уже несколько дней партизаны П. Е. Щетинкина штурмовали тайгу. Этот штурм начался сразу же, как только отряд вышел с приска Карабинского и повернулся прямо на восток. В некоторых местах снег достигал двухметровой толщины. Его нужно было расчистить и протоптать до земли, чтобы могли двигаться лошади. Впереди шли лыжники, за ними дежурная рота, ведущая расчистку. Уставших бойцов сменяли другие, и штурм продолжался.

На четвертый день вышли на речку Колбу. Это уже Заманье. В тот же день разведчики добрались до хутора Настасьев Лог. До деревни Скотопрогонной — конца пути — оставался десяток верст.

17 апреля в Скотопрогонную пришел весь отряд — с детьми, женщинами, ранеными. Предупрежденные разведчиками, жители встретили щетинкинцев радушно. Истопили бани, накормили и уложили спать.

А П. Е. Щетинкин в этот же день со своими помощниками В. А. Улановым, Е. Т. Марутко и с начальником штаба Я. С. Замураевым выехали в Баджей.

До глубокой ночи просидели они в штабе А. Д. Кравченко, рассказывая обо всем, что им пришлось испытать на пути в Заманье, о боевых делах отряда. Их буквально замучили вопросами, но щетинкинцы старались ответить на каждый как можно подробнее.

Е. Т. Марутко рассказал, как по заданию Красноярского подпольного комитета он приехал в Ачинский уезд создавать партизанский отряд и как помогли ему в этом уже существовавшие по деревням большевистские подпольные организации и группы. В Лапшихе подпольщиков возглавлял Степан Столпец, в Ольховке — Иван Басловяк, в Усть-Ольховке — Мина Атрашкевич, в Тимонино — Степан Фещенко, в Новой Еловке — Лука Иванов, в Александровке — Воробьев, в Лодочной — Яков Исаков, в Кумырах — Василий Загуменный, в Казылгане — Александр Чунаш, в Черемшанке — Дмитрий Калтыга, в Казанке — Шалаумов, в Кемчуге — Михаил Васильев.

Первым практическим шагом по объединению всех этих организаций стало совещание пятидесяти их представителей в д. Лапшихе 16 декабря 1918 года. Поиски связей с подпольщиками привели сюда в тот день и П. Е. Щетинкина, будущего командира формируемого партизанского отряда.

Петр Ефимович Щетинкин родился 21 декабря 1884 года в д. Чуфилово Касимовского уезда Рязанской губернии, в семье крестьянина-бедняка. Хлеба не хватало, и отец на долгие месяцы уходил на отхожий промысел. Мать с тремя детьми оставалась одна. Надорвавшись на работе, она умерла, когда Петру было всего четыре года. В 12 лет он стал пасти скот у местного кулака, а в 16 начал плотничать вместе с отцом.

В октябре 1906 года П. Е. Щетинкина взяли на военную службу и направили в 29-й Сибирский стрелковый полк, приписанный к Ачинску. Здесь Петр Ефимович окончил учебную команду и получил звание старшего унтер-офицера. Демобилизовавшись в декабре 1909 года, он так и остался в Сибири. Поселился недалеко от Ачинска в деревне Красновка, женился на



П. Е. Щетинкин. 1916 г.

Ему присвоили звание прапорщика. В дальнейшем Щетинкин был награжден еще медалью французской Республики, орденами Станислава второй и третьей степени и орденом Анны третьей степени. Ему последовательно присваивались офицерские звания подпоручика, поручика и, наконец, штабс-капитана.

В декабре 1916 года полный георгиевский кавалер, штабс-капитан П. Е. Щетинкин был назначен начальником учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка в г. Ачинск. В этой должности он и встретил Октябрь 1917 года. В Февральской и Октябрьской революциях участия не принимал. Жил в деревне. С 1 марта 1918 года — начальник Ачинского уголовного розыска. С этого же дня исчисляется и его большевистский стаж.

Когда начался белочешский мятеж, Щетинкина избрали в состав военно-революционной тройки г. Ачинска. Во главе организованного им красногвардейского

местной крестьянке В. А. Черепановой и занялся знакомым плотницким ремеслом.

Летом 1911 года Петра Ефимовича пригласили на сверхсрочную службу в тот же 29-й Сибирский стрелковый полк и направили учиться в школу подпрапорщиков. Войну с Германией П. Е. Щетинкин встретил фельдфебелем роты. За год фронтовой жизни он был награжден тремя георгиевскими медалями и георгиевскими крестами всех четырех степеней.

отряда он выехал на Мариинский фронт. После падения Советов ушел в подполье. Жил сначала в Красновке. Затем скрывался на островах Чулымы. Белые искали его все время, но найти не смогли. Однажды они оцепили дом и всю ночь ждали прихода Петра Ефимовича. Не дождались. Тогда перевернули все в доме вверх дном, забрали и избили до полусмерти жену.

Услышав, что где-то поблизости действует посыпец красноярских большевиков Марутко, П. Е. Щетинкин стал искать встречи с ним. После некоторых недоразумений и взаимного прощупывания они познакомились. На совещании подпольщиков в Лапшихе Петр Ефимович вошел в руководящий состав организации. Ему поручили готовить партизанские группы в Нагорновой, Красновке и в других деревнях, прилегающих к г. Ачинску. И под видом плотника Еремина он пошел по деревням собирать силы и готовить их к будущим боям.

Третьим руководителем и организатором Ачинского партизанского отряда, наряду с Марутко и Щетинкиным, был В. А. Уланов.

Василий Алексеевич Уланов до революции работал техником главных железнодорожных мастерских в Красноярске. Здесь же трудился и его отец, переселившийся в Сибирь из Пензенской губернии в 1906 году. Василий, несмотря на свою молодость, пользовался глубоким уважением всех, кто знал его. В феврале 1917 года, вскоре после демобилизации из армии он вступил в ряды РСДРП. Принимал активное участие в военной работе вместе с Сергеем Лазо, обучая молодых красногвардейцев военному делу. Командовал красногвардейским отрядом на Клюквенском фронте во время белочешского мятежа. Вернувшись в Красноярск, перешел на нелегальное положение. Отсюда Красноярский подпольный комитет рекомендовал В. А. Уланова командиром будущего партизанского отряда в Ачинском уезде.

Приехав на место, Уланов сразу же включился в работу. Вместе с другими подпольщиками он поехал по деревням, знакомился с людьми и с обстановкой. В деревне Нагорново встретился с Щетинкиным. Отсюда они вместе выехали в Конторино, последнюю

подтаежную деревню, куда собирались все сформировавшиеся отряды — человек девяносто. Здесь избрали партизанское руководство. Командиром стал П. Е. Щетинкин, его помощником — В. А. Уланов, начальником хозяйственной части — Е. Т. Марутко.

Первые же бои нового партизанского отряда с карателями оказались успешными. Белые терпели одно поражение за другим: в Нагорново, Игинке, Ольховке, Козлово. К партизанам потянулись добровольцы. Отряд вырос уже до двухсот человек. Слухи о его боевой деятельности, а также о возможном нападении на Ачинск встревожили колчаковское начальство. Против щетинкинцев были брошены крупные силы: около тысячи карателей-пехотинцев с шестью пулеметами и отряд казаков. Пришлось отступать. Кольцо окружения скималось с каждым днем.

Что делать? Некоторые предлагали мелкими группами рассеяться по лесу. Но Щетинкин настоял идти в сторону Енисейска на соединение с тасеевскими партизанами. Несколько раз ходили в атаку — безрезультатно. Прорваться на север не удалось. Пришлось отойти к тайге. Все громче стали слышны голоса паникеров: надо разбегаться, пока не поздно.

— Кто струсил и не желает воевать, — заявил Щетинкин, — пусть сдает оружие и уходит. Нам нужны только люди, готовые до последней капли крови продолжать борьбу за Советскую власть.

Скрылось только несколько трусов. Остальные — около четырехсот человек — решили бороться до конца. Теперь избрали другое направление удара: прорывать кольцо окружения в западном направлении и напасть на белых в д. Коробейниково.

Удар был внезапен и смел. Белые выскакивали из домов полураздетыми. Бросали оружие и поднимали руки. В этом бою партизаны захватили 60 винтовок, 30 тысяч патронов и взяли в плен 37 человек. Окружение было прорвано. Вечером 27 марта отряд двинулся на юг к железной дороге, к станции Критово. Но вскоре разведка сообщила, что по обеим сторонам станции на выходных стрелках стоят бронепоезда. Их участие в бою давало белым несомненный перевес. Однако на стороне партизан была внезапность нападения. И они решили рискнуть. Град пуль, обрушив-

шийся на станцию, привел колчаковцев в замешательство. Они решили, что подверглись нападению сильного противника. Бронепоезда, не вступая в бой, ушли: один на восток, в сторону Ачинска, другой на запад, в сторону Боготола.

Теперь ничто не сдерживало партизан. Перейдя железную дорогу, Щетинкин устроил короткий митинг, призвав бойцов быть готовыми к новым трудностям и лишениям. Особо предупредил он насчет мародерства.

— Ни одной копейки, ни одного куска хлеба, — говорил Петр Ефимович, — не должны мы взять у населения. Партизан — это борец за Советскую власть, за власть рабочих и крестьян, которые доверяют нам, не жалеют для нас ничего. Они всегда сами добровольно обеспечат нас всем необходимым. А мародер — наш злейший враг. Ему не место в наших рядах.

Оставив северные районы Ачинского уезда, П. Е. Щетинкин решил присоединиться к партизанскому отряду М. Х. Перевалова, действовавшему на юге уезда. Но возле села Березовского ему стало известно, что переваловского отряда больше не существует: он рассыпался под ударами белых. Тогда щетинкинцы повернули на запад, в Томскую губернию, на соединение с отрядом Лубкова. Грязя вражеские гарнизоны, они дошли до крупного волостного села Томской губернии — Тисуль. Здесь они и узнали о ликвидации отряда Лубкова. И снова перед партизанами встал вопрос: куда же идти дальше? Решили: в Заманье, где, по слухам, действовала повстанческая армия Кравченко.

А по пятам щетинкинцев уже шли каратели. В Копьево их нагнали казаки есаула Бологова. Удалось оторваться от преследования, но недолго. В деревне Светлолово между партизанским арьергардом и карателями (к тому времени казаки успели соединиться с отрядом капитана Ситникова) завязалась перестрелка. И все же партизанам снова удалось уйти и, избегая новых столкновений, добратись до деревни Яново. Здесь уклониться от боя оказалось невозмож-но. И щетинкинцы приняли вызов.

Быстро оценив обстановку, П. Е. Щетинкин удачно расставил своих бойцов. Несколько раз колчаков-

цы бросались в яростные атаки и каждый раз отходили с большими потерями. У партизан потерь не было. Только когда бой уже закончился и белые побежали, двое молодых парней, выскочив из укрытия, со свистом и улюлюканьем кинулись за отступающими. Короткая очередь белогвардейского пулемета — и парни упали на землю, обливаясь кровью. Нелепая смерть омрачила радость победы¹⁴.

Через Улазы, Кому, Даурское, Покровку щетинкицы вышли на речку Б. Дербино. Узкая таежная до-



В. А. Уланов (слева), С. К. Сургуладзе, П. Е. Щепинкин

рога вела к золотым приискам. 10 апреля добрались по ней до прииска Карабинского. Белые, державшиеся после яновского боя на приличном расстоянии от партизан, за ними в тайгу не пошли. Можно было теперь и отдохнуть. Но Щепинкин торопил. Пугало приближение весны и неизбежная распутица. Управляющий приисками уверял даже, что пройти в это время через тайгу невозможно, но его не слушали.

Небывалый героический штурм закончился полной победой партизан. Считая от Коробейниково, отряд прошел 700 километров и пришел в Заманье, не потеряв ни одного раненого (а их было 36).

С восхищением слушали бойцы и командиры партизанской армии о подвигах щетинкицев.

— Вовремя пришел ты к нам, Петр Ефимович, — говорил Кравченко. — Впереди большая работа.

На следующий день состоялось общее собрание бойцов ачинского отряда. Из него сформировали Североачинский полк, командиром которого стал П. Е. Щепинкин. Помощником Петра Ефимовича по-прежнему остался В. А. Уланов, начальником штаба — Я. С. Замураев, а начальником административно-хозяйственной части — Е. Т. Марутко. Командирами батальонов избрали П. Красницкого, В. Загуменного и И. Лабецкого, командиром кавалерийского эскадрона — И. Парамонова. После трехдневного отдыха полк занял позиции в с. Семеновке. Его левым соседом в с. Шало оказался Манский полк, правым, в с. Толстиково — Канский полк.

В апреле 1919 года власть Баджейской Советской республики распространялась на 17 волостей. Из них одиннадцать — Баджейская и Киянская Красноярского уезда, Перовская, Вершино-Рыбинская, Семеновская, Переяславская, Межевская, Унерская, Агинская, Тальская и Толстихинская Канско-Кузнецкого уезда — были освобождены от колчаковщины полностью, остальные (Шалинская, Уярская, Рыбинская, Балайская, В.-Уринская и Ирбейская) — частично.

В боевых частях партизанской армии находилось свыше 3 тысяч бойцов. В больницах и госпиталях лечились сотни раненых и больных. Многие сотни рабочих и служащих работали в учреждениях и на предприя-

тиях республики. Всего на материальном и финансово-вом бюджете республики оказалось свыше 6 тысяч человек¹⁵.

Чтобы решать возникающие каждый день задачи, нужны были законы, охватывающие все стороны жизни, отражающие ленинские декреты, принятые правительством РСФСР. Утвердить их мог только съезд представителей трудящихся республики.

Съезд открылся 25 апреля в с. Вершино-Рыбном, через неделю после прибытия в Заманье отряда Щетинкина. В его работе приняло участие более ста делегатов от Красноярского, Канско-Ачинского, а с приходом щетинкинцев и Ачинского уездов. Делегаты уже знали об ачинском пополнении и с интересом разглядывали их отважного командира.

А. Д. Кравченко докладывал съезду об успешной борьбе партизанской армии с карателями.

После него с рассказом о боевых действиях ачинцев и 700-верстном походе выступил П. Е. Щетинкин. Затаив дыхание, слушали его делегаты. Многие из них сами пережили и зверства карателей, и трудности боевых походов, и все рассказанное не могло не волновать их.

Затем слово взял председатель армейского Совета С. К. Сургуладзе. В большом докладе он осветил многостороннюю жизнь армии, боевое настроение партизан, говорил о решениях армейских съездов и планах дальнейшего развития партизанского движения.

Съезд выразил полное доверие руководству армии. Председатель съезда П. П. Петров от имени делегатов приветствовал всех бойцов за великое дело Октябрьской революции и дал торжественное обещание поддерживать родную армию до последней капли крови.

Представители полков обратились к делегатам с просьбой по-государственному решить вопросы армейского обеспечения и проявить заботу о семьях партизан, сражающихся на фронте, чтобы не осталась незаселенной ни одна полоска и чтобы не голодали дети защитников Советской власти.

Для снабжения армии продовольствием съезд установил нормы самообложения на каждое хозяйство: пять процентов от имеющегося в наличии хлеба и три

процента от наличия крупного рогатого скота. Семьям фронтовиков предоставлялись льготы вплоть до полного освобождения от налога, если в семье не осталось ни одного трудоспособного мужчины. Вся тяжесть денежного самообложения (по два рубля с каждой тысячи рублей стоимости имущества) ложилась на зажиточную часть крестьянства. Вдовы и сироты от обложения освобождались полностью, семьи партизан — частично.

По земельному вопросу приняли к исполнению закон о земле, разработанный на основе ленинских декретов правительством РСФСР. «Недра, воды и земли переходят в полное пользование народа под наблюдением объединенного Совета, а также властей на местах», — записал съезд в своем решении. Отвергнув законы царского времени, избранная съездом комиссия разработала применительно к создавшимся условиям «Устав о наказаниях» и положение о волостных революционных судах. Право на смертные приговоры предоставлялось только Верховному революционному трибуналу при армейском Совете. Довольно строгие наказания предусматривались за спекуляцию продовольствием, за контрреволюционную агитацию, за выгонку и продажу самогоня (конфискация всех излишков хлеба), за драку, за насилие над женщиной, за издевательство и жестокое обращение с животными, за азартные игры, за захват полевых угодий и т. п.

Особо тяжкими преступлениями съезд определил: умышленное убийство, поджог жилых и хозяйственных помещений, кражу лошадей и т. д.

Съезд установил твердые цены на продукты питания и на оплату труда¹⁶.

Прослушав доклад П. П. Петрова о текущем моменте, делегаты съезда единодушно постановили: продолжать до конца начатое дело и не вступать ни в какие соглашения с буржуазией и ее наемниками. Были приняты обращения ко всем трудящимся Сибири и к трудящимся Степно-Баджайской республики.

В состав Объединенного Совета были избраны П. Петров, Н. Курченко, Д. Альянов, М. Макушкин, Т. Перова, Д. Хлебников, А. Ян-Павль, А. Иванов, Г. Низовцев, В. Саломатов, А. Низовцев, Н. Клявлин,

К. Гарстынь, Ф. Грабовский, Колтыга, Макека, Петухов, Концевой, Прокопович, Дмитриев, Зелинов¹⁷.

Последний день съезда, 30 апреля 1919 года был омрачен гибелью командира Канского полка Михаила Власовича Александрова. Его любили, ему верили безгранично, за ним шли без колебаний на смерть и на подвиг. Под командованием Александрова Канский партизанский отряд ни разу не испытал горечи поражений ни в обороне, ни в наступлении, стал лучшим полком партизанской армии.

Сам Михаил Власович был смел до дерзости. И не раз его храбрость помогала выстоять партизанам в самые критические моменты боя. Злодейская пуля обрушила жизнь красного командира, когда он возвращался из деревни Ной. Долго не хотелось верить в его смерть. Хотелось надеяться, что это ошибка. Но ошибки не было.

Похоронили М. В. Александрова со всеми воинскими почестями. Память о нем навсегда осталась в наших сердцах.

Бой под Нарвой

Партизанские налеты на железную дорогу совершились каждую ночь. Особенно отличалась подрывная команда, куда подобрали самых отчаянных ребят. Отсутствие взрывчатки ограничивало возможности подрывников. Приходилось довольствоваться разрушением связи, разборкой пути, устройством небольших крушений, нарушением водоснабжения. Когда же партизаны почувствовали себя более сильными, на железную дорогу стали выходить их крупные армейские соединения и останавливать поезда с военными грузами.

Несколько раз принимал участие в налетах на поезда со своими партизанами и П. Е. Щетинкин. Однажды они захватили товарный поезд, в котором находились два вагона сливочного масла, пять вагонов хлеба, вагон железа и другие грузы. Все это на подводах было доставлено в распоряжение партизанского

командования. Налеты шли по всей линии железной дороги от Маганска до Клюквенной. В ночное время движение поездов на этом участке прекращалось, днем дорогу охраняли бронепоезда. Колчаковское правительство было очень обеспокоено таким положением и стремилось обеспечить безопасность движения. Охрану дороги приняли на себя чехословакские войска.

В то же время колчаковцы не оставляли мысли о полной ликвидации партизанского движения в Енисейской губернии. Они задумали крупную операцию, для участия в которой решили привлечь чешские и итальянские войска. Для подъема боевого духа солдат и офицеров колчаковские союзники 5 мая устроили в Красноярске парад. На нем присутствовали: командующий чехословакскими войсками Сибири генерал Сыровой (Сыровы), уполномоченный чехословакского правительства в России Богдан Павлу, английский генерал Боверс, итальянский полковник барон Фассини Камосси, начальник третьей чехословакской дивизии полковник Прхала, начальник штаба дивизии майор Квапило, генерал-лейтенант Розанов, начальник района генерал-майор Шарпантье, английский вице-консул Пикок и американский — Томас и другие. Отличившимся ранее офицерам и солдатам вручались награды¹⁸.

Но едва замолкли белогвардейские парадные марши, как генерал Розанов вынужден был послать телеграмму глубокого соболезнования начальнику итальянских войск барону Фассини Камосси. «С глубоким негодованием,— писал он,— к которому присоединяются все вверенные мне русские войска, я узнал о злодейском крушении поезда с доблестными итальянцами, решившими выступить совместно с чехословаками и частями русской возродившейся армии...»¹⁹

Каратели решили покончить с «возмутителями спокойствия» одним ударом. В момент подготовки большого наступления на партизан на станциях Заозерной, Клюквенной, Балай, Камарчага и Красноярск скопилось более полутора десятков эшелонов чехов, итальянцев и русских белогвардейцев. Вместе с 3-й чешской дивизией во главе с ее начальником

полковником Прхала всего против партизанской армии Кравченко направлялись свыше 12 тысяч солдат и офицеров различных родов войск. В их распоряжении было 50 пулеметов и 25 орудий²⁰.

Планы белогвардейского командования предусматривали ударом с востока разгромить правый фланг партизан, отрезать от тайги, окружить и уничтожить их в степных районах. Здесь сосредоточились отборные части белогвардейщины: офицеры, казаки и учебные команды. Всего свыше 3 тысяч человек.

На правом фланге партизанского фронта находились Тальский и Агинский полки и отряды Савицкого и Жестикова. Части эти еще не успели проявить себя в боях и по боевой закалке, вооружению и численности значительно уступали Канско-Манскому и Североачинскому полкам. Разгадав намерения белогвардейцев, партизанское командование перебросило сюда для усиления по одному батальону канцев и ачинцев.

Ачинцы и приняли на себя 15 мая первый удар крупных сил пехоты и кавалерии карателей. В бой были вовлечены все базировавшиеся здесь партизанские части. Белые намного превосходили партизан по силе огня. С каждым разом их атаки становились все яростнее. Первыми, не выдержав натиска, стали отступать отряд Савицкого и Агинский полк. Вслед за ними по распоряжению К. П. Лидина (Пулляева) отступили и остальные.

Утром 17 мая со стороны Клюквенной на д. Барашково и с. Толстихино, где находился Канский полк, начали наступать чехи. Вскоре в штаб поступило сообщение, что наш правый фланг отступает, а белые выходят на вершино-рыбинскую дорогу. Чтобы не быть отрезанными, Канскому полку приказали немедленно отступать на Перовское и дальше на Вершино-Рыбное.

В тот же день чехи повели наступление на Шало, где находился Манский полк. Манцы с боями отходили к Нарве. Обе стороны несли большие потери. Белогвардейская печать сообщала, что 20 мая в бою под Кияем «убит известный герой сербской добровольческой армии в Добрудже капитан Томши».

Продвигаясь дальше, чехи заняли деревни В.-Еса-

уловку, Сосновку, Александровку и другие. Наступление на Семеновку, находящуюся под защитой бойцов Североачинского полка, они повели уже тогда, когда правый фланг партизан и Канский полк отошли «Вершино-Рыбной», а Манский полк — к Килью. Ачинцам грозило окружение.

Уже в самом начале боя П. Е. Щетинкин получил распоряжение об отступлении к Вершино-Рыбной. Но жалко было бросать захваченные трофеи, хлеб, масло. И только тогда, когда все было отгружено в наш тыл, Петр Ефимович отдал приказ отступать.

Утром 22 мая белые двинулись на Вершино-Рыбное. Здесь собрались довольно крупные силы партизан, но помощник командующего Лидин (Пулляев) не сумел организовать надлежащего отпора врагу. Бой начался неорганизованно, без твердого общего руководства и плана. И все же партизанам удалось отразить несколько атак противника с большими для него потерями. Но когда в дело вступила артиллерия и резервы карателей, партизанские ряды дрогнули. Началось отступление на Солонечно-Талую и Аргазу. Когда к Солонечно-Талой подошел из Сухоноя со своим полком Щетинкин, здесь уже не было никакой обороны. Ачинцы, не принимая боя, присоединились к отступающим и отошли вместе с ними в Заманье. Белые следовали за ними по пятам.

В жизни партизанской республики наступил критический момент. Ее территория сократилась до одной Степно-Баджейской волости. Линия фронта прошла по Мане от поселка Кой до Нарвы. С этих позиций партизаны Заманья начинали войну с колчаковцами полгода назад. И здесь теперь решалась их судьба.

Поселок Нарва расположился на правом берегу Маны, в кольце лесистых гор. Только паромная переправа через Ману, словно ворота крепости, открывала выход из него. Выход в Заманье, в столицу партизанской республики — Степной Баджей.

В десяти километрах вверх по реке от Нарвы — деревня Тюлюп. Там белые. Несколько раз они пытались подойти ближе, но каждый раз меткие партизанские пули загоняли их обратно. В конце концов каратели прекратили эти бесплодные попытки, решив

лучше разведать положение перед решительным штурмом последнего оплота повстанцев.

А в это время в Нарве Главный штаб партизанской армии: главком А. Д. Кравченко, его помощник И. Г. Боган, командиры полков П. Е. Щетинкин и Ф. Г. Боган, второй помощник главкома Лидин (Пуляев), председатель армейского Совета С. К. Сургладзе — собрались для обсуждения плана дальнейших боевых операций. Кравченко предлагал дать карательям бой здесь, на подступах к Нарве.

— Дважды наступали белые на Нарву, — говорил он. — И каждый раз, получив сокрушительный отпор, бежали. Память у них короткая. Поэтому, думаю, можно еще раз попробовать с этих же позиций удирить и по чехам, и по итальянцам.

Все согласились с ним.

Тихо и незаметно из поселка ночью вышли батальоны Канского и Североачинского полков. Канцы заняли гору, нависшую на правом берегу Маны, ачинцы — гору у речки Барзаначки. Последним из Нарвы уходил Манский полк. Он должен был демонстрировать уход партизан за Ману и потому уходил шумно, чтобы ни у кого не осталось сомнений, куда он идет. Переправившись через реку, манцы быстро заняли указанные им позиции на левом берегу Маны и на ее островах вверх по течению от парома. Таким образом, Нарва оказалась в партизанском кольце, из которого не было выхода: все подходы к ней простирали.

Опустела Нарва. Притихли в домах жители. Они знали, что белые близко, и ожидали кровавой расправы. И точно, скоро показалась разведка карательей. Два всадника осторожно, заглядывая во все дворы, проехали по улицам поселка до самого парома, внимательно осмотрели мрачные скалы противоположного берега и, не обнаружив ничего подозрительного, ускакали обратно. За первой разведкой последовала вторая, более многочисленная. И вернулась с тем же результатом.

Наконец, из-за поворота реки показался обоз. Медленно выполз он из зеленой аллеи придорожных кустов, растягиваясь вдоль реки бесконечной шевелящейся массой. Дорога проходила у подножия высокой

отвесной горы. С другой стороны почти вплотную к ней подходила Мана. Ее противоположный берег зарос черемухой, тальником, высокой болотной травой. Там, в этих зарослях, и укрылись партизаны, ожидали боевого сигнала.

Белые ехали шагом. Это были преимущественно чехи и итальянцы. Были и русские белогвардейцы. Многие соскакивали с телег, чтобы полюбоваться белой кипенью черемухи, вдохнуть аромат трав. Кто-то пытался карабкаться из озорства на скалистые кручи. А рядом шумела Мана, холодная и строгая, сверкающая в ярких лучах солнца.

Двигающуюся колонну сопровождало духовенство — для поднятия морального духа своего воинства. Переяня речку Барзаначку, попы остановились и начали молебен, щедро окропляя «святой водой» проходящих мимо солдат.

Как только головная часть белогвардейской пехоты достигла Нарвы, за рекой раздался одинокий выстрел, прокатившийся громким эхом по тайге. Этого выстрела ждали все партизаны — Кравченко дал сигнал для открытия огня. Командующий выждал момент, когда вражеская колонна втянется в узкий



Группа партизан армии Кравченко — Щетинкина

коридор «река-гора», из которого нет выхода,— прямо под партизанские пули.

И сразу ожила молчаливый левый берег Маны. Смертельный огнем партизанских пулеметов брызнули таинственные острова. Их поддержали нависшие над Нарвой сопки. Громовыми раскатами отозвалось эхо таежных гор. Удар партизан оказался настолько неожиданным и ошеломляющим, что в первое время парализованные страхом белогвардейцы и не вспомнили о сопротивлении. Они метались по дороге, стараясь укрыться от разящих пуль в канавах, в ямах, за валяющимися возле дороги камнями.

Первыми пришли в себя попы. Подхватив рясы, они бросились вверх по ущелью Барзаначки. На узкой площадке прижатой к скалам дороги образовалась пробка. Обезумевшие от страха лошади кидались во все стороны и дико ржали. Телеги переворачивались, загромождая дорогу, и валились в Ману. Вместе с упряжкой лошадей в реку свалилась пушка. Подводчики улепетывали во весь дух, проклиная карателей и все, что с ними связано, и заботясь только о спасении собственной жизни. В панике носились белогвардейцы, словно в огромнейшем омуте, не находя выхода. И куда бы они ни кидались, всюду их встречали меткие партизанские пули. Немногим удалось вырваться из этого котла.

А в Нарве уже заработал паром. Кавалерийские части партизан переправились на правый берег и помчались добивать отступающих белогвардейцев. За ними шла пехота. Всюду, куда ни кинешь взгляд, валились убитые и раненые каратели, разбитые телеги, пулеметы, ружья, издыхающие лошади. В небольшом лесочке у горы стоял брошенный белогвардейцами обоз. Огромнейшие арбы были загружены итальянскими, меховыми шинелями. В руках партизан оказалось около десятка пулеметов, большое количество винтовок, около 30 тысяч патронов.

В этом бою нам удалось захватить в плен и доставить в штаб Кравченко раненого чеха. Позднее чеха подлечили и отправили обратно, снабдив наказами и возвзаниями. «Не мешайте нам бороться с нашими врагами, капиталистами и контрреволюционерами,— говорилось в них.— Поезжайте к себе на

родину и сделайте со своей буржуазией то же, что делаем мы».

— Пусть расскажет своим товарищам, что мы не бандиты, а революционеры,— сказал Александр Диомидович.

Не знаю, помогли ли эти возвзания или что другое, но только позднее чехи отказались ехать сражаться с нами в Минусинск и вообще больше с нами не воевали.

Ночью после нарвского боя партизаны напали на белогвардейские гарнизоны в Тюлюпе и Унгуте, разбили их и захватили штабы с картами, приказами, оперативными планами. Успех окрылял, но мы понимали, что здесь нам не удержаться, и снова отошли за Ману.

А белые между тем вновь стягивали к Нарве все свои силы. Чешская дивизия, итальянцы и русские белогвардейцы упорно рвались в Заманье. На берегах Маны шли непрерывные бои. Тайга наполнилась дымом и гарью.

Последние дни Баджейской республики

Партизанская столица жила тревожной жизнью. Было ясно, что при таком напоре карателей и таком снабжении партизан боеприпасами и продовольствием нам долго не продержаться. Надо было уходить. Но куда? Рядом тайга, а за ней хлебородный Минусинский уезд. А. Д. Кравченко много лет работал агрономом, знал деревню, крестьянство, казачество и в этот момент особенно не рассчитывал, что оно поддержит партизанское движение. Но дальше тайга, Салыны и Монголия, где вдали от колчаковцев можно было отдохнуть и перевооружиться.

Решение уходить на юг окончательно определилось, после неудачной попытки Канского полка разгромить белогвардейский гарнизон в Вершино-Рыбном. Операция провалилась, в первую очередь, из-за слабости руководства. Назначенный вместо погибшего Александрова командир полка Сабаев совершенно не соответствовал своей новой должности. План наступления был составлен неудачно. Не удалось до-

биться и внезапности нападения. Противник встретил атакующих плотным огнем. И в то время, когда люди, бессмысленно гибли, командир полка, совершенно не заботясь о руководстве боем, устроился за бревном и, не обращая внимания на то, что делается вокруг, посыпал в противника пулью за пулей.

Когда Канская полк вернулся обратно в Баджей, в нем оставалось не более половины состава. В своих воспоминаниях А. Д. Кравченко писал впоследствии об этом моменте: «Наша судьба была окончательно решена, когда поступило донесение от командира Канского полка, посланного на правый фланг, чтобы разбить группу противника, находящегося в селе Вершино-Рыбинском, что полк разбит и отступает к Степному Баджею»¹¹.

13 июня партизанская столица начала готовиться к эвакуации. Сургуладзе и Кравченко лично руководили этой подготовкой. С собой приходилось брать только то, что могли увезти во выюках лошади. В оружейных мастерских тяжелыми молотками разбивали верстаки, станки и штампы. Часть оборудования топили в речке. Во дворе Объединенного Совета жгли бумаги. Оставили только самые важные документы. Уничтоженной оказалась и газета «Крестьянская правда».

Фронт приближался к Баджею с каждым часом. Утром 14 июня до села донесся отдаленный гром орудий. Первыми начали эвакуироваться раненые. Вслед за «ходячими» по кирзинской дороге потянулись подводы с тяжелоранеными и больничным имуществом. За госпиталем тронулись учреждения, мастерские и обозы продовольственного отдела. К вечеру в Баджее остались только воинские части. Ранним утром и они покинули партизанскую столицу.

Колесная дорога кончалась у реки Крол. Дальше стояла тайга. Чуть заметно выделялась среди густых зарослей старая таежная тропа. По ней промышленники когда-то перегоняли через тайгу закупленный в Минусинске скот. Иногда эта тропа терялась под камнями и россыпями горных обвалов, затем снова появлялась, шла по ущельям гор, переваливая через хребты, обходила большие лесные завалы. По ней и предстояло идти партизанам.

В июне тайга отдает рекам весь свой зимний запас воды. Бешено мчатся горные потоки, грохоча по дну тяжелыми камнями. Попробуй перебриться на другой берег через такую киеву: не всякая лошадь устоит, а человеку и соваться некого. Саперы сделали громадные козлы, перекинули через них тяжелые жердины — и вереница людей потекла тоненькой цепочкой с левого берега на правый.

Пока шла перевозка, каждый занимался, чем мог, для подготовки к походу. Молодые бойцы делали носилки для тяжелораненых (их у нас было около сорока), женщины обшивали носилки полотном, деревенскими холстами, половиками. Кто-то чинил обувь, одежду. В стороне пулеметчики возились с пулеметом. Устранив неисправность, они дали очередь «для пробы». Возникший в лагере переполох скоро сменился громким смехом. Смеялись над теми, кто струсил, кинулся бежать, не разобравшись, что случилось.

Отдохнув после переправы через Крол, партизанский лагерь двинулся дальше. Пройдя пятнадцать километров, партизаны остановились на небольшой полянке против устья речки Жаймы. Здесь и решили устраиваться на ночлег. Чужой, незнакомой казалась тайга, особенно для тех, кто попал сюда впервые. Где-то там, за глухими таежными дебрями раскинулась равнина Минусы. Удастся ли дойти до нее?



А. Т. Иванов — начальник Главного штаба

Глаза женщин были полны слез, когда они укладывали детей на хвойные душистые постели, заботливо укутывая их ветхой одеялкой. Что-то сулит завтрашний день?

Под низкими ветками пихт собирались на совет члены Главного штаба. Хотя вопрос о походе через тайгу в Минусинский уезд и далее в Урзинхайский край был решен заранее, Кравченко еще раз обратился ко всем, нет ли у кого других мнений. Других мнений не было. Тогда Александр Диомидович сообщил собравшимся, что он разрешил своему помощнику Ивану Григорьевичу Богану остаться здесь и собрать оставшихся партизан в новый партизанский отряд для защиты от карателей заманского населения. Нужно было избрать нового помощника командующего. Участники совещания единодушно назвали кандидатуру П. Е. Щетинкина. Начальником штаба наметили избрать А. Т. Иванова.

В эту ночь от тяжелых ран и большой потери крови умер разведчик Канско-полка Степан Безотчества. Хоронила его вся армия. Эта потеря была особенно тяжела. Она была первой в начавшемся трудном походе. Все, кто знал Степана, не могли без боли думать о его смерти. Похороны вылились в общеармейский митинг, на который пришли все, кто в состоянии был ходить: женщины, раненые, дети.

Митинг открыл председатель Объединенного Совета Степно-Баджайской республики П. П. Петров. Взволнованно, страстно говорил он о короткой, но яркой жизни партизанского разведчика. Выступивший следом А. Д. Кравченко призвал партизан дать клятву перед его могилой продолжать борьбу до тех пор, пока не останется на советской земле ни одного белогвардейского бандита. Партизаны поклялись умереть или победить ненавистного врага.

Здесь же, на митинге, были произведены перевыборы старших командиров партизанской армии: в создавшейся обстановке нужно было избрать таких товарищей, которым все могли бы без колебаний доверить свои судьбы и выполняли бы безоговорочно их приказания.

И снова армия единодушно назвала главнокомандующим А. Д. Кравченко. Авторитет его среди пар-



Разведчики Канско-полка. Крайний справа — Степан Безотчества

тизан и уверенность в его воинском искусстве были безграничны. Во многом благодаря ему были выиграны многочисленные сражения с белогвардейцами. И никто не мог даже представить, чтобы место главнокомандующего партизанской армией занимал другой человек.

Помощником главнокомандующего вместо остав-

шегося в Заманье по разрешению Кравченко И. Г. Бодгана партизаны, по рекомендации Главного штаба, избрали командира Североачинского полка П. Е. Щетинкина. Его воинское искусство, умение руководить людьми также не подвергались никакому сомнению.

Поблагодарив товарищей за оказанное доверие, А. Д. Кравченко сказал:

— Нас ожидают большие трудности. Впереди далекий путь через горы, реки, глухую тайгу. Запасов продовольствия у нас мало, придется идти полуго-дом. Поклянись же перед лицом наших раненых товарищей, перед лицом пошедших с нами женщин и детей, перед лицом революционной совести, что мы никого не бросим на произвол судьбы и будем защищать их до последней капли крови.

— Клянемся! — глухо ответила толпа тысячами голосов.

— В поход должны пойти только смелые, мужественные люди, способные перенести все трудности и в любое время вступить в борьбу с врагом. А тех, кто трусит, кто чувствует себя слабым, кто оглядывается на свои хаты, мы не наволим. Пусть они отдадут нам оружие и уходят. Оружие — наша жизнь. Оно добыто в тяжелых боях с врагом. За него кровью заплатили наши товарищи. С оружием мы непобедимы. Только предатели и изменники могут сейчас унести от нас оружие...

Тихая таежная ночь. Плотно прижавшись друг к другу, спят вокруг костров партизаны. Ведь утром в поход. Но есть и такие, которым не спится. Они думают о побеге. Шепчутся, договариваются. А едва забрезжил рассвет, предатели-дезертиры поползли по кустам, прижимая к себе винтовки.

Многие ушли в эту ночь. Ушел Агинский полк во главе с командиром Стародубцевым. Ушел К. А. Жестиков со своим отрядом и со всем находившимся у них оружием. Из трех с половиной тысяч бойцов осталось 1370. А с ними — более трех тысяч раненых, рабочих и служащих предприятий и организаций Армейского Совета, беженцев. И все они ранним утром 17 июня поднялись и пошли под командованием Кравченко и Щетинкина вверх по Крольскому ущелью в неведомую даль тайги²².

Население Степного Баджэя оставило свои хаты и ушло в лес или в соседние села одновременно с уходом партизан. Баджэй опустел и затих. Но белогвардейцы не верили в тишине. Ведь по плану командования они должны были отрезать партизансскую армию от тайги и полностью уничтожить.

И генерал Розанов, несмотря ни на что, решил продемонстрировать это «полное уничтожение». Подтянув к Баджею все свои огневые средства, он приказал открыть по опустевшему селу сокрушительную артиллерийскую и пулеметную стрельбу. Вместе с дымом и пылью летели в воздух бревна разбиваемых снарядами стаек и домишек. А Розанов доносил в свой военный округ о «небывалой победе»: «в Степном Баджее осталось 240 раненых и 500 трупов партизан»²³.

После такого «боя» каратели ворвались в Баджэй и бросились по домам. Поселок был пуст. В одном доме лежал без движения больной ревматизмом Кузьма Филиппович Шенцов. Озвевшиеся вояки набросились на беззащитного больного человека и повесили его на вешалке возле кровати на солдатском ремне. Затем поймали старика Прокопия Михайловича Хруцкого, вывели за город и зарубили.

Так началась расправа с мятежным Заманьем. В 28 его населенных пунктах белобандиты не оставили ни одной целой постройки: все было предано огню.

Оставшихся в живых заманцев изгнали в другие районы губернии. Колчак издал специальный указ: «Государственные земли, входящие в состав наделовселений Тасеево Канского уезда и Степно-Баджейское Красноярского уезда Енисейской губернии, изъять изпользования крестьян называемых селений и обратить в земельный фонд, назначенный для устройства воинов»²⁴.

А оставившие Заманье партизаны Баджейской республики, выполнив данную на Жайме клятву, двигались на юг — к новым сражениям и к новым победам над ненавистным врагом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ



САЯНСКИЙ ПОХОД

С КВОЗЬ ТАЙГУ

Нелегким был многодневный и многоверстный легендарный Саянский поход.

Трудности начались с первых же километров. Прилепившаяся к самой кромке ущелья тропа во многих местах была завалена камнями обвалов и осыпей. Лошади спотыкались и падали, причиняя жестокие страдания раненым. Вероятно, впервые за все свое существование эта безлюдная тайга оглашалась детским плачем. На многие километры растянулась бесконечная колонна измученных людей: молодых и старых, мужчин, женщин и детей.

Несчастья следовали одно за другим, и в довершение всего в теснине Крольского ущелья партизан настиг лесной пожар. Вся тайга сразу наполнилась треском и шумом. В одно мгновенье громадные сосны и ели превращались в огненные фейерверки. К облакам

летели мириады искр. В одном месте пожар подобрался к самой колонне. Заметались в дыму и пламени раненые. Но идущие рядом партизаны бросились на помощь, успели вынести носилки из опасной зоны.

Отстал, затихая, огненный шквал. И снова потянулись нескончаемые километры. В авангарде шла сводная кавалерия, возглавляемая Улановым. За нею во главе с Василием Егоровым двигался полк Особого назначения, выполнивший саперные работы. За саперами шли остальные.

Труднее всех в походе было работникам госпиталя. Целый день, от привала до привала, шагали они вместе со всеми. А в конце пути, когда партизаны падали в изнеможении на траву, медики не могли позволить себе ни минутки отдыха. Нужно было снять раненых с носилок, устроить их на ночлег, накормить, перевязать раны и прочее, и прочее.

Плохо было с питанием. По существу, шли голодные. Хлеба не было совсем. На бойца выдавали в день по горсти муки, из которой каждый готовил себе лепешку и пек ее на раскаленных камнях или прямо в золе. Добавкой к этому служила черемша и другой «подножный корм». Иногда по случаю удавалось получить по кусочку мяса дорезанной лошади. Мясо жарили на кострах и ели без соли: соли не было вообще. Наши командиры, в том числе и А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин, жили общей жизнью со всеми партизанами и голодали, вероятно, больше, чем все остальные, потому что у них были дети: у Кравченко пятилетняя дочь Галя и четырнадцатилетний Тарас, а у Щетинкина даже трое: Клава, Надя и Шурик, семи, пяти и одного года.

У многих партизан с первых же дней похода развалилась обувь. Приходилось идти босыми по острым камням или же обвязывать ноги тряпками. Ноги от такой ходьбы в первый же день покрывались сплошными ссадинами и ранами. Лаптей сибиряки плести не умели. Из шкур забитых лошадей и коров делали «поршни» — примитивные сандалии. В такой «обуви» некоторые и прошли через всю тайгу.

Сейчас многие художники изображают партизан времен гражданской войны в большинстве своем бородатыми мужчинами. Наша же партизанская армия со-

стояла, в основном, из молодежи от двадцати до двадцати пяти лет. Прошло пятьдесят лет с той поры, но мы, тогдашние восемнадцати- и двадцатилетние, вспоминаем сейчас о том времени как о самой счастливой поре нашей жизни. Мы сражались за революцию, утверждали самую справедливую власть на земле — власть народную. И наш энтузиазм был поистине неисчерпаем.

Пройдя по правому берегу Крола до Крольского перевала, партизаны перебрались на левый берег и двинулись отсюда на юго-запад мимо золотых приисков: Ивановского, Федоровского, Александровского, Предтеченского и других — к реке Сисим. Проливной дождь настолько расквасил тропу, по которой прошли след в след сотни людей и лошадей, что замыкающие брали по колено в грязи.

Но остановка на отдых сразу же поднимала настроение. Едва передние доходили до места стоянки, как уже пылали костры, сущилась промокшая одежда. И вот уже начинались веселые разговоры, шутки, смех и песни, будто и не было никакой усталости.

Больше всего народа собиралось около костра Кравченко. Здесь были и командиры полков, и руководители Армейского Совета, и агитаторы, и вообще любители помечтать и послушать разговоры старших товарищей о том, как мы выйдем в Минусинский уезд и ждут ли нас там белые. У большинства командиров было мнение, что белые, вероятно, подтянули свои силы и встретят нас огнем. Оптимисты надеялись, что все обойдется благополучно и мы отдохнем при выходе из тайги, как дома.

Постепенно затихали разговоры. Лагерь готовился ко сну. Ведь с рассветом снова в поход. А впереди еще немало трудностей.

Самым трудным показался нам перевал через Сисимский хребет. В некоторых местах лошади буквально карабкались, преодолевая крутые подъемы. Иногда приходилось снимать тяжелораненых с носилок и нести их на руках. В одном месте раненый Савицкий обогрвался и повис на одной руке над пропастю. Он висел, пока его не сняли подоспевшие на помощь партизаны.

Не все раненые вынесли трудности таежного перехода. Где-то в Саянах затерялись могилы отважных

партизан Андрея Долгарева и Ястребова. До своего последнего часа они старались хоть чем-то быть полезными, помогали как опытные охотники в выборе маршрута, до самой смерти оставаясь в строю.

Но вот позади и река Сисим, и Сисимское белогорье. До первой деревни Минусинского уезда оставалось совсем немного. 21 июня, переправившись через реку Сыду, мы остановились на нашу последнюю таежную ночевку. В тот вечер только и разговоров было, что о завтрашнем дне. Что нас ожидает там, в этой неведомой Минусе?

Минуса

Деревня Козино — первое селение на нашем выходе из тайги. Здесь еще с вечера побывали партизанские разведчики, и никому не надо было повторять, кто мы и откуда. Крестьяне выходили с угощением нам навстречу, приглашали в дома и угощали как дорогих гостей всем, что было в доме. И нам казалось, что мы никогда не ели такого вкусного хлеба, таких вкусных калачей и шанег со сметаной, не пили такого вкусного чая с молоком.

Никогда не забыть мне этого дня — 22 июня 1919 года. До самого вечера тянулась цепочка выходящих из тайги усталых и голодных партизан. Женщины плакали, встречая раненых, матерей с детьми, наперебой приглашали их к себе.

Мы не ожидали такой встречи, и сначала нам казалось даже непонятно, почему нас так радушно принимают. Но после разговоров с крестьянами все разъяснилось. Белогвардейцы продолжали жестоко расправляться с населением за ноябрьское восстание 1918 года. Карательные отряды рыскали по деревням и хватали всех, кто в какой бы то ни было степени был причастен к восстанию или хотя бы сочувствовал ему. Расправа шла на месте, и тот, кого просто выпороли и отпустили, мог считать себя счастливцем. Население жило в постоянном страхе. И когда партизаны вышли из тайги, крестьяне принимали нас как избавителей от страшного колчаковского произвола.

Ночевали в Козино. Чтобы прикрыть фланги, кава-

лерия под командованием Уланова заняла деревню Отрок. Часть колонны продвинулась вперед и заняла деревни Мигну и Малые Кныши. Разведка выехала в Большие Кныши и Старую Идру. Небольшие отряды белогвардейских дружин бежали к Минусинску, едва услышали о появлении партизан. Путь был свободен.

Позднее мы узнали, почему белые не ожидали нас при выходе из тайги. Розанову хотелось скорее отчиться перед Колчаком о ликвидации Баджейской партизанской республики, так как его ожидало назначение на Дальний Восток, и он, заняв Баджей, поспешил отрапортовать о полной ликвидации партизан Заманья: «Банды красных разбиты... Кравченко, захватив сто тысяч, бежал с семьей в Монголию... Щетинкин был ранен и застрелился... Остальные разбежались...»²⁵.

«Наше появление в Минусинском уезде,— писал в своих воспоминаниях А. Д. Кравченко,— поразило, как громом, всех колчаковских правителей и их сторонников. Город Минусинск охватила неописуемая паника. Местная буржуазия забила тревогу. По всему уезду формировались добровольческие дружины. Пополненный добровольцами гарнизон Минусинска был послан преградить нам путь, предполагая, что мы двинемся на город. Телеграф непрерывно работал с Красноярском, требуя военной силы. Все переправы через реку Тубу были уничтожены, чтобы остановить наше движение. Везде были поставлены заставы...»²⁶.

Утром 23 июня мы оставили гостеприимную деревню Козино и двинулись на юг. Подвод не хватало, и многие шли пешком. Население деревень, по которым мы проходили, узнав, что останавливаются партизаны не собираются, вынесло на улицы столы, уставив их лучшими кушаньями. Тут и жареное мясо с картофелем, и котлеты, и курочки, и блины, и шаньги со сметаной, и молоко, и квас — все, чем была богата крестьянская семья. Хозяева, одетые в праздничные одежды, по русскому обычаю низко кланялись, угождая проходивших партизан. Такого нам больше нигде не пришлось увидеть, и забыть это невозможно.

Согласно разработанному Главным штабом плану партизанская армия не рассчитывала задерживаться в Минусинском уезде, а решила двигаться прямо к Усинской колесной дороге, ведущей через Салны в Ураль-

хайский край. Поэтому госпиталь и все тыловые организации и предприятия армии должны были пройти с небольшой охраной из Больших Кнышей сразу на Имисское — Кужебар — Григорьевку, откуда начиналась Усинская дорога. Но разведчики сообщили, что в Григорьевке находится крупный белогвардейский отряд. Пришлось отказаться от первоначальных замыслов и всей армией двигаться на Шалоболино.



Партизанская артиллерия

По мере продвижения на юг подвод у нас становилось все больше. В волостном селе Большие Кныши вся партизанская армия стала из пешей колесной. Прехав деревни Детлово и Курганчиково, мы к вечеру прибыли в богатое село Шалоболино. Здесь отношение населения к партизанам было далеко не таким, как в бедняцких подтаежных селах. Кулаки не скрывали своей враждебности, всем своим видом показывали, что ждут не дождутся, когда же мы пойдем дальше.

А мы и не собирались задерживаться в этих селах — торопились на юг, к Усинскому тракту.

После неудачной попытки форсировать Тубу (здесь налаки оказали партизанам первое после выхода из тайги организованное сопротивление) партизанская ар-

мия двинулась вверх по реке и вошла в большое волостное село Курагино.

В Курагино мы впервые столкнулись еще с одним нашим серьезным врагом, о котором до этого и не думали. Во всех крупных селах и деревнях Минусинского уезда работали государственные винные лавки — «монополки». Они были забиты водкой. И многие партизаны не удерживались от соблазна — напивались.

Пьяный человек везде и всегда опасен обществу, а если в его руках оружие, опасность возрастает неизмеримо. К тому же пьяный солдат терял боеспособность и мог стать легкой добычей врагов. Вот почему водка была официально объявлена вне закона. Едва партизанский отряд вступал в село, как специально выделенные бойцы занимали «монополку» и выливали «зеленого змия» на землю.

Двигаясь вверх по правому берегу реки Тубы, мы все время думали, где же удобнее форсировать ее. Наконец, командование приняло решение переправиться через Тубу у ее начала, там, где сливаются таежные реки Кизир и Казыр.

Было время летнего половодья. Реки взбухли и бурными мутными потоками мчались вниз, унося с собой бревна, доски, щепки, мусор. Переплыть в такое время реки небезопасно. Но у нас не было иного выхода, и переправа началась. Особенно трудно было с лошадьми. Но в конце концов все завершилось благополучно. Без потерь. И без выстрелов: никто не мешал нам переправляться.

Впервые партизаны открыли огонь только возле деревни Старая Копь, где в прибрежных кустах укрылись казаки. Да и то эта перестрелка была всего-навсего демонстрацией, чтобы отвлечь внимание белых и дать возможность остальным партизанским частям пройти вверх по Амылу, переправиться через него, выйти к Григорьевке и занять Усинскую дорогу.

Чтобы полностью развязать себе руки, партизанам необходимо было ликвидировать угрожающий с фланга отряд каратузских казаков. Кавалеристы и Североачинский полк под командованием Щетинкина пошли в наступление на Каратуз.

Наш Канский полк, продолжавший перестрелку у Старой Копи, получил приказ оставить позиции одно-

временно с сообщением о взятии Щетинкиным Каратуза. Да и мы сами поняли это по начавшемуся там пожару. К вечеру мы были уже в Григорьевке, где под охраной Манского полка расположился госпиталь и тыловые организации армии.

Поспешное отступление белых из Каратуза и их последующее бегство из Тигрицкого привело партизанское командование к мысли, что в распоряжении атамана Тяльшинского и есаула Болотова, возглавлявших белогвардейские части, стоящие на охране Минусинска, сил недостаточно. На коротком совещании в Жеблахте было решено идти на Минусинск, пустив вперед усиленную разведку...

Но первые попытки атаковать противника показали, что враг не так слаб, как показалось вначале. Он получил подкрепление и обладал мощной артиллериейской поддержкой. Батальоны И. Лабецкого и В. Загуменного (Североачинский полк) вынуждены были отойти на Ермаковское. Туда же отошла рота батальона П. Красницкого. Раненого комбата привезли в Ермаковское В. Уланов и Я. Замураев (начальник штаба полка).

П. Е. Щетинкин с остатками своих североачинцев под давлением превосходящих сил карателей отступил сначала на Шушенское, а затем на Каптырево. Здесь он узнал от населения, что по Енисею идет плот с арестованными в Урянхае большевиками, и решил освободить их. Но оказалось, что плот уже прошел. Тогда он повернулся на Субботино, Мигну, Разъезжую. В Листвинке щетинкицы встретили подводчиков Манского полка и узнали о событиях в Ермаковском.

А в Ермаковском за это время случилось вот что. Договорившись с Щетинкиным в Жеблахте о глубокой разведке минусинской дороги, Кравченко дал приказание Манскому полку занять Ермаковское и быть готовым, в случае необходимости, помочь североачинцам. Так было и сделано. Первый и третий батальоны манцев вступили в село, второй батальон под командованием П. Лопатского занял Новополтавку на правом берегу Ои.

Наступал вечер. Ждали сообщений от Щетинкина, но от него ничего не было. Понадеявшись на то, что впереди находится Североачинский полк, команда-

ние Манского полка не послало разведку в сторону Казанцево и не выставило караулов на эту дорогу, ограничившись постами внутри села.

Вечером в Ермаковское прибыли отступившие от Казанцево североачинцы. Командир третьего батальона И. Лабецкий пошел искать штаб Манского полка, чтобы доложиться о прибытии, но встретившийся ему Загуменный отговорил: «Иди отдыхай, подождем Щетинкина». Никто и не подозревал, что Щетинкин в это время уже отошел на Шушенское и что дорога на Минусинск занята белогвардейцами и никем не охраняется.

Белые подошли к Ермаковскому рано утром. Как видно, они не собирались вступать в бой и издалека открыли по селу артиллерийский огонь. Бывший партизан Манского полка Филипп Кондратьевич Александров рассказывает:

— Мы с товарищем стояли на посту на площади, на дороге, ведущей в Казанцево. Рассветало. Кругом тишина. И вдруг неожиданно грохнул артиллерийский выстрел. Затем второй. Над площадью разорвались два шрапнельных снаряда. И снова наступила тишина. Можно было ожидать вслед за этим наступления белых. Но белые не показывались. Не было ни ружейной, ни пулеметной стрельбы. Взрывы снарядов разбудили партизан. Выскакивая из домов, они бежали к паромной переправе через Ою. Вместе с манцами стали отступать и партизаны Североачинского полка. В. Уланов и Я. Замураев со своими кавалеристами не поехали к парому, а выехали с главной улицы на берег Ои и переправились через нее вплавь.

Белые так и не решились атаковать, и все обошлось благополучно. Никто не был ни убит, ни ранен. Единственным погибшим в это утро оказался командир Манского полка Федор Григорьевич Боган. Его нашли убитым на дороге в самом центре села.

— Мы шли по боковой улице, — вспоминает все тот же Ф. К. Александров, — как вдруг услышали сзади одинокий винтовочный выстрел. Вернувшись обратно: на дороге лежал убитый Боган. Положили его на телегу, довезли до парома и здесь закопали, замаскировав могилу.

Белые по селу не стреляли. Так кто же убил Богана?

Кто-то пустил слух, что его убили свои. И начались такие, кто поверил этому. Руководство и командование партизанской армии, а также бойцы и командиры Манского полка отвергли этот слух, и когда армия вернулась в Минусинск, Ф. Г. Богана торжественно похоронили на минусинском кладбище и поставили на его могиле памятник.

Федор Григорьевич Боган — старый большевик, участник революции 1905 года, солдат латвийского полка. В период колчаковщины он жил в Заманье, состоял в Кирзинской подпольной организации и вместе со своим братом Иваном Григорьевичем Боганом, возглавлявшим эту центральную организацию Заманья, одним из первых приехал в Баджей поднимать восстание. Он принял активное участие в организации Манского партизанского отряда. Партизаны избрали его своим командиром. Под его командованием отряд одерживал над карательями одну победу за другой и вскоре вырос в грозный Манский полк партизанской армии.

Работая над историей партизанского движения в нашем kraе, я решил проверить обстоятельства гибели Ф. Г. Богана и в сентябре 1964 года выехал в Ермаковское. Местные старики, свидетели этих событий, показали мне, где был убит Ф. Боган. Из ограды дома Василия Мотова в него стреляли кулак Григорий Кузнецов и его зять Мамонтов. Впоследствии, когда партизаны возвращались из Урэнхайского kraя, они воздали убийцам по заслугам. Старожил Ермаковского П. С. Чернобровкин был свидетелем, как манцы схватили и расстреляли Кузнецова за убийство своего командира. Через год схватили и Мамонтова. Его постигла та же участь.

Минусинский музей также провел расследование о гибели Богана и выявил те же самые факты.

Я подробно остановился на этом только потому, что сейчас кое-кто неверно трактует обстоятельства гибели красного командира (См., например, воспоминания Я. Замураева «Енисейские партизаны»)²⁷.

Оставив Ермаковское, Манский полк прибыл в Григорьевку.

Канский полк, согласно приказу А. Д. Кравченко, должен был держать оборону в Салбе. Но канцы не удержались на заданных позициях и тоже отступили к

Григорьевке. Колчаковцы преследовали их по пятам. Часть кавалеристов во главе с командиром полка Степаном Сабаевым белые загнали в болото. Многие из них потопили лошадей и вышли на тракт, неся на себе снятые седла.

В это время все остальные партизанские части, госпиталь и весь обоз уже вышли на Усинский тракт и двигались по тайге. Дорога была свободной.

Переход через Минусинский уезд был завершен. Не все получилось удачным в этом переходе. Не раз партизанам пришлось испытать горечь поражений. Но мы не падали духом. После выхода из тайги в партизанские ряды влилось свыше трехсот добровольцев, и эта поддержка народа вселяла в нас уверенность в конечной победе, помогала нам и дальше биться с ненавистным врагом.

Саяны

Усинская дорога свизывала Минусинский уезд с крупным селом Верхне-Усинским и далее с Урзихайским краем.

Верхне-Усинское — село преимущественно старообрядческое. Преследуемые за веру царским правительством, старообрядцы ушли за Саяны, обосновались здесь и зажили вольной богатой жизнью. Непроходимая тайга и горы укрыли их от поборов правительства и произвола его чиновников. Верхне-Усинское расположилось у подножия Западного Саяна на берегу быстрой таежной реки Ус. Рядом тайга, богатая рыбой река, прекрасные пойменные луга. Есть места и для пашни, но близость снежных вершин не очень-то благоприятствовала полеводству, а потому здесь сеяли лишь озимую рожь и серые хлеба. Зато для животноводства в этих краях были неограниченные возможности. И население ими пользовалось в полную меру. Новые веяния доходили сюда медленно, и староверы всеми силами старались, чтобы никакие преобразования не затронули старинного уклада их жизни.

За Верхне-Усинским начинались степи северной окраины Монголии — Урзихайского края, населенного тувинцами, кочевниками-скотоводами. В начале девяностых годов сюда стали проникать русские промыш-

лениники и купцы. Коннозаводчики Сафьяновы, Вавилины, Медведевы и другие пустили в необъятные степи этого края сотни и тысячи лошадей, построили огромнейшие маральники.

В верховьях Большого Енисея (Бий-Хема) Сафьянов и Железнов открыли крупные золотые прииски с использованием дражного оборудования. Колонизаторы спаивали водкой тувинцев и обирали их самым бессовестным образом. За маленько зеркальце, гребешок и прочие грошевые безделушки они забирали барабанов, бычков, дорогую пушнину и другие ценности.

Отсутствие дороги затрудняло экономическую экспансию предпринимателей. Под их нахимом царское правительство в 1909 году начало строить тракт через Саяны. Строили его руками каторжников. Это был воистину каторжный труд. Людей не только заковывали в кандалы, но и приковывали к тачкам. Голод, болезни, зимой невыносимый холод, летом гнус — мошкара, комары, оводы, мокрец — делали свое страшное дело. Сто семьдесят километров этого пути через тайгу устланы костями его строителей.

Когда свершилась Февральская революция, каторжники сбросили кандалы и ушли в большой мир, к новой свободной жизни. Мы проходили по недостроенному тракту через два с половиной года после этого, но всюду еще натыкались на следы горькой жизни строителей: на заржавленные кандалы, цепи, полуутягнувшие тачки и низенькие полуразвалившиеся землянки с земляным полом, маленькими окнами — «волчками» и с нарами, застланными жердями. Перед нами была каторжная жизнь старой России. Та, против которой мы и выступили с оружием в руках.

Так как дорога проходила по тайге, где нет никаких поселков, то через каждые двадцать-двадцать пять верст для обслуживающего персонала были построены станции. На станции большой дом с железной крышей, ограда из плах, амбар, бани, завозни и другие постройки. Начиная от Григорьевки, мы прошли их все: Кебеж на семнадцатой версте, Кулумыс на тридцать седьмой, Малую Ою на пятьдесят шестой, Оленью Речку на восьмидесятой, Буйбу на сто первой, Арадан на сто двадцать пятой, Медвежью на сто сорок четвертой и последнюю, Иджим, на сто шестидесятой.

Строительство было не закончено, но поскольку оно велось одновременно по всей трассе, то по дороге можно было ехать. От Григорьевки до Кулумыса мы двигались по высокой насыпи, отутюженной катками и посыпанной желтым песком. Этот участок был уже полностью готов — с кюветами, верстовыми столбами, перилами, ограждениями на круtyх поворотах и т. д. Дальше дорога была похожа на улучшенную проселочную.

Первыми вошли в тайгу Талльский полк и сводная группа кавалерии. За ними — полк особого назначения, госпиталь, части Североачинского полка под командованием Уланова и Манский полк. На эти части возлагалась охрана госпитала и организаций. Канский полк вступил в тайгу последним.

На станции Кулумыс, на совещании Главного штаба, на котором присутствовали А. Д. Кравченко, начальник штаба А. Т. Иванов, председатель Армейского Совета С. К. Сургуладзе и командиры полков и батальонов, подвели итоги пройденного пути, подробно разобрали все совершенные ошибки. Все болезненно переживали потерю Щетинкина с отрядом. Каждый считал себя в какой-то степени виноватым в этом несчастье. Даже надежды на то, что Петр Ефимович опытный командир и найдет выход из создавшегося положения, не приносили утешения. Особенно переживал Кравченко.

— Как могло получиться, — с возмущением говорил он, — что товарищи ушли из Казанцево, оставив Щетинкина с одной ротой, один на один с отрядом Волгова? Богану было дано задание каждую минуту быть готовым прийти на помощь Щетинкину, но он не выслал к нему даже связных и не поинтересовался его положением. Вместо этого Манский полк устроил себе веселый отдых, принял участие в праздновании дня Ивана-Купалы. Боган заплатил за это собственной жизнью.

Канскому полку было дано задание занять Салбу и держаться в ней до прихода Щетинкина. Но Сабаев самовольно оставил Салбу, занял невыгодную позицию у Верхнего Кебежа и при подходе белых без боя отступил в Григорьевку. Здесь, проявив халатность и беспечность, он допустил внезапное нападение на полк со стороны казаков, просочившихся на Усинскую дорогу.

Отдыхая в Григорьевке, Сабаев даже и не знал, что его полк ведет тяжелый бой с обошедшими его противником, а, выехав из нее с частью кавалерии, также попал под огонь противника, который загнал их в болото. Я считаю невозможным оставлять дальше товарища Сабаева на посту командира полка. Прошу товарища Иванова решить этот вопрос в самое ближайшее время, как только обстановка позволит превести собрание Канского полка...

С прямой и резкой критикой выступил на совещании начальник штаба А. Иванов. С покрасневшими лицами слушали его провинившиеся командиры, низко опустив головы. Они ничего не могли сказать в свое оправдание. Затем слово снова взял А. Д. Кравченко.

— Оставаться и ждать здесь Щетинкина, — сказал он, — считаю опасным и нецелесообразным. Сейчас нужно двигаться быстро, оторваться от противника и, чтобы задержать его преследование, сжигать мосты.

На следующий день армия двинулась дальше по Усинской дороге. И снова тайга, красавая и величественная. Начался подъем на Саянский хребет, петля за петлей, вверх по террасам. Посмотришь вниз и видишь, как по бесконечным зигзагам движется обоз, растянувшийся на многие километры.

Движение по Усинской дороге отличалось от нашего похода по тайге Восточного Саяна: здесь все ехали на подводах. Минусинцы снабдили нас достаточным количеством хлеба и другими продуктами питания. Мы любовались красотой природы и оптимистически думали о завтрашнем дне.

А красота вокруг действительно была необыкновенная. Разбросанные по горам бескрайние лесные массивы: сосны, кедры, пихты, ели, а рядом с ними постоянно трепещущие осины. Дикие лесные цветы по берегам бесконечных рек и речушек. Все это восхищало и ошеломило.

На станции Олецкая Речка дорога подняла нас на перевал. Кругом упирались в небо каменистые вершины Саян, слепящие сверкающей снежной белизной. Под напором горного солнца бурыми потоками устремлялась вниз снежная вода.

С Олецкой Речки начался стремительный спуск. Подводчикам пришлось привязывать колеса, чтобы в

мановение ока не оказаться у подножия — костей не соберешь.

На небольшой прибрежной поляне показались постройки самой крупной станции Арадан, центральной станции Усинской дороги. Командование решило сделать небольшую остановку, подтянуть «хвосты», подсчитать, проверить и наметить порядок дальнейшего движения. До выхода из тайги оставалось всего тридцать пять верст. Взятые нами в плен белогвардейские разведчики рассказывали, что где-то здесь партизан ожидает белогвардейская засада.

С Арадана шли осторожно, тщательно выверяя каждый шаг. От станции Медвежьей дорога перешла на левый берег реки. Переправлялись на пароме — их через Ус было три. Первая переправа прошла без заминки. Но на второй такой легкости не получилось. Когда кавалеристы подъехали к переправе, паром находился на противоположном берегу, у подножия светло-серых скал, над которыми возвышалась вершина — Сахарная голова. Один из кавалеристов перебрался через реку, осмотрелся и, не заметив ничего подозрительного, отвязал паром и перенес его на левый берег. Здесь на паром сели несколько человек. Но едва они доехали до середины реки, как раздались выстрелы. Партизаны попрыгали в воду и благополучно добрались до берега. Стало ясно: в скалах засада. Поняв, что они раскрыли себя, белые, уже не таясь, открыли сильный ружейный и пулеметный огонь по находившимся на берегу партизанам. Началась перестрелка.

К месту боя прискакал Кравченко. Вместе с начальником штаба Ивановым и командирами полков уточнил позиции белых. Со стороны реки Сахарная голова была неприступной. Единственная возможность уничтожить засаду — сделать глубокий обход по правому берегу Уса. На станции нашелся охотник, согласившийся провести партизан в тыл белых. Командир Тальского полка Марченко взял для этого две самые надежные роты.

Александр Михайлович Марченко принял командование полком после Вершино-Рыбинского боя, сменив заболевшего Семишева. Сам он, потомственный рабочий, кузнец и слесарь, некоторое время жил в Хакасии, работал на Абаканском железноделательном заво-



Комсостав Тальского полка. В центре сидит командир полка А. М. Марченко

де в поселке Абаза. Во время войны был на фронте, откуда вернулся убежденным большевиком. Колчаковщина застала его в с. Унер Канско-Уральского уезда. Там Александр Михайлович и вступил в подпольную организацию. Когда в Перовском сформировался партизанский отряд, Марченко пришел туда с группой унерцев и с этого времени находился на командных должностях партизанской армии, пользуясь заслуженным авторитетом и уважением как рядовых партизан, так и командования.

Преодолевая крутые подъемы и спуски, группа обхода под командованием Марченко медленно двигалась к намеченной цели, сверяя правильность взятого направления по неумолкающему эху перестрелки.

Когда стали ближе подходить к засаде, выслали разведку. Она сообщила, что белые не ожидают нападения с тыла и даже не выставили постов тылового охранения. Это облегчало выполнение задачи и позволило партизанам приблизиться к противнику вплотную.

Хорошо защищенные скалами с фронта, белогвардейцы были совершенно беззащитными с тыла. Партизанский залп в спину был для них ошеломляющим. Некоторые бросились бежать, но все дороги были перекрыты. Либо смерть, либо плен. Для тех, у кого руки были слишком запачканы в крови большевиков, оставалось одно — смерть. И они бросались со скалы вниз на каменный берег реки. Остальные подняли руки.

Бой продолжался всего несколько минут. И сюз-заработал паром, и потекли на правый берег кавалеристы и подводы с пехотой. В числе партизанских трофеев оказались два пулемета, более сотни винтовок, пятьдесят тысяч патронов и другое вооружение.

Неожиданно в сторожке зазвонил телефон. Звонили из Верхне-Усинского. Там еще ничего не знали о разгроме белых. Марченко, не растерявшись, взял трубку и на тревожный вопрос о положении спокойно ответил: положение хорошее, красные прижаты к земле и не могут продвинуться вперед ни на шаг. Одновременно с «информацией о положении» он потребовал подкрепления.

И такое подкрепление было выслано. Партизаны встретили его у третьего парома. Белогвардейцы сдали оружие без сопротивления. Однако один офицер и шесть казаков выскользнули из партизанского кольца и поспешили в село. Там, обсудив создавшееся положение, решили, что сопротивление бесполезно, и сложили оружие. Замешанные в карательных экспедициях белогвардейцы разбежались.

Входивших в Верхнеусинское партизан Тальского полка встретили колокольным звоном и хлебом-солью. А. М. Марченко поднесли.. икону.

Канский полк задержался у второго парома на общее полковое собрание. На повестке дня стоял один вопрос: перевыборы командира. Начальник Главного штаба А. Т. Иванов объявил, что поскольку С. Сабаев допустил ряд грубых ошибок, Главный штаб рекомендует освободить его от командования и предлагает полку избрать себе другого командира. В то же время Главный штаб не мог не отметить заслуг Сабаева, как одного из первых организаторов партизанского движения и отличного бойца.

Сабаева освободили от командования полком без

возражений. По поручению Главного штаба А. Т. Иванов рекомендовал избрать командиром канцев К. М. Логвинова.

— Все мы хорошо знаем Логвинова, — сказал он. — Родился Кузьма Михайлович в крестьянской семье. С юных лет на заработках. Был чернорабочим на строительстве Забайкальской железной дороги. Затем служил в армии, сначала срочно, потом сверхсрочно. Во время германской войны был фельдфебелем запасного полка в Канске. В 1917 году переселился с семьей в Первое. Принял участие в подготовке к восстанию. На втором армейском съезде избран членом Главного штаба.

К. М. Логвинов был избран единогласно.

Почти одновременно с этим было проведено собрание Манского полка, на котором А. Д. Кравченко предложил избрать командиром В. О. Гусева.

Василий Осипович Гусев был рабочим лесной промышленности и работал в Нарве: зимой на лесозаготовках, летом — лоцманом по сплаву плотов по Мане до Красноярска. Капризная река требует от лоцмана хорошего знания русла, быстроты реакции, смелости и, можно сказать, прямо-таки молодецкой удачи. Гусев обладал всеми этими качествами и считался хорошим лоцманом.

Родители Гусева переселились в Сибирь из Казанской губернии в 1908 году, когда Василию было всего двенадцать лет. Поселились на берегу Маны, в Нарве, где можно было заниматься и рыбалкой, и охотой, и лесным промыслом — хорошее подспорье, когда в семье девятнадцать ребятишек.

В царской армии Василий Гусев дослужился до унтер-офицера. Во время войны находился на передовой. Был несколько раз ранен. Октябрь встретил в Петрограде. Домой вернулся большевиком. В начале 1918 года работал комиссаром на станции Красноярск, затем на станции Балай. Сражался с белочехами на Клоквиенском фронте, а после его падения прибыл домой с шестью винтовками и несколькими наганами — для будущих боев.

Живя в Нарве, Василий связался с подпольщиками. Стал партизаном с первого дня восстания. Смелый до дерзости, он возглавил подрывную команду и провел



Командир Манского полка
В. О. Гусев

введения пятизарядных трехлинейных винтовок.

Население Верхне-Усинского было дезинформировано колчаковской пропагандой о «зверствах красных». Поэтому многие крестьяне, узнав о приближении «банд», бросили свои хозяйства и бежали в лес. Прибыв в село, партизанскоекомандование решило разъяснить людям, кто мы такие и за что боремся. Для этого созвали общее собрание всех жителей, пригласив на него женщин и мужчин, старых и молодых. Выступившие на собрании Сургуладзе, Кравченко, Петров, Марченко подробно рассказали о борьбе Красной Армии и сибирских партизан с контрреволюцией и иностранными оккупантами и о задачах партизанской армии, вступившей в Верхне-Усинское.

— Мы боремся против капиталистов и помещиков, генералов и офицеров, против тех, кто продает Россию иностранному капиталу,— говорил Сургуладзе.—

несколько диверсий на железной дороге. В июне 1919 года белые схватили и казнили брата Василия — Ивана, командира батальона Манского полка. Василий заменил брата на этом посту. И вот сейчас он стал командиром Манского полка.

Следуя за тальцами, в Верхне-Усинское вступили и остальные части партизанской армии. Партизаны взяли здесь около семисот пудов свинца, большое количество пороха и четыреста берданок, бывших основным оружием русской армии до

Мы боремся за самую справедливую и гуманную, за рабочую и крестьянскую Советскую власть. Все трудовое крестьянство нас поддерживает, потому что мы боремся за его интересы, за его свободную трудовую жизнь. Мы надеемся, что и вы, товарищи, окажете нам необходимую помощь и поддержку.

Крестьяне слушали руководителей партизанской армии с большим вниманием и сочувствием.

— Мы воюем с колчаковской армией,— говорил Кравченко.— Но это не значит, что все ее солдаты — наши враги и подлежат уничтожению. В колчаковской армии служат разные люди. И не только рядовые солдаты и казаки, но даже и офицеры царской армии могут быть нашими друзьями и вместе с нами бороться за Советскую власть. Вы спрашиваете, что мы думаем сделать с пленными, которых взяли в последнем бою? Пусть каждый из них сам за себя ответит перед народом. За поведение их в бою против нас мы судить не будем, а за обращение их с мирным населением судите вы сами. Какой приговор вы им вынесете, такое они и наказание получат.

Большинство пленных не были уличены ни в каких жестокостях против населения и были освобождены. Жителям разрешили подобрать убитых в бою родственников и похоронить их, как положено по обычая.

В этот же день в Верхне-Усинское прибыл Щетинкин с отрядом. Узнав от подводчиков Манского полка о событиях в Ермаковском, он решил идти на соединение с остальными частями, но, услышав артиллерийскую стрельбу в Григорьевке, понял, что армия уходит на Усинскую дорогу. Проплутав по тайге двое суток, он тоже вышел на тракт и здесь узнал, что армия прошла далее сутками раньше. Щетинкин пошел вслед за нею. Идти было трудно: партизаны, уходя, сжигали мосты. Не было хлеба. Питались мясом забитых лошадей. Но в конце концов соединились с армией.

Отдохнув после тяжелого таежного перехода, партизанская армия двинулась дальше, в Урянхайский край. Манский полк остался в Верхне-Усинском на охране дороги, чтобы в случае появления белых закрыть им выход из тайги. В авангарде движения

пошел Канский полк. Я к этому времени перешел в кавалерию и был избран председателем Совета Канского кавалерийского эскадрона. Наш эскадрон и открыл путь в столицу Урянхайского края — Белоцарск. От Верхне-Усинского до него оставалось еще более 180 километров.

С веселой озорной песней двигался наш эскадрон по Усинской дороге. Но у сворота на белоцарский тракт песня внезапно оборвалась. На пути кавалеристов стояли трое: две женщины и высокий, до крайности истощенный мужчина. Как выяснилось, они специально ждали здесь партизан. Мужчина назывался Савелием Евстигнеевичем Сухорословым. Чиновник военного времени, он после Октябрьской революции заведовал довольствием иркутского гарнизона Красной гвардии, избирался членом Иркутского Совета. Принимал участие в боях с белочехами, а после падения Советской власти решил пробираться в Урянхайский край, к родственникам.

Жена Сухорослова, Агния Иннокентьевна, член РСДРП с 1914 года, активно участвовала в деятельности иркутской партийной организации. Она работала вместе с известными большевиками Павлом Петровичем Постышевым, Сергеем Ивановичем Лебедевым, Борисом Захаровичем Шумяцким и другими. Когда в декабре 1917 года юнкера и офицеры подняли в Иркутске мятеж против Советской власти, Агния Иннокентьевна возглавила санитарно-медицинскую службу Красной гвардии. Участвовала она и в борьбе с белочехами.

Ее сестре, Марусе Заболоцкой, было всего восемнадцать лет, но она была уже испытанным и закаленным бойцом с подпольным стажем. Подпольщики удивлялись, с каким упорством и смелостью эта маленькая курносая девчонка выполнила задания организации. Она таскала шрифт для подпольной типографии, печатала прокламации и листовки и распространяла их по городу. Октябрьскую революцию Маруся встретила членом партии большевиков.

Серьезное испытание выпало на долю семнадцатилетней девушки во время декабряского контрреволю-

ционного восстания юнкеров. Она была среди тех, кто выдержал недельную осаду восставших в «Белом доме» — бывшей резиденции генерал-губернатора, рядом с руководителями иркутских большевиков П. П. Постышевым, С. И. Лебедевым, Б. З. Шумяцким и другими. Несколько раз Маруся прорывалась сквозь вражеское кольцо в штаб Красной гвардии, информируя о положении осажденных. И возвращалась обратно с патронами, гранатами, хлебом, медикаментами. Один раз белогвардейский офицер узнал ее, и Марусе чудом удалось спастись от расстрела. И снова она пошла в самое пекло. Хорошую закалку, настоящее боевое крещение получила эта хрупкая на вид девушка в те страшные дни.

Немало лишений и мук претерпели Савелий Евстигнеевич, Агния Иннокентьевна и Маруся и тогда, когда пробирались в Урянхай сквозь белогвардейские кордоны. А родственники, к которым они пришли, оказались ярыми приверженцами белогвардейцев. У них не только не удалось найти пристанища, а пришлось спасаться бегством. Появление партизанской армии в этих краях стало для беглецов настоящим спасением. С. Е. Сухорослов возглавил армейский отдел снабжения. Агния Иннокентьевна взяла шефство над госпиталем. Маруся также пошла работать в госпиталь, на самый трудный его участок, к тяжелораненым.



А. И. Сухорослова (Телечкина). Иркутск, 1917 г.

По дороге на Белоцарск произошло еще одно событие, которое взволновало всех партизан. Недалеко от тракта находилась усадьба землевладельцев Сафьяновых. Сыновья хозяйки усадьбы были большевиками и вели борьбу с колчаковщиной. Естественно, что и мать была настроена положительно по отношению к партизанам.

Несколько кавалеристов, заглянув на богатую усадьбу, кое-что захватили оттуда «на память». Сафьянова сообщила о случившемся нашему командованию.

Мародерство в партизанской армии было очень редким, исключительным явлением. Оно осуждалось самым решительным образом и влекло за собой строгое наказание. Все понимали, что для добровольческой революционной армии мародер — первый враг.

Поэтому после сообщения Сафьяновой сразу же было приостановлено движение партизанской армии, началось расследование и осмотр всех подозреваемых. Виновные были пойманы с поличным. Начался суд. Судил полк, в котором находились уличенные в мародерстве партизаны. Выступающие требовали смертной казни виновным.

— Наша армия рождена трудовым народом, — говорил А. Д. Кравченко, — и без его поддержки погибнет, как вырванное из земли растение. Мародер рвет наши связи с народом, он страшнее любого нашего врача, он хуже предателя.

Горячо осудил мародеров П. Е. Щетинкин. Он напомнил товарищам о перенесенных трудностях, о боях, о погибших героях.

— Они погибли за счастливую жизнь всех людей, — сказал Петр Ефимович. — И разве можно допустить, чтобы в одних рядах с нами находились люди, способные на кражу, на грабеж? Нет, нет и нет.

Большинство выступающих требовали расстрела провинившимся. Не прозвучало ни одного слова жалости и оправдания. Жалкие, потрясенные единодушным осуждением, стояли подсудимые перед лицом товарищей. И только заступничество Сафьяновой помогло смягчить приговор. Им сохранили жизни, чтобы кровью в бою они смогли смыть свой позор.

После вынесения приговора армия снова двинулась

вперед к Белоцарску. В авангарде по-прежнему шел Канский кавалерийский эскадрон.

Здесь, в Уринхайской степи, роль партизанской кавалерии значительно возросла. Она получила возможность решать самостоятельно боевые оперативные задачи, чего не могла делать из-за природных условий в подтаежной зоне Заманья. Там война велась с закрытыми позициями, обеспечивающими внезапность ударов и минимальные потери. Но при всем при том быстрота передвижения, маневренность, особенно при обходе и ударе в тыл или во фланг противника, подсказывали и там необходимость кавалерийских формирований. Одним из первых это понял М. В. Александров. Он создал при Канском полку конный отряд, в который вошли исключительно смелые парни: Степан Безотечества, Иван Пристрельский, Емельян Макаренко, Иван Середа, Степан Потылицын, Александр Мезис, братья Ульян и Ефим Тарапалло.

Этот отряд, выполнявший первое время функции конной разведки и связи, быстро рос и вскоре превратился в боевую единицу военнооперативного значения. Удачные налеты партизанской конницы на небольшие белогвардейские гарнизоны, на железную дорогу и другие объекты натолкнули на мысль об организации самостоятельной кавалерийской части. Ядром ее стали кавалеристы Канского полка. Так родился Канский кавалерийский эскадрон.

Командиром эскадрона избрали Ивана Ивановича Марченко, крестьянина Шалинской волости, бывшего кавалериста царской армии. Крепко скроенный, суровый и медлительный, он в любой обстановке сохранял спокойствие, командирскую солидность и уверенность.

Серьезным недостатком комэска была его полная неграмотность. Этот недостаток в известной степени восполнялся его помощником Мартином Ильичом Жалнерчиком. По внешнему виду Жалнерчик был прямой противоположностью Марченко: стройный, подтянутый, с тонкими чертами лица и волной светлорусых кудрей. По военным знаниям, по общему развитию и грамотности он имел бесспорные преимущества перед Марченко и вполне заслуживал, чтобы именно его избрали командиром. Но Марченко вступил в кавалеристию раньше, стал командиром еще до появления в

отряде Жалнерчика и не давал повода для отстранения его от командования. Позднее, когда все кавалерийские части были сведены в кавалерийский дивизион, Жалнерчик стал командиром этого дивизиона.

Замечательными кавалеристами были и командиры взводов: Никон Григорьевич Антонкин, Андрей Афанасьевич Терещенко и совсем молодой Илюша Красиков, скромный, застенчивый и в то же время смелый командир.

Многие желали попасть в наш эскадрон, но приносили туда далеко не всех. И не только потому, что отступающего требовалось полное кавалерийское снаряжение: лошадь с седлом, кавалерийская винтовка, шашка, револьвер. Кроме того, требовалось, чтобы новичок зарекомендовал себя как смелый и умелый боец. Только тогда ветераны эскадрона говорили свое «добро», и одним кавалеристом становилось больше.

Канский эскадрон прославил себя не только боевыми делами, но и песнями. Первый запевала эскадрона, Иван Кравченко, обладал замечательным тенором — сильным и чистым. Пел он свободно и легко. Казалось, что песня сама так и льется из его груди, без всякого напряжения, а запевала высоко несет ее, не давая улететь от себя.

Хорошо пели также Михаил Колесников, Андрей Терещенко — запевал в эскадроне хватало. Песня сопровождала нас на маршиах, с нею мы отдыхали на привалах. Пели военные, маревые, революционные и народные русские песни. Если же не хватало слов, чтобы выразить переполняющие нас чувства, слова сочиняли сами. На знакомый мотив. Вот одна из наших любимых «самодельных» песен, сочиненная на мотив известной «При лужке, лужке».

Оседлаем лошадей
И поскакем в поле,
Разобьем мы казаков,
Колчаку на горе.
Разобьем, друзья, мы смело
Злую вражью силу...
В гроб загоним гадов белых,
Кол забьем в могилу.
Нам не нужно белой власти
Колчаковских палачей,
За Советскую Россию
Жизни нам не жаль своей.
От востока и до Омска

Раздается клич один:
Прочь, семенощи, с дороги,
Колчака мы победим.

В репертуаре партизанских кавалеристов были, конечно, и озорные песни. Пели их с присвистыванием, гиканьем. И сразу короче казалась дорога и не таким жгучим солнце.

Все ближе и ближе конец пути. Вот дорога повернула вправо, и вдали на высоком берегу Енисея показались постройки Белоцарск. Командир эскадрона Марченко остановил передних, отъехал немного в сторону и крикнул:

— Подтянуться и построиться в колонну по четыре!

Несколько минут на построение и новая команда:
— Знаменосцы, вперед!

Знаменосец Иван Тихонов, развернув эскадронное знамя, выехал вперед. Рядом с ним два кавалериста — охрана знамени. Марченко, обернувшись лицом к эскадрону, поднял руку.

— Эскадрон, за мной марш!

Конь комэска вздрогнул, поднялся на дыбы и птицей ринулся вперед. За ним, поднимая густую пыль, устремился весь эскадрон.

Было 17 июля 1919 года. Партизанская армия вступила в центр Урэнхайского края — город Белоцарск.

В Урэнхайском крае

Как мы уже говорили, активное вторжение в Урэнхайский край русского капитала началось с начала девятисотых годов. Вместе с промышленниками и купцами нынешняя территория Тувинской АССР стала заселяться и русскими крестьянами. В 1909 году на реке Элегест возник казачий поселок Атамановка, на южной границе с Монгoliей, у подножия горы Танну-Ола — село Верхне-Никольское, рядом с казачьей станицей Туран — деревня Юок. Один за другим возникали русские поселки по левому берегу Малого Енисея. Крестьяне этих поселков стали заниматься хлебопашеством. Они распахивали целину и строили прими-

тивные сооружения для орошения низменных участков лугов и пашни.

Коренное население Урянхайского края — тувинцы — занимались преимущественно скотоводством и вели полукочевой и кочевой образ жизни. Они были неграмотными, отсталыми, задавленными гнетом монгольских нойонов и духовенства и подвергались беспощадной эксплуатации со стороны тувинских богатеев и русских промышленников и купцов.

В 1914 году Урянхайский край был принят под протекторат России. С этого времени на месте маленького тувинского поселка Хем-Белдир началось строительство центра края — города Белоцарска. Но еще долгие годы он только назывался городом, оставаясь на деле малюсеньким поселком, на кривых улицах которого разместилось не более шестидесяти деревянных одноэтажных домишек. Единственный двухэтажный дом принадлежал переселенческому управлению. Строительство велось без всякого плана, и потому иногда трудно было определить даже направление улиц. Тувинцы в Белоцарске не проживали.

Весть о Великой Октябрьской революции дошла и до Урянхайского края. 8 января 1918 года в Белоцарске был создан Совет рабочих депутатов, но он просуществовал всего одну неделю и был разгромлен казачьей сотней. Руководителей Совета С. А. Непомнящего, А. В. Родака и И. Шубина арестовали и выслали из Тувы²⁸.

Минусинский Совет, занятый ликвидацией казачьего мятежа атамана Сотникова, не смог тогда оказать урянхайцам вооруженной помощи, как того требовала создавшаяся обстановка, но через Усинский Совет сообщил, что по ликвидации сотниковской авантюры такая помощь будет оказана.

Моральная поддержка товарищей, агитационная и организационная работа местных большевиков делали свое дело: контрреволюция Тувы слабела с каждым днем. Уже 4 марта 1918 года бывший управляющий краем, переименованный во время керенщины комиссаром, Турчанинов писал: «Усинская полурота перешла (в) большевизм, сама себя распустила, оружие цейхгауза раздала красногвардейцам. Сотня колеблется, держится нейтрально, конвой тоже, милиция раз-

бежалась, почта цензуруется и задерживается вместе (с) кредитом (в) Минусинске, суд не работает. Прошу немедленной помощи... экстренной присылки хотя пятидесяти казаков. Без исполнительных органов поддерживать порядок невозможно. Большевистское течение растет, возможны осложнения с урянхами».²⁹

В середине марта в Белоцарске прошел съезд Советов. Он избрал краевой Совет. Урянхай стал советским. В ночь на 22 марта Турчанинов и его чиновники были обезоружены, арестованы и отправлены в Минусинск. На следующий день исполком краевого Совета предъявил ультиматум казачьей сотне: немедленно сдать оружие и все казенное имущество. Ультиматум был принят.

Контрреволюционный мятеж, начатый белочехами, докатился до Урянхайского края в начале июля. Выпавшие из подполья царские офицеры и чиновники организовали из кулаков и купцов «крестьянские» дружины и двинулись с ними на Белоцарск, где проходил краевой слет русского населения. Разоружив Красную гвардию, белогвардейцы арестовали членов Совета и захватили власть в свои руки. И снова во главе этой власти встал подполковник Турчанинов.

Но народ не хотел возвращаться к старым порядкам. Началось активное сопротивление контрреволюции. В ноябре Турчанинов телеграфировал колчаковскому министру внутренних дел: «В Усинско-Урянхайском крае очень напряженное состояние. Усинская полурота 53 человека разоружена. Население чинит затруднения продовольствию и продвижению воинских частей. Одной сотни казаков недостаточно. Вернулось в край много большевиков, выпущенных из минусинской тюрьмы. Их арест и выселение затрудняются нехваткой милиции. Переживаем большие продовольственные затруднения. Не прекращается самовольный вывоз хлеба в Монголию... Прибывшие из Минусинска крестьянские делегаты с целью поднять здесь восстание арестованы и содержатся в заключении. Необходимо немедленно прислать сюда вторую сотню казаков и горную батарею».

В борьбе с тувинскими феодалами и в организации Советской власти в Туве принял активное участие старый большевик И. Г. Сафьянов, направленный сюда

Минусинским Советом. Он провел там всетувинский съезд аратов и русского населения. В своих воспоминаниях об этом времени он позднее писал: «Тревоги Турчанинова — «маленького Колчака» — были обоснованы. На Кемчике вспыхивает восстание аратов. Русские крестьяне, насильно мобилизованные в дружины, разбегаются с постов, отказываются стрелять в тувинских повстанцев»³¹.

Весной 1919 года местное население стало оказывать белогвардейскому произволу вооруженное сопротивление. Восстание разгоралось с каждым днем.

Начавшуюся гражданскую войну угнетенного тувинского народа белогвардейцы старались изобразить как чисто национальную войну тувинцев против русского населения, всячески разжигая национальную рознь и натравливая тувинских аратов на русских крестьян. Так как белогвардейские отряды формировались исключительно из русского населения, то это в какой-то степени им удавалось. Но участие в восстании русского населения разоблачало эту клевету. Араты понимали, что есть русские, которые служат Турчанинову, нойонам и баям, а есть русские, которые борются за свободу аратов, за Ленина, за Советскую власть.

К наведению «порядка» в kraе подключилось и духовенство. В Омск выехал глава урянхайского духовенства Бандидо Хамба Лама Лубсанчжанцу. Он добился аудиенции у Колчака и покорнейше просил его... «во избежание на последующее время подобных действий со стороны нашего невежественного народа немедленно командировать регулярных правительственные до трех тысяч войск... не отказать в могущественном покровительстве нашему глупому народу...»³².

Но восстание было уже невозможно потушить. Совместными усилиями русских и тувинских крестьян был полностью освобожден от колчаковцев Подхребтинский район. Там создаются ревкомы. Слияние единого национально-освободительного движения тувинских аратов и гражданской войны русских крестьян явилось залогом их побед над общими врагами и свидетельством крепущей дружбы тувинских и русских трудящихся. 9 июля 1919 года, потеряв всякую надежду удержаться, Турчанинов отдал приказ об эвакуации Белоцарска «ввиду соединения подхребтинских дру-

жинников с наступающими урянхами и невозможностью за малочисленностью воинской силы охранять административный пункт»³³.

В таком положении находился Урянхайский край, когда в него вступила наша партизанская армия. Все белогвардейцы при нашем подходе разбежались, не успев увезти некоторые военные грузы. Они бросили 120 пудов пороха, 600 пудов свинца и баббита, до 200 тысяч патронов для берданок (этим патронам мы были особенно рады: без них берданки у нас почти бездействовали)³⁴.

Одновременно с нами с юга к Белоцарску спешил с отрядом в 600 человек монгольский князь Хатан-Батор Максаржаб. Монгольское правительство решило воспользоваться гражданской войной в Сибири и восстанием урянхайских аратов и прибрать к рукам богатый скотоводством, пантами, пушниной и золотом край. Узнав о том, что Белоцарск занят каким-то крупным отрядом, прибывшим с севера, монголы остановились в 25 километрах от города на горе Бом.

В тот же день князь послал в Белоцарск свою делегацию выяснить намерения прибывшего в Урянхай отряда. А на следующий день в монгольский лагерь с ответным визитом отправились Кравченко и Щетинкин, захватив с собой подарки, как это принято делать при знакомстве по восточному обычью.

Командование партизанской армии интересовало два вопроса: чью сторону, белых или красных, примет отряд Максаржаба и не может ли он дать разрешение пропустить партизан через Монголию в Туркестан. От ответа на первый вопрос князь воздержался, пообещав нейтралитет, а на второй сказал, что такое разрешение может дать только Великий князь Монголии. К нему он и советовал обратиться с письмом.

На другой день партизаны вручили нойону это письмо.

«Осимеливаемся заверить Вас, Великий князь, — говорилось в нем, — что в Ваши пределы вторглась не кучка шатающихся бродяг и преступников, как, возможно, Вам передавали, а трудовая Крестьянская армия, армия восставших крестьян Сибири.

Сибирские крестьяне не желают признавать единой власти омского адмирала Колчака. Наши симпатии на стороне московской Советской власти, которая одна только является выразительницей интересов и устремлений трудового народа необъятной России.

Наша армия, как и вся Советская Россия, не желает посягать на чужие территории своих соседей и желает всеми мерами поддерживать с ними миролюбивые отношения.

Заверяем Вас, Великий князь, что мы пришли в Вашу землю не хозяйничать, а привести себя в боевой порядок, дабы снова, с восстановленными силами, выступить против наших врагов — российских помещиков и капиталистов. И для нашего временного пребывания просим Вашего разрешения...

Полагая, что монгольское правительство так же, как и восставший народ России, заинтересовано в установлении миролюбивых и добропорядочных отношений между двумя государствами. Главный штаб и Армейский Совет Крестьянской армии питают себя надеждой в недалеком будущем окончательно установить общий фронт с Вами против общего врага, то есть захватнического правительства Сибири.

Главный штаб и Армейский Совет Крестьянской армии не сомневается, что Вы, Великий князь Монголии, учтете положение общей пользы двух дружественных народов и соблаговолите дать немедленный ответ.

С соседским доброотношением и почтением к Вам командующий Крестьянской армией Кравченко,
помощник командующего Щетинкин,
начальник Главного штаба армии Иванов,
председатель Армейского Совета Сургуладзе,
члены: Петров, Костюченко, Гапонов».

Через несколько дней руководство партизанской армии направило Великому князю второе письмо, в котором просило разрешить пройти через территорию Монголии на Ташкент.

Одновременно с письмами Великому князю Монголии Армейский Совет и Главный штаб армии обратились с воззванием к трудящимся Урянхайского края и Усинского пограничного округа:

«...Не думайте, что мы бандиты и грабители. Мы все оставили свои хозяйства, такие же, как и у вас, и во имя нашей трудовой справедливости взялись за оружие. Около восьми месяцев мы держали свою Баджейскую свободную республику. За это время мы одержали свыше 70 боев, и все имеющееся у нас оружие и пулевые были отняты у наших врагов. Это говорит за то, что вера и мужество на нашей стороне. Но вы спросите: почему мы ушли из своих мест? Мы ушли потому, что сибирское правительство бросило нас около 25 тысяч иностранных войск: чехословаков, итальянцев, сербов, польских легионеров и прочих. Кроме того, наши мастерские не успевали изготавливать нужного количества патронов. Вот причины нашего ухода. Но мы пришли к вам не для того, чтобы проедаться за ваш счет, а для того, чтобы привести в порядок свои силы и оружие и затем снова двинуться на наших врагов. Мы надеемся, что вы, товарищи крестьяне, поймете наши стремления и поможете нам всем необходимым, как продовольствием, лошадьми, так и имеющимися у вас оружием...»²³

Призыв о помощи партизанской армии нашел широкий отклик как у русского, так и у тувинского населения. За время пребывания партизан в Урянхае более 500 добровольцев вступили в ее ряды — жители Атамановки, Сосновки, Элегеста, Березовки и Арголика. Трудовое население оказывало партизанам всемерную помощь оружием и продовольствием.

В Усть-Элегесте в армию влился отряд тувинских партизан во главе с Адыг-Тюлюшем Чульдумом. Встреча была радостной, братской. Тувинцы были включены в заградительный отряд, оставшийся в этом поселке. Позднее они приняли участие в разгроме бодлоговцев.

Переправившись через Енисей, партизанские части занимали отведенные им позиции. Канский полк вместе с кавицадроном разместился в тополевой роще на берегу Малого Енисея. Североачинский полк расположился в самом Белоцарске. Тальский — несколько ниже города. Госпиталь, химическую лабораторию, ружейные мастерские и ценные Армейского Совета партизаны отправили в глубь Урянхайского края, в поселок Верхне-Никольский (Бий-Хаак), к подножию го-

ры Танну-Ола, естественной границе с Монголией. Для их охраны направили батальон североачинцев с кавалерией под общим командованием В. А. Уланова.

Из тех дней особенно ярко запечателась в моей памяти поездка на Железновские золотые прииски. Туда, за взрывчаткой и медикаментами, был направлен наш Канский кавэскадрон. Именно тогда многие из нас впервые увидели, как живет тувинская беднота. Наша дорога пролегла через тувинскую деревню — аал, и мы остановились там передохнуть и расспросить о положении дел. Кое-кто из нас и до этого слышал о тувинских жилищах, но никто не ожидал увидеть такой нищеты, которая царила здесь.

Тувинцы встретили нас радушно. Рассказали, как проехать на прииски, и предупредили, что по этой дороге только что прошел небольшой отряд белых. Поблагодарив гостеприимных хозяев, мы кинулись в погоню за беляками. Но те, видимо, тоже знали о нашем приближении и склонились от встречи. Ни в дороге, ни на прииске мы не нашли и следов отряда.

Забрав на приисках около сорока пудов взрывчатки, медикаменты и небольшое количество золота, эскадрон в тот же день вернулся в Белоцарск.

Между тем партизанское командование получило сведения, что вслед за нашей армией по Усинской дороге движется крупный отряд карателей под командованием есаула Бологова. Манский полк, оставшийся в Верхне-Усинском, не смог оказать ему серьезного сопротивления. Более того, манцы сами попались в ловушку. Бологов занял дорогу и закрыл им выход на Туран.

Помочь им было невозможно: от Белоцарска до Верхне-Усинского 150 километров. Чтобы сократить этот разрыв, Кравченко послал в Туран, находившийся как раз на полпути от Белоцарска до Верхне-Усинского, Канский полк. А для выяснения обстановки на месте отправил к манцам своего ординарца Володю Данилкина.

Всегда веселый, смелый до дерзости, Володя был любимцем всей партизанской армии. Да его и нельзя было не любить. Где Володька Орловский (так прозвали Володю товарищи, потому что он приехал в Сибирь

из Орловской губернии), там песни и пляски. Простой и бесхитростный, он делился с товарищами всем, что у него было. Своей лихостью Данилкин выделялся даже среди самых отчаянных храбрецов. Он мог проскочить вплотную мимо неприятельского поста, ворваться ночью в занятую врагом деревню, наделать переполоху и ускакать.

Володе было немногим более двадцати лет. Живя в Баджесе, он не явился по мобилизации в колчаковскую армию и принял самое активное участие в работе замаскированной подпольной организации. Это Данилкин сообщил кирзинским подпольщикам о прибытии в Баджей карательного отряда под командованием прапорщика Баженова. Вместе с кирзинцами Володя участвовал в захвате Баджейской волостной земской управы, стал партизаном с первого дня восстания.

Разузнав обстановку в Верхне-Усинском, Володя собрался в обратный путь. Ему предлагали идти вместе с полком (проводники-тувинцы взялись провести партизан на Енисей через тайгу), но Данилкин категорически отказался: торопился как можно быстрее доставить сведения Кравченко и решал действовать на свой страх и риск.

Ему подобрали отличного чистокровного скакуна с тонкими стройными ногами, послушного и стремительного. Как раз такого, о котором он и мечтал. Вместе с Володей поехали еще два партизана — Малах Цибульский и Киселев. Добравшись до устья речки Макаровки, всадники двинулись вверх по ней до самых истоков. Перевалили Куртушигинский хребет и вскоре оказались в стени. Здесь их и застигла ночь. Заночевав, они с рассветом снова двинулись в путь. Вскоре в туманной низине им открылись приземистые домики Турана.

Утомленные тяжелой дорогой, невыспавшиеся партизанские разведчики остановились около посекотины. Кто там в селе: друзья или враги? Утренние лучи солнца скользнули по влажным крышам домов, заглядывали в окна и отекакивали от них шаловливыми зайчиками. Как будто все спокойно. Ребята не знали, что еще пакануло, когда они пробирались через тайгу. Туран занял Бологов. Канский полк без боя отступил в Белоцарск.

Несмотря на кажущееся спокойствие, Данилкин не вполне доверял мирному утру.

— Осторожность никогда не мешает, — сказал он своим товарищам. — Вы оставайтесь здесь, а я поеду в деревню. Поскотину не закрывайте, а в случае чего соображайте сами, что делать. Если белые, будем уходить. Вы меня не ждите и уходите вперед. У меня лошадь хорошая, меня не догонят, а ваши могут подвести.

Белогвардейские часовые издалека заметили всадника и, спрятавшись у забора, ждали, когда он подъедет поближе. Володя заметил их только тогда, когда один из них внезапно шагнул из тени и крикнул:

— Стой, пропуск!

Сразу стало понятно: враги. Но чтобы выиграть время, Данилкин крикнул в ответ:

— Какой полк здесь стоит?

Его нехитрая уловка никого не обманула. Совсем рядом грохнул выстрел. Конь поднялся на дыбы. Володя ударил его плетью и, повернув назад, поскакал к поскотине. Сзади захлопали нестройные торопливые выстрелы. Мимо, мимо, мимо. Лошадь летела, как птица. Вот уже и поскотина позади. Еще немного, и партизанский разведчик уйдет. Но в это время к стрелявшим подбежал дюжий казачий урядник.

— По коню стреляйте, по коню! — кричал он.

Выхватив у молодого казака винтовку, он положил ее на забор и, неторопливо прицелившись, выстрелил. Лошадь споткнулась на всем скаку и, перевернувшись через голову, тяжело упала на землю. Данилкин вылетел из седла и, пробежав сгоряча несколько метров, сел, почувствовав острую боль в ноге. И сразу же вскочил снова. Из села, махая шашками, летело несколько верховых. Киселева и Цибульского не было видно: наверное, успели скрыться. Приходилось принимать бой.

Укрывшись за камнями, Володя сорвал из-за спины винтовку. Не торопясь, прицелился и сделал первый выстрел. Есть! Еще выстрел. И еще один казак полетел с коня. Данилкин был без промаха, и очень скоро у атакующих пропал запал. Позиция у партизанского разведчика была отличная, патронов хватало. Никому не хотелось лезть на рожон. Потеряв несколько чело-

вен, казаки повернули обратно. Выстрелами в спину Володя сбил еще нескольких вояк.

В это время на окраину села прискакал Бологов. Он крепко отругал хорунжего за бессмысленные потери и распорядился не спешить, но обязательно взять партизанского разведчика живым. Ему нужен был «язык».

Выполняя приказ атамана, казаки ползком стали окружать бесстрашного партизана. Но голая каменистая степь с бедной пожелтевшей растительностью не могла укрыть прижимавшихся к земле белогвардейцев. Володя продолжал стрелять по ползущим к нему врагам и каждым выстрелом выбивал кого-то из смыкающегося кольца.

Данилкин понимал, что уйти отсюда живым нет никакой возможности, и думал только о том, как дороже продать свою жизнь. Более ста патронов расстрелял он и не заметил, как послал из своего карабина последнюю пулю. Чтобы карабин не достался врагу, Володя разбил его о камни, а затвор разобрал и разбросал части в разные стороны. Потом изрубил шашкой свои сапоги, сломал шашку, скжег деньги и донесение. Пусть ничем не поживится враг!

Стрельба прекратилась. Белые поняли, что у партизанского разведчика больше нет патронов и, поднявшись во весь рост, кинулись к нему напрямик. Но они поторопились. Володин наган заставил их снова залечь. Теперь враги лежали совсем близко и в который раз предлагали партизану сдаться. И который раз в ответ им летели только пули.

Но вот и наган замолчал. Володя ударил его о камни и далеко отбросил в сторону. Все? Нет, драться еще можно. В кармане лежал бельгийский браунинг, который Кравченко перед этим подарил своему одинарцу. Данилкин вынул браунинг из кармана, зарядил и ждал, когда враги подойдут вплотную. Первым прямо на него вышел офицер.

— Бросай оружие! — крикнул он. И с этими словами упал на руки подскочивших солдат, сраженный метким выстрелом. А Володя поднес браунинг к лицу и выстрелил себе в лоб.

Но, как видно, дрогнула в последний момент рука у парня. Пуля только скользнула по черепу. С залитым кровью лицом, босой, в разорванных окровавленных

брюках, стоял он, широко расставив ноги. В судорожно сжатой руке дымился разряженный пистолет. Обезумевшие от ярости враги, забыв все наказы атамана, яростно набросились на бесстрашного партизана со всех сторон. Кололи штыками, били прикладами.

Бологов запретил хоронить убитого. И целый месяц лежал в степи партизанский разведчик, широко раскинув руки, напоминая врагам о своем героическом подвиге.

Белоцарский бой

При всей примитивности своих взглядов и поверхностности в решении военных проблем командир карателей есаул Бологов понимал, что победить партизансскую армию, которая громила крупные части полковников Сорокина, Петухова, Дементьева и генерала Афанасьева, дело очень трудное. Для этого нужны крупные военные силы. Он знал, что партизанская армия ушла из Заманья только под давлением третьей чешской дивизии, итальянцев и крупных отборных отрядов генерала Розанова. Мог ли он надеяться разгромить партизан своими силами?

Заметив, что партизаны обходят Минусинск стороной и, как видно, не имеют намерения захватить его, Бологов несколько приободрился и стал действовать смелее. Легкие победы в Ермаковском, Верхнем Кебеже и Григорьевке окончательно вскружили ему голову. Бологов сделал вывод, что партизанская армия тяжело ранена и к сопротивлению не способна. И он смело пошел за нею на юг «добивать красных».

Удача с Манским полком, запертym им в Верхне-Усинском, и уход без боя из Турана Канского полка подтвердили уверенность атамана. На общем собрании офицеров Бологов хвастливо заявил, что, отдохнувенька два в Туране, его отряд пойдет на Белоцарск и одним ударом покончит с партизанами, поймет Кравченко и Щетинкина и лично доставит их самому Колчаку.

Это было вечером, а следующим утром совершил свой подвиг Володя Данилкин. Героическое единоборство партизанского разведчика с целым белогвардейским гарнизоном не на шутку встревожило Бологова.

Значит, геройский дух партизан не сломлен и не tanto легко будет победить целую армию, если в борьбе с одним из ее бойцов каратели понесли такие большие потери.

Каратель понял: нужна длительная подготовка, тщательное изучение противника. И он стал проводить мобилизацию, ввел регулярные военные учения с мобилизованными и примикившими в Туране добровольцами. Несколько раз Бологов сам выезжал в разведку и с вершинами сопки наблюдал в бинокль за жизнью в Белоцарске. Он видел и партизанские окопы, вырытые вдоль берега, и лагерную жизнь частей партизанской армии.

Всюду кипела работа. И та, и другая сторона готовились к последней решительной схватке.

Около трехсот километров без дорог, тайгою и горами прошел от Верхне-Усинского до Белоцарска Манский полк, соединившись с основными силами партизанской армии, вырвался из уготованной ему Бологовым ловушки. Бойцы были измучены непомерно трудным переходом, но отдохнуть много не пришлось: каждую минуту казаки могли обрушиться на партизанские позиции. Манцы еще не знали, что именно им придется принять первый натиск карателей. Здесь, в восьми километрах ниже Белоцарска, на низком, заросшем чermухой и тальником енисейском берегу.

В ночь на 16 августа белые вынесли на руках привезенные с собой лодки и осторожно, без шума спустили их на воду. Партизанские часовые, предупрежденные, что Бологов вывел свои части из Турана на белоцарскую дорогу, напряженно вслушивались в ночную тишину. До них донеслись какие-то неясные звуки с противоположного берега. Вот стукнуло о лодку весло, послышались всплески воды. Тревога!

Партизанский залп хлестнул по лодкам. Громовое echo взорвало тишину. И сразу же затрещали ответные выстрелы, длинными очередями зачастил пулемет. Белоцарский бой начался. Пулеметную трещотку перекрыли басовитые буханья пушек. Туман уже рассеялся, и белые были прямой наводкой по окопам и пулеметным гнездам партизан.

Лодки сновали между берегами, как челноки ткацкого станка. Когда необходимое, по мнению есаула, количество пехотинцев оказалось на том берегу, Болотов решил двинуть за ними казаков. Одна за другой подходили к Енисею казачьи сотни.

А бой все разгорался. Во многих местах между манцами и карателями вспыхивали короткие рукопашные схватки. Полковой фельдшер вырвал из рук наскачившего на него молодого казака пику и заколол его. Командир Манского полка В. Гусев в горячке боя заскочил в цепь белых, и, приняв их за своих, начал командовать, требуя продвинуться и занять новую позицию. Только заметив офицера, он понял свою ошибку и поспешил ретироваться. Но белые тоже, наконец, поняли, с кем имеют дело, и открыли огонь. Первыми же пулями была убита лошадь. И плохо бы пришлось красному командиру, если бы в этот момент к нему не подскочил ординарец. Гусев вскочил верхом на его коня, и густые кусты скрыли их от противника.

А с правого берега продолжали переправляться все новые и новые силы белых. Манский полк был вынужден оставить свои позиции и, с большим трудом отравившись от наседающего противника, ушел в степь.

Болотов торжествовал: бой начался удачно — дорога на Белоцарск открыта. На левый берег хлынули не успевшие еще переправиться казачьи сотни, артиллерия и весь пришедший с отрядом обоз. Есаул был уверен, что теперь партизаны уже не смогут оказать серьезного сопротивления.

А тем временем командование партизанской армии, получив первое донесение Манского полка о начавшемся бою, ждало дальнейшего развертывания событий. Однако больше никаких вестей от манцев не поступало: Гусев не сумел передать сообщения о своем отступлении. Несколько часов в Белоцарске слышали беспрерывную артиллерийскую и пулеметную стрельбу. Наконец, все стихло. Что же произошло?

Для выяснения положения в тот район с заданием произвести разведку боем был направлен батальон Тальского полка. Тальцам не пришлось долго разыскивать противника: каратели двигались к Белоцарску. Не в силах противостоять им, батальон отошел в сторону, оставшись у болотовцев в тылу.

Вскоре в поле зрения находившихся в Белоцарске партизан появились белогвардейские цепи. Они растягивались полукругом, чтобы замкнуть город мертвой петлей.

Что можно было предпринять в такой ситуации? В Главном штабе на экстренное совещание собрались руководители партизанской армии: А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкин, С. К. Сургуладзе, А. Т. Иванов. Обстановка оказалась исключительно серьезной. Вступить в бой с оставшимися в Белоцарске частями партизан было невозможно: Манский полк выбыл из дальнейших сражений сегодняшнего дня, а довольно значительные части Тальского и Североачинского полков находились вне города. Противник значительно преисходил силами.

— Ясно одно, — сказал А. Д. Кравченко, — если мы останемся в городе, то противник, окружив его, уничтожит нас своей артиллерией и пулеметным огнем. Патронов и снарядов у них хватит. Значит, надо уходить. От боя мы, конечно, не уйдем, но постараемся принять его в другой, более выгодной для нас ситуации.

Возражений не было.

Отдав необходимые распоряжения и проводив обоз, Кравченко и Щетинкин верхами выехали из города. Повернув налево, поднялись на гору, остановились, слезли с лошадей, закурили. Впереди, растянувшись длинной цепью, двигался по дороге Канский полк. Справа медленно поднимался в гору обоз. Вдали виделись вспышки выстрелов. Это тальцы, отходя в степь, вели по наступающим болотовцам фланговый огонь.

Партизанская армия уходила из Белоцарска. Вот из тополевой рощи показался Канский кавалерийский эскадрон и рысью направился вдоль горы. Через головы кавалеристов летели белогвардейские снаряды и рвались у самого подножия горы. Некоторое время партизанские командиры молча смотрели на все происходящее, думали.

— Скоро белые займут Белоцарск, — заговорил, наконец, Кравченко, — будут праздновать победу.

— Да, конечно, — согласился с ним Щетинкин, — хвастаться будут друг перед другом своей храбростью

и боевой удастью и смеяться над трусостью красных, которые без боя убежали из Белоцарска. А что, если... — Щетинкин задумался, внимательно посмотрел на Кравченко и продолжал. — Что, если обождать немного, пока они по-настоящему втянутся в празднование своей победы, да собравши все силы, сейчас же, с ходу атаковать Бологова в Белоцарске и сбросить его в Енисей?

— Силы, Петр, не равны. У них большое превосходство и в людях, и в вооружении.

— Ну и пусть! У них превосходство сил, а у нас превосходство духа. Если наши ребята пойдут сейчас в атаку, их ничем не остановишь. Настроение у ребят боевое, уходить не хотят, да и некуда. У нас на фронте, бывало, говорили: если русского солдата рассердить — он непобедим. Наши партизаны сейчас очень рассержены. Они рвутся бой, и сейчас их ни за что не остановить.

— Стоит подумать, — согласился Кравченко.

Тут же, на месте, уточнили детали предстоящей операции и разъехались по полкам — претворять план в жизнь.

А в город уже вступали белогвардейцы. Началась всеобщая попойка. Захмелевший Бологов потребовал бумаги и тут же написал донесение своему командованию: «Банды красных разбиты, Белоцарск взят, главари банды Кравченко и Щетинкин, захватив золото, бежали в Монголию»²⁸.

Бой затих. Не слышно было ни одного выстрела. И только далеко в степи кое-где вспыхивали короткие схватки с белогвардейской конницей. Казачьи сотни, чувствуя себя победителями, рассыпались по степи в поисках легкой добычи. С гиком и пальбой налетели казаки на партизанский обоз. Но им не удалось здесь поживиться. Партизаны под командованием С. К. Сургуладзе встретили всадников густым оружейным огнем.

Заметив в степи блуждающие разбойничьи сотни, бросился в атаку Канский эскадрон партизан. Атака была стремительной и яростной. Впереди несся командир эскадрона Марченко. Вслед за ним первый взвод под командованием Андрея Терещенко, всегда веселого улыбающегося крепыша, а сейчас неузнаваемого в бо-

евом порыве. Суровы и грозны также были лица склонивших рядом с ним товарищей. Белые не выдержали патрона и, повернув лошадей, пустились наутек. А партизаны догоняли, рубили их, гнали врага в степь.

В трех-четырех километрах от Белоцарска, у подножия горы, замыкающей полукольцом широкую степь, остановился Канский полк. Увалы надежно укрывали партизан от глаз белогвардейских разведчиков. Бойцы подходили к укрытию цепочкой. Садились или ложились на землю, курили, отдыхали. Лица у всех хмурые, злые. Три месяца тому назад начали отступать. Прошли более тысячи километров. Пришли на край света, а когда подошел враг, опять уходят. Куда? Каждый вспоминал первые дни борьбы: как бой, так победа. Били белых и днем, и ночью, и на дорогах, и в деревнях, и в лесу, и в степи. А сейчас: как только белые подходят, снимаемся и уходим. И казалось партизанам, что чем дальше уходят они от родных мест, тем дальше уходят от победы и идут к своей неминуемой, позорной гибели.

Разговоры отрывочные, короткие.

— Наши командиры, наверное, разучились воевать, — зло бросил высокий партизан с большими черными усами. — Спорят не о том, как победить, а о том, куда бы удрать подальше от белых. А я думаю, воевать неуде можно. Будем воевать, будет и победа. Враг везде одинаковый и нам хорошо знакомый. Били мы его раньше, можем побить и сейчас.

— Правильно говоришь, Михаил, — поддержал его молодой белокурый парень с нависшим на лоб курчавым чубом. — И посмотреть не дали на беляков. Белые еще пять верст не дошли до нас, а мы уже бежать. А куда бежать? Неизвестно. Драться надо, а не уходить, куда глаза глядят, как бродяги бездомные.

Подошел командир полка К. М. Логвинов. Его длинные черные волосы выбились из-под картузса. Под нависшими густыми бровями строгие черные глаза. Командир окинул собравшихся партизан тяжелым взглядом, разгладил усы, прокашлился и хотел что-то сказать. Но ему не дали говорить.

— Почему ушли из Белоцарска? — снова закричал молодой партизан.

— Когда кончим отступать?

— Почему не ведете в бой?

— Пришли на край света, куда же дальше драпать будем? В Монголию, что ли? Али к самому китайскому императору с жалобой на Колчака?

Никто не заметил, откуда и когда подъехал Кравченко. Он посидел несколько минут на лошади, послушал, как бурлит партизанская масса, затем слез с коня, передал повод стоящему рядом партизану и, раздвигая толпу, быстро пошел к середине. Увидев Кравченко, толпа утихла. Партизаны любили своего командующего и относились к нему с большим уважением и доверием. Александр Диомидович вышел на середину, осмотрел всех с высоты своего роста, чуть заметно улыбнулся и, подняв руку, призывая к вниманию, крикнул громко и требовательно:

— Товарищи!

Его голос услышали все. Кто сидел или лежал на земле, быстро вскочили на ноги и замерли. Наступила полная тишина. Взоры всех партизан были обращены к своему командующему. А он на мгновение замолк, задыхнувшись от внезапно подступившего волнения, а затем повторил:

— Товарищи! — но уже более мягко. — Вы помните наш митинг на Жайме, когда мы хоронили Степана? Мы поклялись тогда, что будем драться с ненавистным врагом до полной победы, что не отдадим врагу на поругание наших раненых товарищей, наших жен и детей. Мы никогда не забывали об этом и не забудем. Я уверен, что об этом не забыли и вы.

Толпа зашевелилась, зашумела. Кравченко снова поднял руку. Шум сразу же оборвался. Все ждали, что скажет командующий дальше.

— Правильно говорили здесь товарищи. Идти нам дальше некуда. Впереди колчаковский палач Бологов, сзади монгольские князья и китайский император. Здесь решается наша судьба: либо смерть, либо победа. Нам нужна победа, и мы ее получим сегодня же. Мы только что совещались с товарищем Щетинкиным и решили атаковать Бологова в Белоцарске, разгромить его и сбросить в Енисей. Нас мало, но мы сможем это сделать, потому что мы революционная армия, мы боремся за нашу свободу, за великие завоевания Октября, за нашу родную Советскую власть. Мы сильны

нашей решимостью победить, и мы победим. Думаю, что задача ясна, митинговать нам некогда, да и нет необходимости. Принимайте боевой порядок и вперед. Вы будете занимать в этой контратаке центральное положение, и от вашего мужества будет зависеть судьба боя. Назад ни шагу! Только вперед, к победе!

Белые не ожидали контратаки. Упоенные победой, они и подумать не могли, что это «сиволапое мужичье» отважится снова померяться силами с бологовцами. Поэтому вначале партизаны не встречали никакого сопротивления. Но вскоре каратели опомнились и поняли, что дело серьезное — каждая минута промедления грозила обернуться смертью.

Партизанские цепи двигались вперед короткими перебежками. Командирам не нужно было никого подгонять, наоборот, там, где огонь противника становился особенно насыщенным, им приходилось уговаривать партизан быть осторожнее, поберечь себя. Белые очаги сопротивления захлебывались один за другим, отступая все ближе к городу.

Теперь уже и сам Бологов понял серьезность национальной опасности. Собрав в кулак все свои огневые средства, он бросил их в бой. Не жалея снарядов, белогвардейские пушки били по партизанской цепи. Но снаряды их рвались где-то сзади, не причиняя никакого вреда.

Вечерело. Небо заволокло тяжелыми черными тучами. Яркие вспышки молний рассекали их вдоль и поперек. Послышались глухие раскаты грома. «Наша артиллерия подходит», — шутили партизаны.

Кравченко и Щетинкин оставили свой командный пункт и спустились к передней цепи партизан. Их встретили радостными возгласами. Появление в передней цепи командующего и его помощника подняло боевой дух партизан. И снова поднялись партизанские цепи — для решающего штурма Белоцарска. Здесь, перед самым городом, беляки попытались оказать партизанам отчаянное сопротивление. Около тридцати пулеметов и несколько тысяч винтовок с обеих сторон беспрерывно поливали друг друга огнем. Непоставленная гроза с тысячами изломанных стрел-молний и не-

умолчным громом, сотрясающим небо, довершали и без того жуткую картину разыгравшегося сражения.

Все слилось в сплошной грохот. Не было слышно ни криков команд, ни стонов раненых и умирающих людей. Силы белых были на пределе. А партизаны, плотно прижимаясь к земле, не поднимая головы, ползали метр за метром вперед, не прекращая прицельного огня и не обращая внимания на пули и взрывы снарядов. Они двигались неотвратимо, как степной пожар, и, казалось, не было такой силы, которая смогла бы их остановить. Приблизившись вплотную к белогвардейской цепи, партизаны поднялись и с громовым «ура» бросились в атаку.

И беляки не выдержали — в панике бросились к берегу. Напрасно офицеры пытались остановить беглецов: что тут сделаешь криком и револьвером, когда вокруг грохочущий ад и захлестывающая партизанская лава? За какие-то мгновения спасающиеся каратели забили паромную площадку, паромные лодки, цепляясь за все, за что можно было ухватиться. Опоздавшие кидались в воду вслед за отчалившим паромом, цепляясь за борта лодок и даже за паромный руль. Об управлении никто и не думал. А паром, едва набрав скорость, покачнулся под тяжестью повисших на нем белогвардейцев, зачерпнул бортами воду — и пошел ко дну. Страшный вопль повис над рекой. Охваченные ужасом каратели хватались друг за друга и тонули массами.

А к берегу подбегали все новые и новые толпы болотовских вояк. Некоторые тащили доски и бревна, надеясь на них переплыть реку. Другие уповали лишь на бога и, наскоро пробормотав молитву, кидались в бурные волны. Но безжалостный холодный Енисей не щадил никого. Мало кому удалось одолеть его в эту страшную ночь.

Вслед за пехотой к берегу стали подъезжать казаки. У них было больше шансов выйти живыми из воды — ведь у них были лошади. Но как только они входили в воду, на них кидались кучи обезумевших пехотинцев — и лошади шли ко дну вместе с людьми.

Сам Болотов с небольшой группой казаков и офицеров одним из первых переправился через Енисей. Разбитый «полководец» бежал к Турану, бросив ос-

татки своего разгромленного партизанами воинства.

Бой закончился. Тяжелая черная туча, прогремев в последний раз, ушла в Монголию, так и не сбросив на опаленную землю ни капли дождя. Быстро стутились сумерки. Прекратилась стрельба. В ночной тишине слышались только протяжные стоны раненых и умирающих.

В одиночку и небольшими группами бродили по полу партизаны, отыскивая своих среди раненых и убитых. За эту ночь в госпиталь доставили 44 раненых. Член Армейского Совета Гапонов сортировал пленных. Казаков и добровольцев — отдельно от мобилизованных. Немало «бравых вояк» сняли с островов. Продрогшие, в одном белье, они производили жалкое впечатление.

Весь следующий день партизаны собирали оружие, ловили брошенных казаками лошадей. Много винтовок, револьверов и прочего выудили они из Енисея. Выли захвачены даже две пушки, вполне исправные. Правда, без замков. Но разве в панике боя можно было далеко унести замки? Их нашли довольно быстро. И не без помощи пленных артиллеристов. Теперь у партизан появилась своя артиллерия.

Всего в белоцарском бою, кроме пушек, было захвачено четырнадцать пулеметов, около двух тысяч винтовок, двести тысяч патронов, около тысячи снарядов, много казачьих пик, лошадей с седлами и другие трофеи. Плюс к тому более трехсот пленных³⁹.

Немало тревожных минут пережили за время боя ушедшие вместе с армейским обозом из Белоцарска семьи партизан и находившиеся при них раненые. Кто скажет, сколько перенесла за эту ночь жена Щетинкина Васса Андреевича с двумя маленькими дочками и годовалым сынишкой, вслушиваясь в отдаленный грохот боя, а затем в не менее тревожную тишину? Кто победил? Только к утру до них дошла радостная весть: наша победа! Обоз тронулся в обратный путь.

Вероятно, больше других радовался возвращению в Белоцарск начальник снабжения армии С. Е. Сухорослов. Ему не удалось вывезти часть армейского имущества при эвакуации, и он сразу же кинулся к складам. Замки были целы. Белки, как видно, не успели до них добраться.



Бывший партизан генерал-майор В. Г. Шлагин у памятника-обелиска на братской могиле партизан, погибших в Белоцарском бою

ченко, П. П. Петров, боевые друзья.

— Своей смертью они открыли нам путь к победе,— говорили они.— Клянемся, что мы отомстим за их смерть и не прекратим борьбы до полной победы над врагом.

Зазвучали траурные мотивы революционных песен «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и «Замучен тяжелой неволей». Трехкратными залпами из всех видов оружия партизаны почтили память погибших товарищей. Позднее партизанский поэт Тимофей Рогозин по-

На высоком берегу Енисея, в самом центре города, готовили братскую могилу для погибших партизан. За все время своего существования партизанская армия впервые понесла такие потери: более восьмидесяти убитых и раненых. Траурный митинг открыл С. К. Сургуладзе.

— Они шли в бой с мечтой о счастье будущих поколений и отдали за это самое дорогое — жизнь, — говорил он. — Они умерли, но мы, их боевые друзья и товарищи, подхватим из их рук наше боевое знамя и понесем его вперед, к победе. Мы отомстим врагам за их смерть.

На митинге выступили А. Д. Кравцов,

цитил им свое стихотворение, напечатанное в нашей газете «Соха и Молот».

За Саянским хребтом, в Уряхайском краю,
За Советскую власть пали братья в бою.
Ни свечей восковых, ни парчи, ни попов,
Ни риданий, ни слез не видать у гробов.

Не видать и ни жен, ни сестер, ни детей,
Ни отцов-стариков, ни старух-матерей.
Все тут братья и дети семьи трудовой,
И все спасны волей борьбы лишь одной.

Но начали печать на всех лицах лежит
И о чем-то тяжелом для всех говорит.
Но порой та печаль превращается в месть
И готова весь мир буржуазный разнеть.

Речь борьбы, как огни, с тех курганов лилась,
Да знамена над прахом висели, склоняясь.
Да лишь эхом прошел троекратный салют:
Спите, павшие с честью за Волю, за Труд.

Вместе с П. Е. Щетинкиным несколько партизан сделали вокруг могилы деревянную оградку. На высоких столбах прибили доску и на ней написали:

*Братская могила
товарищей солдат Крестьянской армии,
павших в бою с врагами трудового народа
в Белоцарском бою 16 августа 1919 года
Мир праху вашему!*

И фамилии похороненных партизан: Кузьма Сопов, Андрей Ташин, Александр Пахитов, Алексей Матвеев, Алексей Олесов, Осип Гуморский, Григорий Иванов, Михаил Барановский, Михаил Соколов, Лукаян Мальцев, Николай Виноградов, Григорий Кукушкин, Михаил Белехов, Илья Греков, Иван Саханько, Филипп Петров, Никита Туров, Фрол Цабулов, Дмитрий Прокопович, Федор Константинов, Александр Шевчук, Феодосий Жулаев, Михаил Иванов, Иван Устинов, Осип Рыбинский, Иван Михневич, Андрей Букалов, Фома Тарасюк, Тимофей Шиханцев, Василий Романовский, Василий Андреев, Иван Кокорев, Андрей Захаровский, Карл Рудус, Василий Котельников, Сергей Курохтин.

Через день в братскую могилу положили умерших от ран Александра Водолеева, Платона Проценко, Зиновия Пескова, Антона Шмидта и двух неизвестных

партизан Манского полка, изрубленных до неузнаваемости белогвардейцами. А еще через день похоронили там же четверых партизан, погибших от взрыва пороха в оружейной мастерской.

В день похорон в Белоцарск приехала монгольская делегация во главе с нойоном Хатан-Батором Максаржабом. Максаржаб поздравил партизан с победой и сказал, что он стоял на высокой горе с подзорной трубой и наблюдал за ходом боя.

— Очень хорошо дрались ваши солдаты. Очень хорошо, — повторил он.

Эти слова не были простой лестью. Два года спустя Максаржаб возглавил восстание аратов в Западной Монголии и участвовал в разгроме банд барона Унгерна, за что был награжден орденом Красного Знамени. Конечно же, его симпатии были не на стороне колчаковцев.

Князь передал Кравченко ответные послания бодгээна на наши письма и «благосклонное» разрешение пройти через Монголию на запад. Но партизаны уже не нуждались в этом разрешении.

В тот же день был сформирован сводный отряд кавалерии под общим командованием Мартына Жалнерчика. Перед ним была поставлена задача догнать и добить остатки бежавших белогвардейцев и произвести разведку вплоть до Саянской тайги.

Кавалеристы выехали рано утром. Двигались медленно, тщательно осматривая дорогу и выпуская глубокие боковые дозоры, но нигде ничего подозрительного не обнаруживали. Особенно тщательно обследовали горный хребет, по которому шла дорога до Ююка.

К Турану подъезжали осторожно. Еще издалека услышали глухие раскаты взрывов. Оказалось, что это Болотов приказал взорвать оставшиеся здесь склады боеприпасов. Спасти ничего не удалось.

Беднота Турана встретила партизан радушно, а казаки и зажиточное крестьянство — с явным недоброжелательством и страхом: здешние села и станицы «отличались» не одной зверской расправой над советскими активистами. В Ююке еще до нашего прихода кулаки убили первого председателя Уринхайского кра-

евого Совета С. К. Беспалова и заведующего земельным отделом Н. Г. Крюкова. В Туране прямо в телеге зарубили вместе с женой крестьянин Кошелева, подняли на штыки Антона Баранова. Погибая, он успел только крикнуть: «Прощайте, товарищи! Умираю за Советы!» В Ююке же бологовские каратели зарубили шашками Александра Азарова и его жену, крестьянину-бедняка Смагина и многих других, сочувствующих Советам.⁴⁰

Местным кулакам было из-за чего бояться и ненавидеть Советскую власть. Недаром многие из них, замешанные в этих убийствах, бежали и попрятались в леса при появлении партизан.

Разведав окрестности Турана, разведчики двинулись дальше. По мнению населения, остатки белогвардейцев не могли уйти далеко и прятались где-нибудь на богатых землях. Нужно было быть предельно осторожными, чтобы не напороться на засаду: в горах и в лесу спрятаться совсем нетрудно. Приходилось тщательно обшаривать каждую землю.

Не доехав километра четыре до маральника Путинцева, конники остановились на привал. Но не успели они еще как следует расположиться, как заметили человека, крадущегося сквозь черемуховую чащу. Увидев, что он обнаружен, человек попытался скрыться, но безуспешно. После недолгого запирательства задержанный признался, что его отправили разведать дорогу находившиеся у Путинцева «гости» — человек двадцать офицеров и рядовых казаков.

Враг рядом! Тут уж не до привала. Оставив лошадей, партизаны незаметно окружили усадьбу. Последние десятки метров они преодолевали ползком. На воронце дома, освещенные последними лучами заходящего солнца, сидели за столом несколько офицеров. Здесь же были женщины и дети. Выбрав наиболее удобный момент, партизаны открыли огонь, тщательно целись в офицеров.

Загремели ответные выстрелы. Белогвардейцы не жалели патронов и стреляли беспрерывно. Но это была стрельба наугад. Пули летели мимо. Партизаны же вели прицельный огонь. Беляки сопротивлялись с упорством обреченных. Когда же разведчикам, наконец, удалось захватить землю, в доме уже некому бы-

ло сопротивляться. Всюду валялись убитые и тяжело раненые. Дети и женщины не пострадали. Они укрылись в подполье и там переждали бой.

Хозяева дома рассказали, что среди офицеров находился и Бологов. Когда открыли огонь, он сидел вместе с другими на веранде и был ранен двумя пулями после первого же залпа. Офицеры подхватили своего командира под руки и через задний двор вынесли в лес. Там на самодельных носилках по тропам его доставили на станцию Арадан. А 31 августа белогвардейская газета «Минусинский край» сообщила: «Вчера в Минусинск прибыл Бологов, раненный в ногу и в грудь».

Так бесславно закончилась карательная экспедиция атамана Бологова по «разгрому» партизанской армии.

Поход на Минусинск

Еще в Баджее, перед выходом в тайгу, партизансское командование старалось разработать маршрут движения своей армии с далекой перспективой. Предварительно решили, миновав Минусинский уезд, следовать через Саяны в Урянхайский край. А дальше? П. Е. Щетинкин предложил идти затем в Туркестан, на соединение с Красной Армией. С этим предложением особенно не спорили, потому что не только Туркестан, но и Белоцарск казались еще слишком далекими, чтобы спорить об этом серьезно.

Спор о дальнейшем маршруте остро встал на повестку дня, как только армия вступила в Урянхайский край. И сразу выяснилось, что противников предложения Щетинкина гораздо больше, чем сторонников. Собственно, его безоговорочно поддерживали только североачинцы. Кое-кто предлагал идти через тайгу в Иркутскую губернию на соединение с партизанским отрядом Каландарашвили. Некоторые предлагали вернуться назад в южные районы Канско-Нижнеудинского уездов. Сам командующий А. Д. Кравченко также более склонялся к походу в Иркутскую губернию или же в Минусинск.

Против похода в Туркестан резко выступал начальник главного штаба армии А. Т. Иванов.

— Путь до Ташкента, — говорил он, — это несколь-



А. Д. Кравченко (слева) и П. Е. Щетинкин. 1919 г.

ко тысяч километров по безводным степям, по пустыне Гоби. Это высочайшие снежные вершины Тянь-Шаня, которые нужно преодолеть, чтобы выйти на город Верный (Алма-Ата), откуда до Ташкента еще шагать да шагать.

В своем докладе Армейскому Совету А. Т. Иванов предлагал напасть на Бологоva, очистить от белогвардейцев Уральский край и усинскую пограничную зону. «Тогда, — писал он, — мы станем хозяевами положения и можем спокойно готовиться на зимние квартиры или же начать будировать Минусинский уезд... А поход на запад — предприятие фантастическое...»¹¹.

И вот свершилось то, о чем только могли мечтать партизаны: Бологоv разбит. Теперь перед нами открыты все пути. Но какой единственный выбрать из них? О Туркестане вопрос уже не стоял, однако разногласия в выборе маршрута оставались. Для их разрешения 21 августа в Белоцарске был создан Армейский съезд.

На съезде А. Д. Кравченко сделал доклад о Белоцарском бое, о его огромном значении в дальнейшей судьбе партизанской армии, рассказал о последней стычке с белогвардейцами у маралника Путищева. На обсуждение съезда, сказал Александр Диомидович, выносятся два предложения, куда идти дальше нашей армии: на Минусинск или через Саяны на Алтай, где, как писали белогвардейские газеты, оперируют крупные партизанские отряды. Идти, чтобы объединиться с ними и вместе бороться с белогвардейцами.

Автором предложения похода на Алтай, так же, как и похода в Туркестан, вновь был П. Е. Щетинкин. Он не надеялся на поддержку минусинских крестьян и не верил в возможность образования на территории Минусинского уезда устойчивого партизанского фронта. В своем решении он был тверд, энергично отстаивал его и в спорах проявил прямоту и резкость. Это придало обсуждению вопроса характер особенной остроты и непримиримости.

А. Д. Кравченко был сторонником похода на Минусинск. Его поддерживали партизаны Канского и Манского полков и большинство Армейского Совета. Представители Североачинского и Тальского полков высказывались за предложение П. Е. Щетинкина. За Мину-

синск стояло подавляющее большинство партизан, пришедших из Заманы и Минусинского уезда. Дорога в Минусинск была знакома и приближала к родным местам. Поход на Алтай, наоборот, пугал полной неизвестностью.

Наконец, после шумного и длительного обсуждения, вопрос поставили на голосование. Большинство проголосовало за Минусинск. Щетинкин заявил свое несогласие с таким решением и покинул съезд. Председательствующий С. К. Сургуладзе объявил перерыв.

Во время перерыва Кравченко, посоветовавшись с Сургуладзе и Ивановым, решил еще раз переговорить с Щетинкиным, чтобы не допустить раскола армии.

Разговор получился дружеским и откровенным.

— Я понимаю тебя, Александр, — сказал Щетинкин, — и сам не хочу раскола. Настаиваю же на походе на Алтай только потому, что там мы найдем уже готовую и надежную базу партизанского движения. Наш приход усилит ее и сделает наше положение более устойчивым и прочным. А в Минусинске мы уже были и знаем, что там ничего этого нет. Население подтаежных деревень отнеслось к нам сочувственно, но настоящей помощи мы от него не видели. А в крупных, степных селах нас встретили белогвардейские дружины. Ведь регулярных белых войск там не было и воевали-то мы с местными казаками и дружинами. Можно не сомневаться, что эти дружины и сейчас встретят нас огнем. Разгром Бологоva еще не значит, что дорога на Минусинск открыта. Вероятно, в Минусинск уже направлены из Красноярска свежие силы. Готовятся к бою и минусинские дружинники. Вот почему я думаю, что дорога на Минусинск может быть не только трудной, но и непроходимой. А вот по дороге на Алтай эти трудности исключены.

— Выслушай, Петр, и мое откровенное мнение, — ответил Кравченко. — Дорогу на Алтай мы не знаем: открыта она или закрыта. Вполне возможно, что ее занимают белые и устроят нам такую ловушку, что ни один не уйдет. Наше решение идти на Алтай не останется в секрете. О нем завтра же будет сообщено колчаковскому правительству, которое на этот раз примет все меры, чтобы разгромить нас. К тому же Алтай большой и где эта база партизанского движения, о ко-

кого князя был отклонен. Окончательное решение вопроса съезд отложил до восстановления Советской власти в Сибири. Партизанское командование предупредило, что любая попытка нарушить это постановление будет пресечена силой оружия.

Съезд постановил также организовать для самоуправления местные Советы. Для урегулирования спорных вопросов с монгольской администрацией создали специальную комиссию.

Партизанская армия готовилась к походу на Минусинск. Она значительно выросла после Белоцарского боя за счет пополнивших ее добровольцев — местных жителей. Формировались новые части, приводилось в порядок новое оружие. Мастерские работали день и ночь. Из Верх-Никольского и из деревень верховьев Малого Енисея тянулись обозы с ранеными, с имуществом армии, эвакуированные туда в момент опасности.

Из захваченных в бою орудий формировалась партизанская артиллерия. Командиром ее назначили опытного артиллериста С. Г. Шпагина. Его помощником стал Будник. Наводчиками Шпагин взял Шрома и Сорокина. В орудиях не хватало прицелов. Шпагин сам сделал чертежи, по которым слесарь В. Масленкин выточил прицелы, не уступающие заводским. Пробные стрельбы показали хорошие результаты. Теперь на вооружении партизанской армии стало новое грозное оружие. Потом оно не раз выручало нас в сражениях, помогая добиваться победы малой кровью.

Переформировалась и партизанская кавалерия. Более пятисот лошадей взяли партизаны в Урянхае (в основном, из сафьяновских табунов, вскоре обучив «неуков»). В каждом полку сформировались эскадроны. Значительно вырос и Канский эскадрон.

Обозы полковых Советов совместно с отделом снабжения армии заготовили на всю дорогу необходимое количество продуктов. Не хватало подвод (не возьмешь же лошадей и телеги у крестьян в разгар уборочных работ). Многие отправились в путь пешком.

Двигались медленно (на подводу приходилось по пять-шесть человек). В Туране манцы устроили торжественные похороны своего соратника и однополчанина Володи Данилкина. Герой по-прежнему лежал в степи, там, где его настигла смерть. На похороны вместе с боевыми друзьями отважного разведчика пришла жена Данилкина с девятимесячной дочкой Катей на руках. Прощальный салют прокатился над горами. На могиле Володи бойцы поклялись драться за великое дело революции, не щадя жизни, как дрались он.

С. Г. Шпагин — командир артиллерии партизанской армии



Разгром Бологова под Белоцарском вызвал крайнюю растерянность белогвардейского командования. Оно всеми силами старалось замолчать очевидные факты: в белогвардейских газетах не было ни строчки о белоцарском бое. Только когда молчать стало невозможно, красноярская колчаковская газета «Свободная Сибирь» 27 августа 1919 года напечатала коротенькое сообщение:

«На внутреннем фронте (сообщается в связи с паническими слухами из Усинска). Отряд Бологова, преследовавший красных, уходящих в Урянхай, имел с ними столкновение под Белоцарском, после чего отступил свои силы к селу Усинскому, где занял переправу. В этом районе наступило затишье. Красные попы-

ток к наступлению не делают. В остальных районах тихо — происходит вылавливание небольших шаек красных разбойничьего характера».

Аналогичное сообщение напечатала 30 августа 1919 года и газета «Минусинский край».

Перетрусившая буржуазия была успокоена этими лживыми сообщениями. Но недолго. Уже на следующий день та же минусинская газета сообщила о прибытии тяжелораненого Болгова. Разгром карателей под Белоцарском перестал быть секретом.

Теперь белогвардейское командование, наоборот, громковещательно объявляло о грозящей опасности, призывая население браться за оружие, чтобы остановить движение партизан на Минусинск. Кадровых воинских частей не хватало. Стали собирать дружины, куда записывалась преимущественно учащаяся молодежь: гимназисты, реалисты, семинаристы Минусинской учительской семинарии — дети буржуазии и чиновничества.

Кое-как собрали 600 человек, наскоро ознакомили с оружием и отправили по Усинскому тракту. У станции Иджим дружины объединились с остатками болотовского отряда и подготовились здесь встретить красных.

Узнав о засаде, партизанский штаб разработал такой план боя: Щетинкин с Тальским полком разгромит белых и погонит их по Усинской дороге. А Кравченко с Манским полком к тому времени по таежной тропе выйдет на 125-ю версту, к станции Арадан, в тыл объединенному белому отряду, чтобы добить там бегущих белогвардейцев. В том, что они будут убивать под нашими ударами, командиры не сомневались.

Но осуществить этот план не удалось. Очень уж трусоватыми оказались бойцы этого наспех сколоченного отряда беляков. Даже непонятно было, кто оказался трусивее: необстрелянные гимназисты или битые болотовцы. Но только после первых же партизанских выстрелов у Иджима те и другие кинулись бежать и бежали так резво, что Кравченко с Манским полком не успели выйти через тайгу им наперехват.

Опомнились каратели только на 57-й версте, в районе станции Оя. Там они получили еще одно не-

большое подкрепление из Минусинска и набрались духа противостоять объединенными силами партизанам, преследующим их по пятам.

Здесь, на самой вершине Саян, П. Е. Щетинкин, идущий в авангарде с кавалерией и Тальским полком, созвал совещание командиров, чтобы обсудить план предстоящих действий. Совещание было коротким. Решили отправить в тыл белым батальон Тальского полка под командованием А. М. Марченко, а самим ударить в лоб.

И снова затяжного боя не получилось. Правда, Марченко несколько ошибся и вышел во фланг противника, но исправлять ошибку не стал и повел бойцов в атаку. Не ожидавшие появления здесь красных беляки сразу кинулись бежать. Человек двести с перепуту убежали в тайгу и потом долго блуждали там, не зная, как выбраться из чащи. Остальные, разбившись на мелкие группы, без сопротивления отступили к Григорьевке.

Этот день, по воспоминаниям П. Е. Щетинкина, закончился так: «Вечером прибыли на 17-ю версту. Шел дождь. В здании станции расположились белогвардейцы. Пришлоось выгнать и укрыться от дождя в помещении».⁴²

До выхода из тайги осталось 17 километров. Можно было предполагать, что именно там партизан будут ожидать крупные силы белых. Поэтому П. Е. Щетинкин, посоветовавшись с А. Д. Кравченко, решил произвести тщательную разведку. Взяв с собой пятнадцать кавалеристов, Петр Ефимович выехал в Григорьевку. Белых там не было. Не оказалось их также ни в Верхнем Кебеже, ни в Салбе, ни в Ермаковском, ни в Ивановке. Они обнаружились только у Думной горы.

Собрав свои последние силы, белогвардейцы решили сделать еще одну попытку остановить партизан здесь, в 30 километрах от Минусинска. Думную гору опоясали окопы, около нее залегли густые цепи белых.

Подойди почти вплотную к горе, партизанское командование применило испытанный прием: Кравченко с Тальским полком остался демонстрировать наступление и вести шумную перестрелку с белыми, а

Щетинкин с манцами обошел белое воинство и ударил с тыла.

В своих воспоминаниях П. Е. Щетинкин так рассказывал об этом бое:

«Дело сложилось проще, чем думалось. Зайдя в тыл, то есть, к Даниловскому заводу, и захватил резервные части отряда белых, оказавшихся новобранцами. Когда винтовки были безоговорочно сложены, несколько человек из плленных побежали вперед предупредить передовые цепи, что драться не стоит, что в тылу уже все сдались. Мы заняли Даниловский завод 12 сентября. Чувствовалось, что сильного отпора белые дать уже не могут»¹¹.

Да, белые не могли уже сопротивляться и, не заходя в Минусинск, отошли к селу Городок.

Утром 13 сентября Манский и Тальский полки под общим командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина вступили в Минусинск. Минусинские богатеи, захватив пароходы, бежали вниз по Енисею. На пристани возвышались горы брошенных в панике военных грузов.

Так закончился Саянский поход партизанской армии, длившийся почти три месяца.

На улицы навстречу партизанским полкам высыпали и молодые, и старые, женщины и дети. Всем хотелось увидеть освободителей, поговорить с ними, а мальчишкам — пройтись рядом, пощупать оружие. Женщины угождали бойцам арбузами, помидорами и стряпней. Появились красные знамена. Сам собой вспыхнул короткий летучий митинг. Затем все двинулись по Большой улице на кладбище, чтобы отдать последний долг товарищам, казненным белогвардейцами. Над могилами павших борцов партизаны поклялись не складывать оружия, пока враг не будет разбит и уничтожен.

Минусинцы помнят этот знаменательный день, день освобождения от колчаковщины. В память о нем они назвали одну из улиц города Утро сентябрьское. В честь партизанских полков-освободителей названы улицы Канская, Манская, Тальская и Ачинская. Есть в Минусинске улица А. Д. Кравченко, площадь П. Е. Щетинкина. На домах, связанных с пребыванием партизан в городе, висят мемориальные доски.

День 13 сентября минусинцы торжественно отмечают каждый год. Это стало уже традицией. Из разных городов нашей родины приезжают на этот праздник бывшие партизаны — участники боевых походов 1919 года.

Городок — большое богатое село на берегу Тубы, в 25 километрах севернее Минусинска — стал главным оплотом беликов, надеявшихся добиться перелома в боевых действиях против партизан. Здесь собирались недобитые минусинские дружины. Сюда же ежедневно прибывало на пароходах подкрепление из Красноярска.

Партизанское командование, зная обо всем этом, решило не ждать нападения, а действовать. Рано утром 16 сентября, используя овраги и пригорки, Манский полк под командованием В. О. Гусева сумел окружить Городок с трех сторон. Открытыми остались только узкие полоски вдоль берега.

Атака началась одновременно по всему фронту. Выйдя из-за укрытий, наши бойцы сразу же попали под прицельный огонь противника. Невозможно было оторвать голову от земли — пули белых разили наверняка. К посисту пуль добавился басовитый голос артиллерии. Наступление захлебнулось.

Положение спасли подошедшие на помощь партизанские пушки. Прямыми попаданиями они вдребезги разнесли два пулеметных гнезда противника. Воспользовавшись ослаблением огня, партизаны снова бросились вперед и ворвались в село. Белогвардейцы могли бы еще сопротивляться, но в их рядах не оказалось единства. Насильно мобилизованная в «белую гвардию» крестьянская молодежь бросила оружие сразу же, как только дело дошло до рукопашной. Поредевшие белогвардейские цепи дрогнули и стали отступать к реке, где наготове стояли два парохода — последний надежда колчаковцев, еще недавно жаждавших реванша. Но не успели отступающие перескочить через борт, как слово снова взяли партизанские пушки. Пароходам пришлось спешно отчаливать. Но один все же не успел уйти. Прямое попадание снаряда в двигатель — и он, неуправляемый, поплыл по тече-

нию. У Листвягово его взяли на буксир и пришвартовали к берегу.

Теперь у отступающих белогвардейцев не осталось никакой надежды на спасение. Огромная масса людей в панике носилась по берегу. Залп из орудий, и они бросили оружие и подняли руки. По воспоминаниям П. Е. Щетинкина в этом бою было взято в плен 1500 человек, большое количество винтовок, около десятка пулеметов и т. д. С изгнанием беляков из Городка весь левый берег Тубы был очищен от белогвардейщины, а нависшая над Минусинском опасность ликвидирована.

Минусинская республика

В Минусинск прибывали возвращающиеся из Урянхайского края партизанские части и обозы. Командование и учреждения армии въезжали в новые квартиры. На центральной (Субботней) площади разместился президиум Армейского Совета и Главный штаб. В нижние этажи купеческих домов Вильнера и Пашенных вселились оружейные мастерские. Кравченко, Щетинкин и Иванов остановились в доме Смирнова. Центральный отдел снабжения занял дом Давыдова по Степной улице рядом со складами. Для госпиталя отвели помещение учительской семинарии.

Особенно много хлопот в эти дни было у снабженцев. Они организовывали работу хлебопекарен, передавали заказы пимокатам, ширникам, сапожникам, портным, открывали скотобойни. И надо отдать должное организатору всей этой работы С. Е. Сухорослову — под его руководством все делалось быстро и четко, все отданные начальником снабжения приказы выполнялись беспрекословно. Снабжение госпиталя взяла на себя А. И. Сухорослова.

К этому времени госпиталь был хорошо укомплектован кадрами медиков. Здесь, наряду с ранее названными нами фельдшерами Эллингаузом, Лузиным, врачом С. Г. Вологодским, появились новые специалисты: Жуковский, Ретих, Пролеско. В Урянхайском крае в партизанскую армию вступил Порфирий Порфириевич Ксюнин, ставший главным врачом армейского госпи-

таля. Впоследствии С. Г. Вологодский и П. П. Ксюнин за свою деятельность в рядах партизанской армии были награждены орденами Красного Знамени.

В Минусинске партизанам досталась довольно солидная полиграфическая база. Старые хозяева оставили на полном ходу две типографии с порядочным количеством бумаги, что позволило нам осуществить давнюю мечту: издавать свою газету.



Организацию газеты Армейский Совет поручил П. П. Петрову. Он и стал ее редактором. В газете сотрудничали А. К. Низовцев, Ф. Ф. Грабовский, В. С. Щукин, Г. Н. Попов, Ф. Кравченко, Е. В. Астапкова, Т. Петрова, Т. Рогозин, Р. Маркин, М. Низовцева, М. Крастынь, И. А. Анисимовский и другие. Все, в большинстве своем, бывшие учителя. Редакция располагалась в доме Метелкина на Соборной площади.

Газету назвали «Соха и Молот», как символ нерушимого союза рабочего класса и крестьянства. Первый номер вышел 21 сентября 1919 года. С этого дня «Соха и Молот» стала выходить ежедневно, кроме понедельника, тиражом 500 экземпляров. Сначала на четырех



Г. Г. Попов — военный корреспондент газеты «Соха и Молот», 1919 г.

ческие кружки под руководством артиста Тесли и вокальная группа под руководством Семена Цыганкова. Их выступления имели большой успех среди партизан и минусинского населения.

Одной из проблем, с которой вновь пришлось столкнуться партизанскому командованию в первые же дни, когда армия заняла Минусинск, была борьба с водкой. Огромные склады Минусинского водочного завода были переполнены этим зельем. И снова появились пьяные.

21 сентября на объединенном заседании Армейского Совета и Главного штаба вопрос о пьянстве рассматривался особо. Было решено принимать самые строгие меры к нарушителям дисциплины вплоть до расстрела на месте.

полосах, затем в целях экономии бумаги — на двух. С первого номера она стала нашей трибуной, организующим центром культурно-политической и административно-хозяйственной деятельности армии. Ее расхватывали моментально. Интерес к газете был велик не только у друзей, но и у врагов. В Новоселово по дошедшему до нас слухам «гостя» платили за номер по тысяче рублей — в тысячу раз больше ее стоимости.

По инициативе редакции были созданы русский и украинский драмати-

Большую роль в наведении порядка в городе в эти дни сыграла созданная партизанским командованием комендатура во главе с Я. Ф. Ксендзовым. Введение комендантского часа положило конец разгулявшейся было стихии.

С освобождением левобережья Тубы от белогвардейцев перед партизанской армией встала задача освободить от колчаковщины как можно быстрее всю территорию Минусинского уезда и создать здесь новую партизанскую республику. Нужно было строить свою работу так, чтобы население этих районов поверило, что с колчаковской властью покончено навсегда.

25 сентября открылся чрезвычайный уездный съезд крестьянских, рабочих и солдатских (партизанских) депутатов Минусинского уезда. На него было избрано 145 депутатов: 125 представителей сел и деревень, 17 от города и три от партизанской армии. Открывая съезд, председатель исполкома Армейского Совета С. К. Сургуладзе поздравил депутатов и всех жителей освобожденных от колчаковщины и представленных на съезде волостей с восстановлением Советской власти.

— Перед нами поставлена серьезнейшая задача, — сказал он, — дружным совместным трудом в тылу и на фронте закрепить наши завоевания.

С большой речью выступил на съезде командующий армией А. Д. Кравченко.

— Разгромив Бологова в белоцарском бою, — сказал в заключение Александр Диомидович, — наша армия очистила от белогвардейщины всю южную часть Минусинского уезда. Колчаковцы бегут, отдавая нам свое вооружение и боеприпасы. Сейчас наша армия растет и крепнет с каждым днем. Мы надеемся, что вы сделаете все для победы над врагом и очищения Сибири от интервентов и белогвардейцев.

Съезд выразил полное доверие Главному штабу и дал обещание во всем поддерживать Крестьянскую армию в борьбе за правое дело. Было принято специальное постановление, в котором единственной законной властью признавалась власть Советов. Съезд разработал и принял также законы Минусинской республики,

в основу которых легли законы первой партизанской республики — Степно-Баджейской.

День и ночь трудилась партизанская республика, восстанавливая подорванное колчаковщиной хозяйство, расширяя сферу своего влияния. Наша армия стала достаточно сильной, чтобы перейти к операциям по всему фронту — к освобождению правобережья Тубы.

24 сентября в Курагино вступила рота Тальского полка. Небольшой отряд белых, занимавший село, сбежал, как только партизаны начали форсировать реку. Тальцы же, не задерживаясь в Курагино, двинулись на Шалоболино. Узнав, что им навстречу направляются крупные силы белых, они устроили засаду. Не ожидавшие подвоха каратели в панике отступили.

Придя в себя и разобравшись в обстановке, белогвардейцы решили проучить дерзкую роту. На следующий день, окружив Шалоболино, чтобы не выпустить из него ни одного человека, они повели наступление. Колчаковцы не знали, что в ту же ночь, когда они драпали от малочисленной партизанской засады, в село с Североачинским и Тальским полками вступил П. Е. Щетинкин. Разгадав нехитрый план «мести» противника, Петр Ефимович вывел свои батальоны на его фланги и прежде чем тот понял, что воевать-то придется не с ротой, было уже поздно перестраиваться.

Первый же залп партизанской артиллерии разметал белогвардейский штаб. Оставшись без руководства и догадавшись, что они попали в западню, «мстители» кинулись бежать. Бегство было настолько стремительным, что пехота не могла угнаться за бегущими. Тогда в погоню бросился эскадрон кавалерии под командованием Ивана Парамонова. Азарт преследования был настолько велик, что всегда спокойный и выдержаный Щетинкин не удержался сам — вскочил на коня и вместе со всеми помчался за отступающими.

Одновременно с этим разгромил беляков в Листвягово Манский полк. Линия фронта вновь стабилизировалась: правый берег Енисея от Саянской тайги до села Абаканского (Краснотуренского) занимали партизаны, левый — белые. И та, и другая стороны накапливали силы для новых сражений. Белогвардейцы еще не рас-

талились с мыслью о захвате Минусинска, однако, видя, что форсирование Енисея на близких подступах к городу не дает результатов, решили попытать счастья в другом месте. Рано утром 16 октября колчаковцы повели наступление на Очуры, чтобы затем атаковать Минусинск с тыла.

Против батальона Василия Егорова (Тальский полк) выступило около тысячи белогвардейцев. Но, несмотря на значительное превосходство сил врага, тальцы держались непоколебимо. Только когда к тысяче атакующих прибавилось еще 400, наши бойцы стали отходить. Для прикрытия отхода на енисейском острове остались 40 человек во главе с Егоровым. Когда все благополучно переправились, группа прикрытия осталась на месте: все лодки ушли, да если бы они и были, нелепо делать из себя мишень, подставлять себя под прицельный огонь противника. Смельчаки поклялись друг другу биться до последнего.

От берега протоки до острова 15—20 метров. Едва первая цепь атакующих приблизилась к воде, как Егоров скомандовал: «Огонь!» Длинная пулеметная очередь и винтовочный залп почти начисто смели карателей. Только к вечеру колчаковцы отважились на новую вылазку. К этому времени у партизан почти кончились патроны. Пришлось делать вылазку и пополнить боеприпасы за счет врага. Они сразу же пошли в ход. И снова атакующий вал откатился назад.

Но и у партизан росло число убитых и раненых. Самого Егорова ранило в ногу, но он по-прежнему оставался в строю. Когда белых отбили, он послал двух бойцов за лодками. Те успешно переправились через Енисей и вернулись с лодками обратно. Скоро смельчаки соединились с остальным отрядом.

За весь этот бой партизаны потеряли убитыми и ранеными 25 человек. Потери противника выражались более внушительной цифрой — до 300 человек. Мужество и стойкость помогли нашим бойцам выйти из, казалось бы, безвыходного положения. После боя в Очурах белые больше не пытались форсировать Енисей на этом участке фронта.

Свою попытку они повторили на более близких подступах к Минусинску — у деревни Подсиней. При поддержке пулеметов и артиллерии колчаковцы потесни-

ли стоящий на охране города Канский полк, переправились через Енисей и.. оказались в крайне невыгодной позиции на незащищенному низком берегу. Канцы, закрепившись на горе, решительно отбивали все их попытки продвинуться вперед.

Однако партизаны понимали, что как бы удачно ни складывалась для них ситуация, долго сопротивляться они не смогут. Белые ждали только резервов и поччи, чтобы нанести решительный удар. Поэтому Кравченко, как только начался бой, послал за Тубу, где находились основные силы партизанской армии, ординарца, чтобы Щетинкин немедленно прибыл с ними для защиты Минусинска.

Бой шел весь день. В городе отчетливо слышалась не только артиллерийская и пулеметная, но даже ружейная стрельба. Но минусинцы уже привыкли к стрельбе, не верили в успех белых и продолжали жить и работать обычной жизнью. Вечером в театре, как обычно, состоялся спектакль. Шла пьеса А. Н. Островского «Без вины виноватые».

Часам к двенадцати ночи, когда в последний раз опустился занавес, белые уже исчерпали все свои резервы и продолжали драться из последних сил. Прибытие из-за Тубы партизанских полков решило исход схватки. Когда по окопам белых открыла огонь подошедшая артиллерия, колчаковцы поняли, что их дело проиграно и стали отступать к реке и дальше, на исходные позиции. Последняя попытка возвратить Минусинск провалилась. Утром, перейдя Тубу, партизаны погнали растрепанные белогвардейские части на север, к окончательному разгрому.

После боя у Подсиней на фронте наступило затишье, продолжавшееся более месяца. Столкновение с противником ограничивалось мелкими стычками. И все же дел у руководителей республики было хоть отбавляй. Нужна была большая осторожность и политическая гибкость, чтобы сплотить различные слои населения, не дать врагу перетянуть людские души на свою сторону. Когда в Белоцарске на Армейском съезде шла дискуссия, куда идти, некоторые товарищи не без основания сомневались, поддержат ли нас минусинские

крестьяне. К счастью, враждебное отношение мы встретили только со стороны кулаков, казачества и некоторой части городской и сельской интеллигентии. Естественно, что наши разногласия с кулаками и казаками решались силой оружия. А вот с интелигенцией дело обстояло значительно сложнее.

В газете «Соха и Молот» мы неоднократно обращались к минусинским учителям и учащейся молодежи активно включиться в общественную жизнь, встать на сторону революции. Но наши призывы остались без ответа.



Редакция партизанской газеты «Соха и Молот». Сидят на полу: Г. Рогозин, Х. Ханина (второй ряд слева); Ф. Кравченко, А. Ницовцев, П. Петров, В. Шукшин; стоят: Т. Перова, Е. Астанкова, Г. Маркин

Для разрешения всех возникших проблем 15 октября был создан учительский съезд. Уже при обсуждении повестки дня разгорелись жаркие споры. Многие не хотели включать в нее «текущий момент», до-

казывая аполитичность школы. Учитель Цувыркалов заявил, что текущий момент можно рассматривать в государственном масштабе: «Минусинская колокольня не колокольня всей России, а только на сто верст». Его поддержала учительница Щербакова: «Все основано на слухах. А вдруг завтра или послезавтра придут казаки и придется отвечать собственной шкурой?»

После шумных прений «текущий момент» все же включили в повестку. Доклад делал П. Петров. Спор вновь разгорелся при обсуждении, какую власть признать законной. Поступило две резолюции. Первая предлагала признать ту форму истинного народовластия, которую выработает Учредительное собрание. Вторая предлагала стать на платформу Советской власти и считать своей прямой обязанностью поддерживать Крестьянскую армию. После длительных дебатов большинство съезда проголосовало за... третью, призывающую учителей... «не обращая народной школы в орудие политической борьбы, принять самое деятельное участие в развитии гражданского самосознания народа в целях осуществления подлинного народовластия».

Учителя не могли не знать, что колчаковское правительство и земцы кричали тогда, что именно они представляют собой подлинное народовладение. Поэтому было ясно, на кого ориентировалась принятая резолюция. Колчаковцы не могли бы упрекнуть минусинских учителей в нелояльности.

Отицательная позиция учителей к борьбе с колчаковцами не могла не оказать своего влияния и на молодежь, особенно на учащихся. С первых же дней работы агитотдел поднял вопрос об организации Союза молодежи. Долго не удавалось прийти ни к какому решению. И только благодаря исключительной настойчивости и энергии минусинских девушек Хаси Ханиной, Клавы Липинской и других была, наконец, создана молодежная организация — Союз Социалистической молодежи. О том, что в центральной России уже год существует Союз Коммунистической молодежи, мы узнали только тогда, когда в начале 1920 года партизанская армия вступила в Красноярск и соединилась с 5-й армией.

Но «нейтралитет» минусинской интеллигенции ни-

как не сказывался на отношении к нам основной массы крестьянства. Едва партизанская армия вступила в Минусинский уезд, как со всех сторон к ней потянулись добровольцы, начались пожертвования. Уже 23 сентября газета сообщала, что Б.-Ничкинское сельское управление «честь имеет представить в Главный штаб Кр. армии пожертвованного хлеба и проч. два воза и денег 685 рублей 17 коп. для армии доблестных храбрых войск»⁴⁴.

Пожертвования были самые разнообразные. Газета «Соха и Молот» регулярно печатала сообщения о них и от лица всей армии благодарила за внимание и поддержку. «Помните, товарищи, одно, — писала она. — Только с вашей поддержкой наша армия в силах вести борьбу с ненавистным нам врагом и давать ему должный отпор»⁴⁵.

Свидетельствовал о положительном отношении крестьянства к нашей армии и приток добровольцев. Они шли к нам ежедневно: в одиночку, группами и целыми отрядами. Одним из первых прибыл в Минусинск отряд, организованный Лыткиным, за ним — отряд имисцев: 400 человек, в том числе 60 кавалеристов. Почти все со своим оружием. У Главного штаба вновь прибывших приветствовали Кравченко и Щетинкин. Командование благожелательно относилось к организованным отрядам: в их ряды труднее было проникнуть врагам. От добровольцев-одиночек требовали справки из местного Совета о политической благонадежности.

И все же, несмотря на большой приток добровольцев, мы не отказывались от проведения мобилизаций. Мобилизации были удобны армии по нескольким причинам: во-первых, они обеспечивали нужный и однородный возрастной состав, во-вторых, за мобилизованных отвечал сельский Совет, а, значит, это были проверенные люди. В-третьих, мобилизация спомала ответственность с партизанских семей перед колчаковцами: можно было объяснить карательям, что красные мобилизовали молодежь насильно.

Но при всем при том партизанская армия оставалась в принципе добровольческой. Никто не преследовал за уклонение от службы в ее рядах. Молодежь же, как правило, с нетерпением ждала распоряжений о мо-

билизации. В редакцию газеты «Соха и Молот» был передан для опубликования любопытный документ, поступивший в Главный штаб от Кочергинского волостного Совета. «Есть слухи, — говорилось в нем, — что в соседних волостях (Маломинусинской, Сагайской и др.) производится мобилизация фронтовиков призыва 1915, 1916, 1917, 1918 годов. Крестьяне недовольны тем, что такого распоряжения почему-то нет в нашей волости. Если слухи эти соответствуют действительности, то просьба прислать с нарочным распоряжение о призывае в ряды Крестьянской армии фронтовиков указанных годов, а также сообщить о дне мобилизации и дне явки в город Минусинск»⁴⁶.

Более десяти тысяч минусинских крестьян вступили в нашу армию. Минусинцы прочно и навсегда связали свою судьбу с вооруженной борьбой за власть Советов.

Борясь за укрепление партизанских рядов, Армейский Совет и Главный штаб в то же время проводили большую работу по разложению вражеских сил. Уже в третьем номере «Сохи и Молота» было напечатано обращение Главного штаба к беженцам с призывом вернуться по домам и приступить к мирному труду. Это обращение печаталось в нескольких номерах, и постепенно в город вернулись все, кто не запятнал себя кровью борцов за Советскую власть.

Затем в газете появились статья Андрея (Низовцева) «Офицерство и его роль в истории революционного движения». В ней, ссылаясь на декабристов, лейтенанта Шмидта и других передовых людей русского общества, автор доказывал, что передовые офицеры нашей родины всегда находили достойное место в рядах революционеров.

Начиная с 7 октября, в нескольких номерах газеты печаталось объявление: «Главный штаб Крестьянской армии доводит до сведения, что казакам, перешедшим к нам и сдавшим оружие, штаб гарантирует неприкосновенность личности... Все, приходящие за прощением, — писала газета, — будут прощены».

С большим возванием к солдатам-колчаковцам через газету «Соха и Молот» Главный штаб вновь обратился 30 октября:

«Вы, новобранцы, дети трудового народа, зачем же вы находитесь до сих пор в рядах своих врагов? Ваше место у нас, своих братьев по труду. Переходите к нам с оружием в руках! К вам наше слово, казаки и мелкое офицерство! Откажитесь поддерживать диктатуру нагайки⁴⁷ и идите к нам, ведите с собой свои команды!.. Обещаем вам полную неприкосновенность личности и гарантируем свободу...»

ПЕРЕХОДИТЕ ВСЕ! Этим вы приблизите время всеобщего мира, которого жаждет человечество. Довольно крови! Довольно рыданий и слез! Довольно братоубийства! Да здравствует единение трудающих!»

Подобные обращения находили отклик не только среди колчаковских солдат-новобранцев, но и у казачества. Так, после публикации одного из них в с. Казанцево пришли с левого берега двадцать сунтуцких казаков и сдали семнадцать винтовок и один наган. Казаков распустили по домам. Через некоторое время в Главный штаб поступил протокол Нижнесунтуцкого сельского общества. В нем говорилось: «Мы, бывшие сунтуцкие казаки, желаем раз и навсегда сплотиться в крепкий стальной щит, дабы уже больше не разорвала нас никакая предательская сила, — ни колчаковская, ни офицерская, и мы со своей стороны просим (и даже требуем) казаков, которые воюют против трудового народа, сложить оружие и не поддерживать больше власть буржуазии и всех тех, кто нас ввел в заблуждение... Желаем поддерживать Крестьянскую армию всем, чем только можем...»⁴⁸

Этот документ также был полностью напечатан в газете «Соха и Молот» и, конечно, сыграл свою роль в разложении вражеской армии. Нижний Сунтуц считали довольно крепкой казачьей станицей, и с нею считались.

9 ноября к нам пришли шесть белогвардейских солдат и сдали шесть винтовок и 70 патронов. Во время разговора в Главном штабе неожиданно выяснилось, что один из перебежчиков — родной брат нашего партизана. Нельзя было без слез смотреть на их встречу. Перебежчики рассказали, что белые не доверяют мобилизованным солдатам, на посты вместе с ними ставят казаков⁴⁹.

И недоверие это было вполне обоснованным. Дезертирство из белой армии продолжалось. 21 ноября к нам перешли 37 солдат с 37 винтовками. Кроме того, они были принесли пулемет «колоц» и 11 пулеметных лент.

На смену перебежчикам белогвардейское командование направило самую надежную, по его мнению, сводную роту. Но на следующую же ночь по приказу фельдфебеля Алексея Валуева арестовала командир избытии поручика Фролова и в полном составе и лет фельдфебеля арестовала команда роты оружием перешла на сторону красной расы со всем вооружением и выяснила, что некоторые анкетные данные прибывших перебежчиков в столцовую. Здесь их хорошо покормили и даже угостили водкой. Скованность и неуверенность окончательно пропали. Перебежчики заулыбались, заговорили, словно попали в гости к старым добрым друзьям.

Пришел А. Д. Кравченко. С любопытством и с некоторым страхом смотрели на него недавние колчаковцы. Александр Диомидович сел к ним за стол и стал расспрашивать о житье-бытье, о настроениях среди солдат. И те сразу прониклись к нему доверием, рассолдат.



На снимке слева направо сидят: А. Д. Кравченко, М. Савинский, А. Магда; стоят: С. Семашев, А. Калягин, М. Жалперчик, П. Иванов.

сказывали обо всем откровенно, без утайки. Затем командующий подозревал к себе поручика Фролова. Поговорив с ним обо всем, что его интересовало, Кравченко отпустил поручика домой, благо дом Фролова был рядом, в Минусинске.

— Надеюсь, что вы больше не поднимете оружие против своего народа, — напутствовал он его на прощанье.

Перебежчики были поражены оказанным им приемом. И написали о том, как их встретили, своим знакомых, остававшимся еще на том берегу Енисея. Когда письма дошли до адресатов, поток перебежчиков еще более увеличился.

Колчаковская армия разлагалась, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Колчаковский военный министр барон Будберг писал в эти дни в своем дневнике: «Если подсчитать наш актив и пассив, то получится самый мрачный вывод... за нас офицеры и то не все... за нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага. Все остальные против нас, частью по настроению, частью активно».

Но несмотря ни на что, белогвардейское командование Енисейской губернии все еще надеялось отвоевать Минусинский уезд и накапливало силы. Генералы Барановский и Попов разрабатывали планы наступления. Минусинский уезд им был нужен, как никакой другой. Он был богат материальными ресурсами — хлебом, мясом, шерстью, табунами степных лошадей. В нем находилось немало богатых казачьих станиц, которых могли бы поставить солдат для колчаковской армии.

Но самое главное, что привлекало здесь беляков, — это прямая дорога на Монголию и Китай. 14 октября Красная Армия, сломав оборону белых, форсировала Тобол и быстро двинулась вперед. Через две недели был взят Петропавловск. Колчаковский фронт неудержимо катился на восток. В этих условиях нельзя было не думать о ближних дорогах для отступления. Самой лучшей, несомненно, была дорога через Саяны. Та, которую наилучшо закрыла партизанская армия.

Обе стороны готовились к решающим боям.

Белогвардейцы пользовались всеми способами, чтобы посеять в массах неприязнь к красным, не гнушаясь и дезинфекцией. Партизаны задержали человека, посланного управляющим губернией Троицким для распространения «послания» к крестьянам Минусинского уезда. А чтобы все-таки о содержании «послания» узнали те, кому оно предназначалось, газета «Сона и Молот» поместила его на своих страницах. Но со своими убийственными комментариями, разоблачающими лживую колчаковскую пропаганду.

Пугая крестьяν всевозможными караами за поддержку партизан, Троицкий писал: «Временно красным разбойничьим бандам удалось захватить г. Минусинск... Пользуясь этим, большевики сбивают с толку темных людей и распускают слухи, что в Минусинском уезде будет Советская власть... Знайте, что на далеком от вас Челябинском фронте наши войска с победой гонят цепные красные армии... Так неужели же не справляются наши войска с шайками Щетинкина и Кравченко? Опомнитесь, пока не поздно...»⁵⁸

Кого могли убедить эти кликушеские вопли? Кошмарная жизнь под гнетом колчаковщины открыла крестьянам глаза и научила многому. За несколько месяцев колчаковского «правопорядка» классовое самосознание населения выросло, как не вырастало за десятилетия. Стало ясным, кто враг, а кто друг. Дорого заплатили они за эту науку, зато твердо знали теперь, что такая Советская власть и как ее нужно защищать от врагов.

Партизанская армия проходила период реорганизации. Увеличивались старые, образовывались новые полки, расширялись в связи с этим предприятия и отделы Армейского Совета. 4 октября состоялся расширенный пленум Совета, главным вопросом которого стали перевыборы партизанского командования сверху донизу. Главнокомандующим вновь был избран А. Д. Кравченко. Перевыборы в полках дали значительное пополнение Армейского Совета⁵⁹.

После распределения обязанностей пленум обсудил наказ Тальского полка вновь избранным членам Ар-

мейского Совета. В нем талцы подчеркивали ответственность выборных перед всеми и заверили, что Совет вполне может рассчитывать на их поддержку во всех затруднительных случаях.

В наказе подчеркивалось, что члены Совета отвечают не только за дела на фронте, но и за восстановление народного хозяйства, за культуру и просвещение народа, за любую несправедливость, если таковая случится на освобожденной от колчаковцев территории. Наказ призывал членов Совета быть спреданными, принципиальными, крепить связи с народом⁶⁰.

Пленум с большим удовлетворением принял этот наказ и обратился ко всем партизанам с призывом поддерживать Совет во всех мероприятиях, которые будут проводиться согласно наказу.

Приближалась вторая годовщина Октябрьской революции. Первый раз в жизни мы собирались открыто праздновать этот великий день. Здесь, в глубоком тылу колчаковской реакции, празднование Октября имело особенное значение: для нас борьба за революцию продолжалась.

К празднику готовились все. В каждом доме открывалась своя «парикмахерская». Расквартированные в Минусинске боевые части ремонтировали оружие, чи-



Президиум Армейского Совета. Сидят: Г. Шаклен, С. Сургуладзе, П. Скоромкин; стоят: Еремин, А. Загвязинский

стили лошадей и приводили в порядок сбрую. Праздничный номер «Сохи и Молота» готовился на четырех полосах, напечатанных красным шрифтом.

И вот этот день наступил. На центральную площадь на митинг собирались массы крестьян. В строгом строю двигались туда партизанские части. Партизаны были хорошо обмундированы и подтянуты, в новых черных полушибках, в новых валенках и белых папахах. Сверкало начищенное до блеска оружие. Громыхали пушки. Развевались по ветру боевые знамена, овеянные дымом сражений. Военный парад выглядел внушитель-

но.

Боевые колонны выстроились возле двухэтажного купеческого дома (сейчас в нем помещаются горком партии и горком комсомола). Митинг открыл председатель Армейского Совета С. К. Сургуладзе. Горячо поздравив всех с праздником Великого Октября, он кратко рассказал о значении Октябрьской революции и призвал на защиту ее завоеваний.

Затем выступил командующий партизанской армией А. Д. Кравченко.

— Белогвардейцы любыми способами стараются внушить вам, что партизаны — бандиты, разбойники, грабители, — говорил он. — Посмотрите на наших солдат. Разве похожи они на бандитов и разбойников? Это лучшие представители рабочего класса и крестьянства. Они без колебаний идут в бой и отдают свои жизни за наше общее дело, за Советскую власть. И наша победа близка, мы победим!

После Кравченко слово предоставили мне. Помню, все мы тогда считали, что наша революция лишь начало мировой революции, считали себя ее передовым отрядом. Каждая новость о революционном движении на западе вызывала у нас бурный восторг. В Минусинске мы узнали о революции в Венгрии. Какими-то особыми словами хотелось выразить переполнявшую радость. И свою речь я начал словами:

— Мировая революция шагает по Европе...

Не помню точно, что я тогда говорил: об Интернационале, о широкой поддержке нас рабочим классом всего мира, призывал молодежь под наши боевые знамена, чтобы вместе идти к мировой революции...

Последним выступал П. П. Петров. Он говорил о

священной войне с ненавистным врагом, о том, как шатается и разваливается под ударами лучших сынов народа колчаковский фронт, о Красной Армии, которая идет нам на помощь.

— Сейчас никто не должен стоять в стороне, — закончил Петров. — Нейтральных быть не должно: кто не с нами, тот против нас. Мы готовимся к последнему сокрушительному удару по врагу и походу на Красноярск и Ачинск. Вступайте в наши ряды и вместе с нами идите к нашей общей победе. Враг не должен уйти.

Оттремели речи. Опустела площадь. С духовым оркестром и с громкими боевыми песнями шли с митинга партизаны по праздничным улицам города, вззволнованные и счастливые, чувствуя себя по праву творцами нового мира.

На VI Армейском съезде, открывшемся 10 ноября, очень остро встал вопрос о необходимости четко сформулировать нашу программу борьбы: кто мы и за что воюем. Прошло два месяца с того момента, как партизанская армия освободила от колчаковщины г. Минусинск. «Беспартийные» меньшевики и эсеры, стоявшие на платформе «подлинного народовластия», запугивали население различными провокационными измышлениями о целях и будущих действиях нашей армии. Надо было дать отпор всем этим слухам, высказаться ясно и определенно.

По предложению руководители съезда С. К. Сургуладзе разработали проект партизанской декларации поручили агитационно-редакционной секции. Сергей Константинович сам принял непосредственное участие в этой работе. Ему пришлось поправлять отдельных товарищей, предлагавших внести некоторые отступления от ленинских принципов, от декретов Советской республики под предлогом наших «особых» условий.

— Мы только часть великой Советской страны, — сказал председатель Армейского Совета, — территория, освобожденная от белогвардейщины. Условия в разных концах страны и могут быть разными, но цель у нас одна. На вопрос, с кем вы, мы всегда отвечали делом, восстанавливали Советы в освобожденных нами городах

и селах. Нашей главной задачей была и остается одна: борьба за Советскую власть, разгром колчаковщины. Так и предлагаю записать в Декларации.

Так в ней и записали: «Никакой другой власти, кроме власти Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Крестьянская армия не признает и на всякую другую власть будет смотреть как на usurпатора народных прав и будет бороться с ней силой оружия».

Во второй половине ноября наступило резкое похолодание. Начались снегопады, по Енисею пошла шуга. Намерзая на кромки заберегов, она с каждым днем делала Енисей все уже и уже. Именно тогда заманские партизаны ждали гостей из родных мест. Перед самым уходом из Заманья Канский полк выделил бойцов для летучего отряда — громить вражеский тыл, человек шестьдесят надежных, смелых и хорошо знающих местность. В отряд вошли братья Саломатовы: Петр, Федор и Василий, командир батальона Демьян Потылицын, братья Боярчук: Герасим, Прохор и Василий, братья Таралло: Ефим и Ульян, Поликарп Жалобин, Ульян Ковалевский, Михаил Казанцев, Павел Перов, Феодосий Терещенко и другие. Партизаны нападали на белогвардейские обозы, нарушили движение колчаковских частей к фронту.

Когда партизанская армия вынуждена была уйти из Заманья, летучий отряд сыграл большую роль в обуздании предательской деятельности кулаков. Партизаны крепко предупредили их: за предательство — смерть. И те предпочитали молчать о тех, кто был в партизанах, о партизанских семьях. Жизнь казалась им дороже обещанных колчаковцами почестей и наград за каждого выданного «большевика».

Три брата Саломатовы были душой летучего отряда. Семья Саломатовых вся была революционной. Все три брата с первых же дней революции встали на большевистские позиции, а после белочешского мятежа и падения Советской власти стали подпольщиками, а затем бойцами партизанской армии. Их сестра Прасковья пошла медсестрой в партизанский госпиталь. На становление большевистских убеждений Саломатовых не

мог не повлиять и тот факт, что в предреволюционные годы у них на квартире жили ссыльные большевики: Н. И. Коростылев (впоследствии первый председатель Канского уездного Совета) и его жена М. П. Вохмина.

Белые устроили настоящую охоту за летучим отрядом. Не раз мстители были на волосок от гибели. И всегда выходили живыми из самых трудных положений. И все же однажды они ушли только чудом. Одних раненых насчитали после боя шестнадцать человек. Чтобы они могли встать на ноги, нужно было выбраться к своим.

На выручку попавшего в беду отряда Главный штаб направил из Минусинска Степана Сабаева, бывшего командира Канского полка. Сабаев с честью справился с заданием: нашел отряд и тропой, по которой ранее прошла партизанская армия, вывел его на Минусинск, не потеряв ни одного раненого.

Радость встречи была неописуемой. Все обнимали, целовали «воскресших из мертвых». Расспросам не было конца. Тогда мы и услышали из первых уст страшную весть о расправе колчаковцев с жителями заманского края. И еще раз поклялись драться до тех пор, пока ни одного врага не останется на нашей земле.

Разгром колчаковщины

Партизанская армия готовилась к последнему большому походу. Интенсивно работали оружейные мастерские. Теперь это был уже целый завод с тремястами рабочими. Среди них были и такие высококвалифицированные оружейники, как старый питерский рабочий Петр Маркитант и его сын Генрих, Аксенов, Максимов, Письменный, Карасев, Масленкин. Они выполняли сложнейшие заказы армии.

На заводе по-прежнему изготавливали порох, пистоны и другие взрывчатые вещества. Для артиллерии требовалась снаряда. Рабочие Абаканского железнодорожного завода приняли заказ на выплавку чугунных болванок. Доставленные в Минусинск, эти болванки в руках опытных токарей превращались в снаряды.

В Главном штабе уточнялись последние детали раз-

работанного стратегического плана сокрушительного удара по врагу. Для обеспечения устойчивого тыла решили начать с освобождения юга Хакасии. В армии теперь было достаточно сил, чтобы вести бои сразу по нескольким направлениям: в ней насчитывалось свыше 18 тысяч бойцов, на вооружении которых имелось около полутора сотен пулеметов и несколько пушек. Был создан специальный пулеметный полк. Командиром его стал К. П. Лидин (Пуляев), а помощником командира — Я. С. Замураев. Подвергались переформированию и отряды, недавно влившись в армию. По решению Армейского Совета их включили в состав старых полков, закаленных в боях и имевших свою боевую историю. Никольский и Сыдинский отряды влились в Тальский полк в качестве третьего батальона, при этом командир Никольского отряда Захаров стал комбатом, а командир Сыдинского отряда Ткаченко — его помощником. Стал кавалерийским эскадроном в одном из полков отряд Лыткина.

Наступление партизанской армии началось 24 ноября; батальон П. С. Лопатского (Манский полк) захватил деревню Подснию. Не встречая сопротивления, партизаны заняли Калягинские угольные копи, с. Усть-Абаканское (теперешний г. Абакан), с боем взяли Черногорск. Североачинцы, выйдя в Новоселовский район, захватили с. Кому и Аешки. В то же время Тальский и Канский полки, перейдя Енисей, начали освобождение южной Хакасии. Замелькали на страницах газеты «Соха и Молот» названия освобожденных сел и деревень: Иудино, Табат, Монок, Арбаты, Бея, Абаза, Таштып, Бородино и т. д. Казаки сражались ожесточенно, но преодолеть наступательное движение красных были бессильны.

Серьезное сопротивление встретили канцы у Сухой Теси. Здесь разыгралось настоящее сражение. Командир полка К. М. Логвинов, пренебрегая опасностью, появился на своем иноходце в самых опасных местах, давая указания и распоряжения, пока пуля белогвардейского снайпера не свалила его с коня. Он уже не видел, как партизаны с криками «ура» погнали беляков.

Партизанские врачи сумели спасти жизнь боевого командира. А Канский полк под командованием по-

мощника Кузьмы Михайловича М. Т. Савицкого продолжал двигаться вперед и уже на следующий день занял Большую Ербу и рудник Юлия. В одном из этих боев погиб запевала Канского эскадрона Иван Кравченко.

Рос счет боевых побед и у партизан Манского полка. Они разгромили противника под Абаканским, выгнали его из Абакано-Перевозной и двинулись дальше вниз по Енисею.

В это время из Новоселово, в обход манцев, по направлению к Минусинску, вышел крупный белогвардейский отряд под командованием капитана Волкова. Волков собрал в него отъявленных головорезов-карательей, хвастливо заявил: «Завтра я в Убее, обедать буду в Абаканском, а ужинать в Минусинске».

Командир Манского полка В. О. Гусев направил на ликвидацию воинства самоуверенного капитана батальон П. С. Лопатского, придав ему эскадрон кавалерии. Лопатский решил использовать гонор карательей как своего союзника и сумел навязать им свой план боя. Между деревнями Михайловкой (Охламенкой) и Ново-Рождественкой (Устуком) на отряд Волкова напал посланный Лопатским кавалерийский эскадрон. Беляки смело кинулись в атаку и, к своему большому удовлетворению, стали очень скоро теснить красную конницу.

Они и не подумали, что отступление конников —



П. С. Лопатский (слева) и А. М. Шиханов

лишь часть задуманного партизанами плана. Уже чувствуя себя победителями над беспорядочно отступающими «бандитами», колчаковцы вдруг попали под беспощадный огонь партизанской засады. Все свершилось так быстро, что и сопротивляться, и бежать было бесполезно. Прижатые к крутой горе, белые были уничтожены. Бежал только сам Волков с небольшой группой приближенных офицеров. 400 убитых карателей, 150 пленных, свыше 600 захваченных винтовок, три пулемета и шесть возов патронов — таким оказался итог этого поистине замечательного боя. Наши потери были в десять раз меньше. Ни обедать, ни ужинать в этот день после горячего партизанского угощения Волкову не пришлося⁵³.

Менее удачными оказались действия манцев при штурме Батеней. Планом было предусмотрено, что когда беляки будут втянуты в бой, батальон Е. А. Исакова ударит им в тыл. Но Исаков где-то замешкался, и без его поддержки наступающие стали терять инициативу. Колчаковцы перешли в контрнаступление. Полкнес большие потери. Ранили помощника командира полка Ефима Селина. У комбата Лукашевича подбили лошадь. Падая с нее, он сломал ногу и тоже вышел из строя. Были убиты командиры рот Моисеенко и Каракин.

Особенно тяжелое положение сложилось на левом фланге. Пулеметный огонь не давал поднять головы. Тогда последний из оставшихся в живых командиров рот К. М. Семенов с комвзвода Осиповым и партизаном Толстых, маскируясь и используя каждый бугорок, обошли пулеметчиков и, уничтожив пулеметный расчет, захватили пулемет. Затем спокойно вззвали его на себя и, забрав ящики с патронами, в открытую пошли к своим. В горячке боя белые даже не поняли, что случилось, и не стреляли. Видимо, просто решили, что это их пулеметчики меняют позицию.

Как раз в это время пошла в атаку казачья конница. Пулемет ударили ей во фланг. Атака захлебнулась. А дрогнувшее было партизанское пополнение приободрилось и устояло. Подвиг наших пулеметчиков помог манцам организованно отступить на прежние позиции. Опоздание батальона Исакова делало бессмысленными дальнейшие атаки в лоб.

На следующий день стали известны причины этого опоздания. Сначала партизанам помешала большая польня, не позволившая перейти Енисей кратчайшим путем. Затем неожиданно для всех в деревне Сарагаш, через которую приходил батальон, оказались белые. Завязался бой, продолжавшийся несколько часов и закончившийся полным разгромом колчаковцев. 200 из них были убиты, более ста сдались в плен. В Батени батальон, конечно, опоздал, но все же именно он в конечном счете принес партизанам победу. Узнав о разгроме своего отряда в Сарагаше, белые той же ночью оставили Батени и отступили вниз по Енисею.

Партизанская армия продолжала наступление, расширяя фронт и тесня колчаковские войска к железной дороге. А с запада давила колчаковцев освободительница Сибири 5-я красная армия. 14 ноября на плечах противника она ворвалась в колчаковскую столицу — г. Омск и, развивая наступление, погнала его дальше. 28 ноября Реввоенсовет Пятой армии направил телеграмму командирам партизанских отрядов Кравченко и Щетинкина (предполагая, что это отдельные отряды) с указанием быстрее продвигаться вперед: разрушать железную дорогу, взрывать мосты, водокачки, производить крушение поездов, чтобы остановить движение и этим парализовать действия колчаковской армии. И партизаны громили белогвардейские отряды, не давая им ни отдыха, ни срока.

До встречи с регулярными частями Красной Армии оставались теперь считанные дни. 14 декабря был взят Новониколаевск (Новосибирск), а 16—20 декабря бои развернулись уже на подступах к Тайге и Томску. Полный разгром колчаковцев был очевиден и неизбежен. Голодные и вшивые, на лошадях и пешком двигались они, думая лишь о спасении, вдоль линии железной дороги.

В такой обстановке белогвардейское командование Минусинского фронта не рискнуло присоединиться к этой обезумевшей, потерявшей всякое управление массе и сделало еще одну попытку прорваться через Минусинский уезд и Урянхайский край в Монголию и Китай. Это был их единственный шанс на спасение.

Раннее утро 23 декабря началось артиллерийским обстрелом д. Трифоново, которую занимали первый и



Е. А. Исааков

ошеломляющим и неожиданным, что беляки сразу стали бросать оружие и сдаваться в плен. В этом бою был убит генерал, назначенный командующим фронтом вместо Барановского. Партизаны взяли в плен 1300 человек, захватили богатые трофеи.

Радость победы омрачала гибель боевого командира 1-го батальона Манского полка Ефима Александровича Исакова. В 1918 году он организовал из своих односельчан партизанский отряд и привел его в Заманье. Этот отряд и стал ядром батальона, бессменным командиром которого был Ефим Александрович до самой своей гибели. Он прошел со своими бойцами по всем нашим фронтовым дорогам и не раз прославил себя замечательными победами над врагом. Было очень обидно, что он не поберегся, и вражеская пуля нашла его в этом последнем для партизан победном бою.

Как не хотелось ему умирать! При отправке в Минусинск он несколько раз спрашивал своего друга

четвертый батальоны Манского полка. Услышав канонаду, из соседней Комы на помощь товарищам подошли остальные части манцев.

В это же время части Североачинского полка и кавалерия под командованием В. А. Уланова атаковали колчаковцев у пристани Новоселово.

Судьбу боя решил батальон Лопатского. Скрыто, за гриками и увалами, он незамеченным пробрался в тыл белым. Его удар оказался настолько

П. С. Лопатского: «Как ты думаешь, Павел, буду я живой?».

Отважного командира не удалось довезти до минусинского госпиталя. Он умер в пути. С воинскими почестями Е. А. Исаков был похоронен на Минусинском кладбище, рядом с командиром полка Ф. Г. Боганом.

Партизанская армия продолжала двигаться вперед. После Трифоновского боя Манский полк пошел на запад. Освободил с боями Светлолово, Тульково, Рыбalkу (Петропавловку), Ужур. Канский и Тальский полки заняли станции Сон и Шира.

Дальше движение партизанских полков вновь разделилось. По решению Главного штаба тальцы и североачинцы под общим командованием П. Е. Щетинкина направились к Ачинску. Канцы и сводные части кавалерии во главе с А. Д. Кравченко двинулись на Красноярск.

Дорога на Красноярск пролегала через Балахту и Даурское, находившиеся еще в руках белых. Но партизанам не потребовалось много усилий, чтобы выбить их оттуда. После короткого боя те в панике разбежались, спасая собственные шкуры. Эта стычка оказалась последней в борьбе партизанской армии с колчаковским воинством. Щетинкинцы встретились с регулярными частями Красной Армии (с 267-м полком 5-й армии) на линии Ужур — Медведево 4 января 1920 года. 6 января они вошли в освобожденный Ачинск.

Колонна, которую вел по Енисею А. Д. Кравченко, двигалась медленнее: мешал тяжелый обоз с пехотой и фуражом для кавалерии и подвод. Лишь 7 января передовые части партизанской кавалерии вступили в д. Овсянку. Здесь, в 18 километрах от Красноярска, партизаны узнали, что город уже освобожден от колчаковцев восставшими рабочими и примкнувшим к ним гарнизоном.

На следующий день, 8 января 1920 года, сводная кавалерия и Канский полк вступили в Красноярск. Одновременно с ними в город с запада вошли части 30-й дивизии 5-й армии. Боевой путь партизан закончился.

За 14 месяцев своего существования партизанская

армия, возглавляемая А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкиным, прошла боевыми походами более двух с половиной тысяч километров, провела более ста крупных боев и выросла до 25 тысяч бойцов. К моменту соединения с Красной Армией все партизаны были вооружены винтовками. Кроме того, на вооружении армии имелось 153 пулемета, 5 орудий, револьверы, гранаты и т. д.⁴. Все это мы добыли в боях, обратив против врагов их собственное оружие. Партизанские части уничтожили и вывели из строя тысячи верных колчаковских служак, лишили колчаковцев богатейшей материальной базы — юга Енисейской губернии и оказали существенную помощь освободительнице Сибири — Пятой армии в окончательном разгроме беляков. 15 января адмирал Колчак был арестован в Иркутске, а затем расстрелян. Кровавая колчаковская эпопея закончилась.

23 января 1920 года в красноярском клубе «Динамо» состоялся последний VII армейский съезд партизанской армии. На этот раз в его работе, наряду с партизанами, приняли участие и представители Реввоенсовета Пятой армии.

Но не для всех партизан война закончилась с разгромом колчаковщины. Когда на молодую Советскую республику двинулись укрепившийся в Крыму барон Врангель, а с запада — войска буржуазно-помещичьей Польши, многие вступили во вновь формирующиеся добровольческие отряды. Во главе одного из них, ставшего полком, выехал на польский фронт А. Д. Кравченко. Командиром другого полка на врангелевском фронте стал П. Е. Щетинкин. Бок о бок сражались с ними их испытанные товарищи В. А. Уланов, Я. С. Замураев, Я. Ф. Ксендзов, В. Г. Шпагин, М. И. Жалнерчик и другие.

П. Е. Щетинкину пришлось повоевать и после завершения разгрома Врангеля. В декабре 1920 года он еще участвовал как делегат в работе VIII Всероссийского съезда Советов, а уже в марте 1921 года его назначили командиром экспедиционного отряда против барона Унгерна, действовавшего на территории Монголии. Части Красной Армии помогли монгольскому народу покончить с «черным бароном». За успешные боевые действия в этой операции и пленение Унгерна

П. Е. Щетинкин был награжден орденом Красного Знамени.

По-разному сложились в дальнейшем судьбы партизан. Многие из них навсегда связали свою жизнь с военной службой, стали кадровыми командирами Красной Армии. В Киеве живет сейчас генерал-майор в отставке В. Г. Шпагин, в Риге — полковник в отставке В. И. Алкснис. Стал подполковником М. И. Жалнерчик.



Бойцы вспоминают минувшие дни... Слева направо: К. Кузнецова, Я. Ксендзов, Г. Попов, П. Ковалева (Саломатова), Т. Кравченко. Минусинск. 1969 г.

Всю жизнь проработал в органах ВЧК бывший член Армейского Совета О. С. Стильве. Ныне он полковник в отставке. Живет в Риге, ведет большую общественную работу. 25 лет был чекистом подполковник В. В. Твердых, бывший секретарь полкового Совета

Канского полка. Чекистами были В. А. Уланов, П. Ф. Лопатский и другие.

Многие партизаны пошли учиться. Закончила Институт красной профессуры А. И. Сухорослова. Стали профессорами А. К. Низовцев и П. В. Кащуткин. На партийную и педагогическую работу пошли М. И. Заблоцкая, Т. К. Барашкова, Е. В. Астанкова, З. В. Кравченко. Партизанский агитатор Василий Саломатов организовал из бывших партизан в Курагинском районе сельскохозяйственную коммуну «Соха и Молот» и многие годы был ее руководителем. Его сестра Паша Саломатова работала председателем райисполкома, избиралась членом Сибкрайисполкома. На руководящей хозяйственной работе трудился бывший комендант г. Минусинска Я. Ф. Ксендзов. Сейчас он на заслуженном отдыхе, живет в г. Новосибирске. Стали специалистами высшей квалификации, закончив институты, В. В. Загуменный, К. П. Лидин (Пуляев), П. Е. Петров, Т. А. Кравченко и другие. Звание заслуженного врача РСФСР было присвоено в 1943 году бывшему главному врачу партизанского госпиталя П. П. Ксюнину. За свою плодотворную деятельность он награжден орденом Ленина.

Партизанский главнокомандующий А. Д. Кравченко трудился на многих участках хозяйственного строительства. Возглавлял в Енисейской губернии комиссию по восстановлению разрушенного войной хозяйства. С конца 1921 года он — председатель Енисейского губернского транспортного бюро. В декабре 1922 года Александр Диомидович участвовал в работе X Всероссийского съезда Советов.

В годы гражданской войны дал знать о себе застарелый туберкулез легких. Болезнь обострилась, и врачи посоветовали А. Д. Кравченко сменить климат. В конце 1922 года Наркомзем назначил его начальником Терского губземуправления в Пятигорске. Там, на Кавказе, я и видел в последний раз своего командующего, когда приезжал к нему из Москвы на студенческие каникулы (по рекомендации Александра Диомидовича я поступил в Московский межевой институт).

К сожалению, благодатный климат не оказал на А. Д. Кравченко целительного воздействия. Перелома

к лучшему не произошло, и 21 ноября 1923 года он скончался в г. Ростове-на-Дону в возрасте 43 лет.

П. Е. Щетинкин после разгрома банд Унгерна учился на курсах при Военной Академии РККА. В марте 1922 года он прибыл в распоряжение штаба войск ГПУ Сибири и работал там сначала на должности командира полка, а затем помощника старшего инспектора по строевой части. После завершения курсов высшего командного состава РККА (октябрь 1925 по июль 1926 года) был назначен начальником части погранохраны Сибири.

В сентябре 1927 года правительство Монгольской Народной республики пригласило П. Е. Щетинкина к себе в качестве инструктора государственной обороны. Здесь и дали себя знать длительные перегрузки, наложенные работа в течение долгих лет. 30 сентября того же года Петр Ефимович умер в Монголии от паралича сердца. Похоронили его в Новосибирске.

Отважному партизанскому командиру поставлены памятники в Минусинске и Ачинске. Его именем названы многие колхозы и совхозы. На трассе мужества — железной дороге Абакан—Тайшет именами А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина названы станции.

Председатель Армейского Совета С. К. Сургуладзе после завершения военных действий некоторое время еще работал в Енисейской губернии, а затем выехал на родину — в Грузию. Работал председателем исполнкома уездного Совета Тианетского уезда. 10 июля 1923 года он пал геройской смертью в борьбе с бандитами. Его похоронили в Тбилиси.

П. П. Петров, «президент» партизанской республики, главный агитатор и пропагандист Армейского Совета, редактор партизанской газеты «Соха и Молот», осуществил свою многолетнюю мечту и поступил учиться. Закончил Краснодарский институт народного образования, стал писателем. Лестный отзыв А. М. Горького о первых произведениях П. П. Петрова помог ему поверить в свои силы. Им написано много рассказов, повестей и романов, которые с интересом читаются и сейчас. Уже десять изданий выдержала его повесть для детей «Салпы шумят». Пользуются известностью повести П. П. Петрова «Перовские красные партизаны», «Кровь на мостовых», романы «Борель»,

«Половодье», «Золото», «Шайтан-Поле». Жизнь писателя трагически оборвалась осенью 1941 года.

Со времени гражданской войны минуло полвека. Это были годы напряженного социалистического строительства, годы борьбы с германским фашизмом и восстановления народного хозяйства. Неизвестно преобразился за это время наш Красноярский край. На его просторах родились и выросли новые города: Абакан, Норильск, Дивногорск и другие. Закончилось сооружение крупнейшей в мире Красноярской ГЭС. Строится еще более мощная Саяно-Шушенская гидростанция. Там, где по таежным дебрям пробирались на юг заманские партизаны, сверкает огнями железная дорога Абакан—Тайшет. На местах бывших боев сопротивляется гигантский Саянский промышленный комплекс.

Не зная истории, трудно понять разительность этих перемен. Но для нас, ровесников века, в этих переменах — вся наша жизнь, наш труд, наша борьба. И мне хочется, чтобы память о тех, кто боролся и отдал жизнь за счастье будущих поколений, вечно жила в людских сердцах. Память о героях никогда не умрет, а слава их никогда не померкнет.

Указатель литературы

¹ Документы геронческой борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.). Красноярск, 1959, стр. 67.

² Там же, стр. 70.

³ Годы огневые. Сборник воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии за власть Советов (1918—1920 годы.) Красноярск, 1962, стр. 250.

⁴ Там же, стр. 251.

⁵ Документы геронческой борьбы, стр. 120.

⁶ Центрархив. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Сборник материалов и документов. М., 1925, стр. 56.

⁷ Документы геронческой борьбы, стр. 190—191.

⁸ Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1967, стр. 368—377.

⁹ Документы геронческой борьбы, стр. 133.

¹⁰ Там же, стр. 136.

¹¹ Центрархив. Партизанское движение в Сибири. Т. 1, стр. 95—96.

¹² Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1, стр. 109.

¹³ Документы геронческой борьбы, стр. 178.

¹⁴ «Минусинский край», 1919, 5 и 20 апреля.

¹⁵ Документы геронческой борьбы, стр. 178, 216.

¹⁶ Там же, стр. 167.

¹⁷ Там же, стр. 235.

¹⁸ «Свободная Сибирь», 1919, 6 мая.

¹⁹ Там же, 20 мая.

²⁰ Годы огневые, стр. 273.

²¹ Там же, стр. 141.

²² Там же, стр. 273.

²³ Документы геронческой борьбы, стр. 254.

²⁴ Там же, стр. 261.

²⁵ Годы огневые, стр. 142.

²⁶ Там же, стр. 144.

²⁷ Я. С. Замураев. Енисейские партизаны. Новосибирск, Зап.-Сибирское кн. изд-во, 1970, стр. 177—187.

С о д е р ж а н и е

- ³⁸ За свободу народа. Сборник воспоминаний красных партизан Тувы. Кызыл, 1957, стр. 48—50, 221.
³⁹ Там же, стр. 223.
⁴⁰ Там же, стр. 246.
⁴¹ Там же, стр. 36.
⁴² Там же, стр. 250.
⁴³ Там же, стр. 268.
⁴⁴ Годы огневые, стр. 146.
⁴⁵ Документы героической борьбы, стр. 270.
⁴⁶ Там же, стр. 268.
⁴⁷ За свободу народа, стр. 216.
⁴⁸ Годы огневые, стр. 164.
⁴⁹ Там же, стр. 148.
⁵⁰ За свободу народа, стр. 35.
⁵¹ Из доклада начальника Главного штаба армии А. Т. Иванова. Партийный архив Красноярского края, ф. 64, оп. 3, д. 235.
⁵² П. Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной. Новосибирск, 1929, стр. 53.
⁵³ Годы огневые, стр. 166.
⁵⁴ «Соха и Молот», 1919, 23 сентября.
⁵⁵ «Соха и Молот», 1919, 29 октября, 6 и 11 ноября; Документы героической борьбы, стр. 344—345.
⁵⁶ «Соха и Молот», 1919, 26 октября.
⁵⁷ Там же, 15 ноября.
⁵⁸ Там же, 12 ноября.
⁵⁹ Партийный архив Новосибирской области, ф. 5, оп. 2, д. 938.
⁶⁰ «Свободная Сибирь», 1919, 17 сентября.
⁶¹ «Соха и Молот», 1919, 28 октября; Документы героической борьбы, 325.
⁶² «Соха и Молот», 1919, 16 октября; Документы героической борьбы, стр. 316.
⁶³ «Соха и Молот», 1919, 12 декабря.
⁶⁴ Годы огневые, стр. 169.

От автора

3

☆

Часть первая

БАДЖЕЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Уходим в подполье	7
Боевое крещение	18
Баджейцев поддерживают перовцы	29
Отступаем непобежденными	40
Ворота на замке	48
Выход в Канский уезд	50
Знаменосцы большевизма	64
Советская власть в колчаковском тылу	69
Щетинкины	80
Бой под Нарвой	90
Последние дни Баджейской республики	97

☆

Часть вторая

СЛЯНСКИЙ ПОХОД

Сквозь тайгу	104
Минуса	107
Савны	114
В Урянхайском крае	129
Белшарский бой	140
Поход на Минусинск	154
Минусинская республика	166
Разгром колчаковщины	185

Ту

Пар
е2
стр.
геро

Гавриил Николаевич Попов

ПАРТИЗАНЫ ЗАМАНЯ

Редактор Л. П. Монсеева

Художественный редактор М. Ф. Живило

Технический редактор Н. А. Цыбенко

Корректор Л. В. Алексеева

АЛ00063. Сдано в набор 15/IX-1973 г. Подписано к
печати 5/III-1974 г. Объем 10,38 уч. изд. л., 10,50
 усл. печ. л. Формат 84×108^{1/3}. Бумага тип. № 2.
 Заказ 9. Тираж 10 000 экз. Цена 30 коп.

Красноярское книжное издательство,
Красноярск, пр. Мира, 89.
Типография «Красноярский рабочий»,
г. Красноярск, пр. Мира, 91.